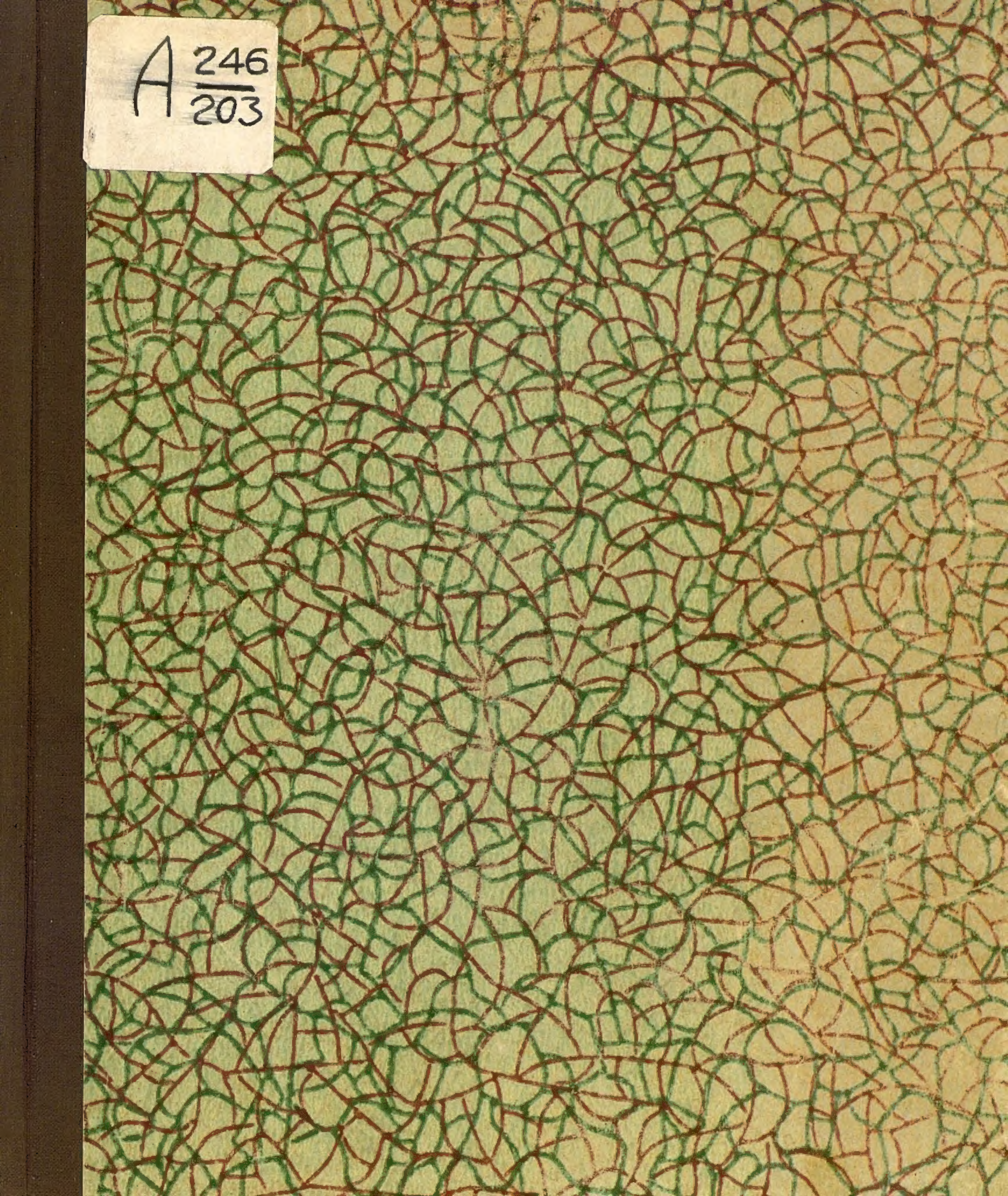
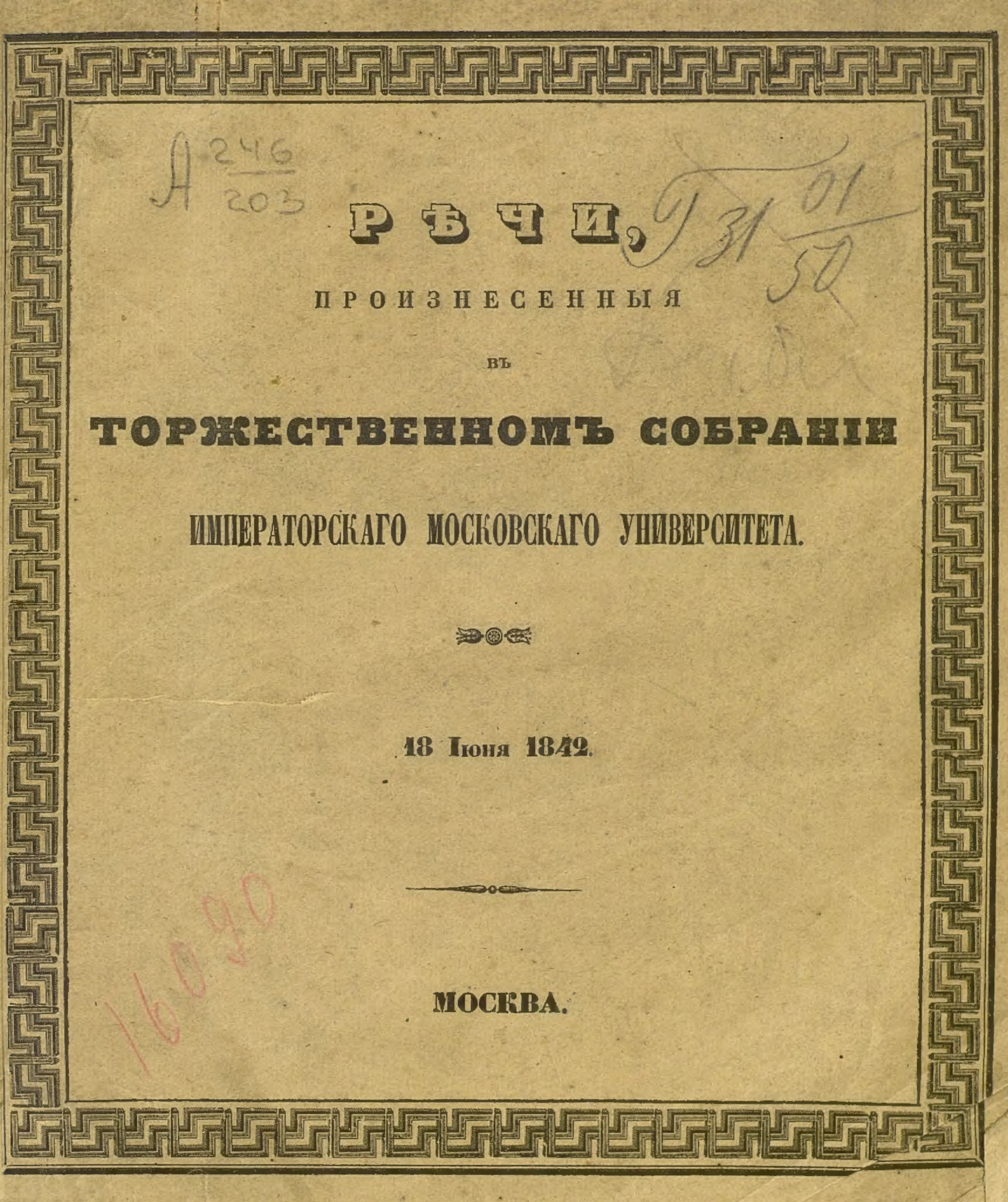

A 246/203

РѢЧИ,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

18 Іюня 1842.

МОСКВА.

ОБЪ

ОТНОШЕНІИ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ къ ГОСУДАРСТВЕННОМУ.

ОБЪ

ОТНОШЕНІИ

СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ

КЪ

ГОСУДАРСТВЕННОМУ.

РѢЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Ординарнымъ Профессоромъ Русской Словесности, Докторомъ Философіи и Членомъ Педагогическаго Института

Степаномъ Шевыревымъ.

18 Іюня 1842.

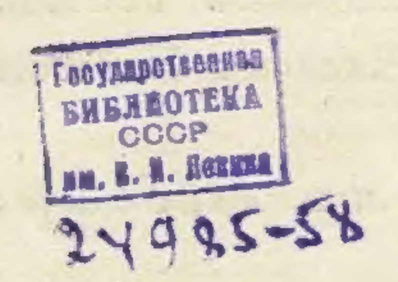
МОСКВА.

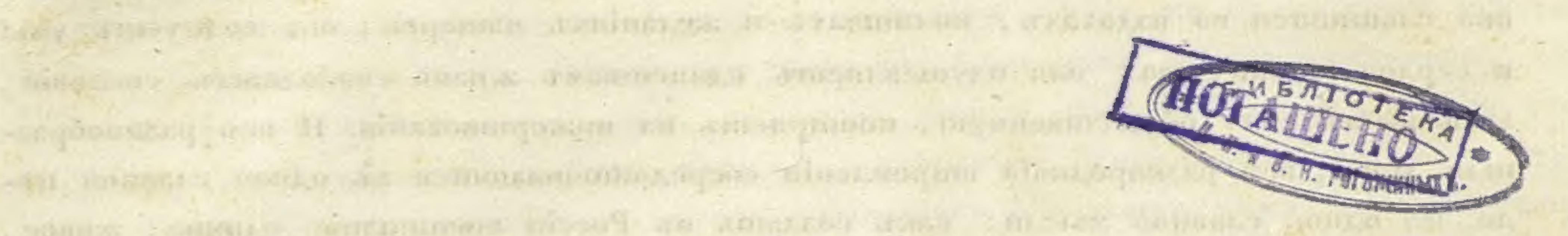
Въ Университетской Типографіи.

1842.

Напечатано по опредѣленію Университетскаго Совѣта. Іюня 10го дня 1842 года.

Секретарь Совѣта Михаилъ Назимовъ.

Еще совершили мы Академическій годъ — и вы, Мм. Гг., приходите къ намъ, въ эту мирную субботу нашего покоя и торжества — любоваться вмѣстѣ съ нами вновь распустившимся цвѣтомъ прекраснаго юношества, которое было вами ввѣрено нашимъ трудамъ и заботамъ. Вотъ питомцы наши — готовые къ тому, чтобы изъ объятій науки перейти къ дѣлу жизни: съ чувствомъ радости и думы смотримъ мы на нихъ, всноминая, что день нашего отдыха будетъ для нихъ началомъ труда великаго, бо́льшаго нежели какой здѣсь понесли они.

Избранный не въ чреду свою, на этотъ торжественный день, говорить Русское слово, много размышлялъ я, о чемъ поведу его. Наука моя предлагала мнѣ обиліе предметовъ и увлекала меня легкостью знакомаго содержанія; но на этотъ разъ я уклонился отъ ея прельщеній, и нарушаю обычай нами принятый. Въ душу мою запалъ вопросъ, въ которомъ сходимся мы всѣ трудящіеся здѣсь на поприщѣ ученія, вопросъ, къ которому примыкаютъ всѣ разнородныя стремленія наши, связуясь въ немъ, какъ въ срединномъ узлѣ, и черезъ него переходя изъ міра отвлеченной науки въ міръ дѣйствія и жизни. Въ немъ участвуете и вы, собравшіеся сюда на торжество наше; въ немъ, вмѣстѣ съ вами, участвуетъ и вся Россія. Да, это вопросъ живой, государственный, всенародный — вопросъ о воспитаніи.

Искони занималъ онъ всѣ образованные народы и государства; искони слышался и въ нашемъ Отечествѣ; но кто же изъ насъ не замѣтилъ, что съ нѣкото-

рыхъ поръ этотъ вопросъ раздался съ такою чудною силою, съ какою никогда еще не раздавался въ предѣлахъ Россіи? Это совершилось на нашей памяти, на глазахъ нашихъ: мысль о воспитаніи животворно пронеслась повсюду и соединила всѣхъ; она проникла въ жизнь семействъ и стала ихъ средоточіемъ; она тревожитъ сонъ и покой родителей; она наводитъ важныя думы на чела отцовъ; она слышится во вздохахъ, молитвахъ и желаніяхъ матерей; она волнуетъ умы и сердца юношества; она одушевляетъ единствомъ жизнь свободныхъ сословій, вызываетъ силу общественную, поощряетъ на пожертвованія. И всѣ разнообразныя думы, всѣ разнородныя стремленія сосредоточиваются въ одной главной цѣли, въ одной главной мысли: какъ создать въ Россіи воспитаніе единое, живое, народное, соотвѣтственное нашей почвѣ и истекающее изъ потребностей нашей жизни?

Кто виновникъ этого движенія? Мы должны быть признательны: оно дано Правительствомъ. Пріятно хвалить тогда, когда слова не лесть, принужденно сказанная, а истина, которую признаетъ всякій. Правительство премудро отгадало потребность современную, и дѣятельная воля его была выраженіемъ всенародныхъ желаній. Милліоновъ не пощадило оно, претворяя тлѣнное богатство вещественное въ вѣчное богатство духа; безпрерывно возникаютъ новыя школы; праздники торжествуются открытіемъ новыхъ училищъ; званіе наставника возвышено и въ домѣ и въ школѣ, и образуетъ уже власть общественную; юноши съ малыхъ лѣтъ жаждутъ ученія; библіотеки ростутъ днями; методы преподаванія улучшаются; соревнованіе движетъ всѣхъ и каждаго, — и среди этой многосложной дѣятельности, величіемъ сознанной народной мысли и трудомъ неутомимымъ и безкорыстнымъ блистаютъ Университеты, пріемля, подъ бдительнымъ окомъ Правительства, разумную власть надъ образующимися поколѣніями грядущей Россіи. Да, конечно, публичное воспитаніе никогда еще не представляло такихъ прекрасныхъ плодовъ и надеждъ, какіе представляетъ теперь въ нашемъ Отечествѣ.

Но да не подумаютъ родители, чтобы успѣхи публичнаго воспитанія освобождали ихъ почти вовсе отъ священной обязанности править воспитаніемъ

семейнымъ; да не подумаютъ они, что сiе послѣднее можетъ совершенно перейти въ общественное, и улелѣянные этою ложною мыслiю, да не воздремлютъ надъ своимъ великимъ дѣломъ. Напротивъ, болѣе чѣмъ когда нибудь они должны прилагать внутреннюю силу свою къ той внѣшней образующей силѣ, которую предлагаетъ имъ государство. Есть та глубокая тайная святыня, тотъ заповѣдной разсадникъ, то живое училище, куда не проникаетъ никакая государственная власть, какъ бы ни была она бдительна и проницательна, гдѣ можетъ она только ограждать излишнее иногда довѣрiе родителей отъ злоупотребленiй внѣшнихъ. Эта святыня внутренняя есть семейство, — и между тѣмъ какъ государство въ своихъ заведенiяхъ образуетъ человѣка общественнаго, внѣшняго, — здѣсь, въ невидимомъ лонѣ семьи, родится, ростетъ и зрѣетъ человѣкъ внутреннiй, цѣльный, дающiй основу и цѣнность внѣшнему. А эта святыня въ вашихъ рукахъ, родители; здѣсь, въ этой важнѣйшей области воспитанiя, владѣнiе ваше безспорно и неприкосновенно; здѣсь вы — полные властелины, распорядители и отвѣтчики. Скажу болѣе: самыя государственныя усилiя въ успѣхѣ своемъ зависятъ отъ вашихъ, какъ внѣшнiй человѣкъ зависитъ отъ внутренняго; добро общественнаго воспитанiя выростаетъ и утверждается только на той почвѣ, какую вы заготовите; сѣмена ученiя, заботливо посѣянныя нами въ вашихъ дѣтяхъ, принесутъ полезный или вредный плодъ, смотря по тому, каковъ въ каждомъ изъ нихъ тотъ невидимый внутреннiй человѣкъ, котораго развитiе принадлежитъ не намъ, а вамъ, родители. Да, наше дѣло зависитъ гораздо болѣе отъ вашего, чѣмъ обратно. Не полагайтесь во всемъ на насъ: мы полезны только при вашей помощи, при вашемъ бдительномъ и неусыпномъ окѣ. Изъ Университета выходитъ студентъ или кандидатъ; изъ вашихъ же рукъ выходитъ человѣкъ — званiе важнѣйшее всѣхъ другихъ званiй. Да, только въ самой тѣсной, въ самой неразрывной связи семейнаго воспитанiя съ государственнымъ заключается идеалъ воспитанiя совершеннаго, вездѣ, но особенно въ настоящую минуту, въ нашемъ Отечествѣ. Вотъ та мысль, которая глубоко запала мнѣ въ душу, явилась однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ современной Русской жизни, уклонила меня въ сегодняшнемъ словѣ отъ предметовъ моей науки и вызвала бесѣдовать съ вами о ней въ этотъ день, когда вѣнчается дѣло ваше и наше. Сiю-

то мысль постараюсь раскрыть передъ вами: сначала путемъ мышленія, послѣ — путемъ Исторіи.

Подъ именемъ воспитанія должно разумѣть возможно полное развитіе всѣхъ тѣлесныхъ, душевныхъ и духовныхъ способностей человѣка, отъ Бога ему данныхъ, развитіе согласное съ высшимъ его назначеніемъ и примѣненное къ народу и государству, среди которыхъ Провидѣніе назначило ему дѣйствовать. Русское слово: *воспитаніе*, совершенно отвѣчаетъ этому опредѣленію, которое въ сущности своей согласно съ мнѣніями извѣстныхъ педагоговъ (1). Главная задача воспитанія не состоитъ ли въ томъ, чтобы предлагать питомцу надлежащую почву, пищу, свѣтъ и окруженіе, дабы при этѣхъ условіяхъ развивался онъ самъ? Воспитаніе въ Русскомъ смыслѣ должно питать тѣло, душу и духъ надлежащею пищею для раскрытія въ нихъ слитнаго человѣческаго и Русскаго начала. Ученіе, ограничиваясь только умственными способностями, составляетъ окончательную часть воспитанія и представляетъ въ образованномъ разумное сознаніе того, что̀ пріобрѣтено самимъ воспитаніемъ для жизни, — другими словами: ученіе есть воспитаніе, доведенное до сознанія, укрѣпленное разумомъ; оно — блестящій ему вѣнецъ, его золотая вершина, внѣшній свѣтъ, обливающій невидимо всего человѣка (2).

Два существа, тѣсно связанныя, живутъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ: человѣкъ внутренній и внѣшній. Подъ именемъ перваго разумѣю все то, что̀ принадлежитъ человѣку лично, какъ существу особому и ограниченному, и что̀ принадлежитъ ему же наровнѣ со всѣмъ человѣчествомъ: все это мы называемъ міромъ его *свободы*. Подъ именемъ человѣка внѣшняго разумѣю совокупность всѣхъ внѣшнихъ его отношеній къ міру, его окружающему, олицетворяется ли для него онъ въ Существѣ Высочайшемъ, въ природѣ, въ обществѣ, въ государствѣ: всѣ сіи отношенія образуютъ вмѣстѣ міръ его *необходимости*. На этѣхъ двухъ началахъ зиждется все нравственное бытіе человѣка; на ихъ стройномъ равновѣсіи утверждается нравственное его совершенство, и слѣдовательно отъ совокупнаго и взаимнаго ихъ другъ въ другѣ развитія зависитъ мѣра достоинства въ его воспитаніи. Свобода человѣка развивается въ его семьѣ; необходимость — въ государствѣ (3).

Дивно устроеніе семьи въ человѣчествѣ: созданная и благословенная Самимъ Богомъ, она назначена *для* того, чтобы ею тѣлесно и духовно множилось человѣчество и наполнило землю. Семья у животныхъ, будучи ограничена одними физическими потребностями, исчезаетъ скоро: одна лишь семья человѣческая, освященная духомъ, имѣетъ постоянную пребываемость, какъ и все духовное. Бракъ служитъ ей основаніемъ — и потому-то, какъ мы увидимъ послѣ, чѣмъ чище, чѣмъ духовнѣе становится у народовъ понятіе о бракѣ, тѣмъ выше восходитъ и семья, и тѣмъ болѣе достигаетъ своего человѣческаго назначенія. Прекрасна и глубока мысль тѣхъ филологовъ нашихъ, которые производятъ Русское слово: *семья*, отъ *сѣмени*, знаменуя тѣмъ призваніе семьи, выражаемое въ коренномъ ея понятіи: служить сѣменемъ всему человѣчеству (4). Здѣсь, изъ тѣлесной связи родителей родится человѣкъ тѣломъ, а изъ связи ихъ духовной возникаетъ онъ и развивается духомъ: вотъ гдѣ великое таинство брака, сочетавающаго духъ и тѣло, доходитъ до полной цѣли своей. Рожденіе дѣтей вѣнчается потомъ воспитаніемъ въ нихъ внутренняго человѣческаго образа. Любовь кровная и душевная составляетъ ту теплую стихію, ту нравственную атмосферу семейства, въ которой человѣкъ развивается. Въ любви все свободно; самое чувство долга истекаетъ изъ самыхъ естественныхъ побужденій; внѣшняя необходимость съ своимъ строгимъ взоромъ стоитъ у порога семьи, не дерзая вступить въ ея тайное святилище, — и человѣкъ въ данномъ ему отъ Бога сосудѣ, подъ лучами любви, раскрывается всею свободою внутренняго существа своего, какъ цвѣтокъ на благотворно грѣющемъ и свѣтящемъ солнцѣ.

Вычислимъ всѣ преимущества, какія предлагаетъ семья для развитія внутренняго человѣка. Всѣ педагоги современные единогласно говорятъ, что воспитаніе должно обнимать человѣка всего, цѣльнаго, какъ онъ есть, и что высшая и послѣдняя цѣль воспитанія состоитъ въ совокупномъ развитіи личнаго его существа съ обще-человѣческимъ (5). Но гдѣ же человѣкъ цѣленъ и весь, какъ не въ семьѣ своей? Здѣсь нагимъ онъ родится, и здѣсь только постоянно сохраняетъ всю наготу души своей, отверстой дома для свободнаго принятія всякой пищи и затворяемой тамъ, гдѣ предстаетъ ему грозная необходимость извнѣ. Общественное заведеніе, какъ бы превосходно и семейно

устроено ни было, никогда не можетъ имѣть у себя въ рукахъ всего, цѣльнаго человѣка: ибо корень его всегда будетъ въ семьѣ, откуда онъ, — если же нѣтъ у него семьи, тогда горе: ибо оно не можетъ дать ему своего корня. Гдѣ лучше охраняется личность человѣка отъ всѣхъ постороннихъ внѣшнихъ влiянiй, если не въ семьѣ? Гдѣ самый общiй нравственный идеалъ человѣка можетъ быть тѣснѣе привитъ къ его личности, если не въ ней? Въ общественномъ заведенiи сiя послѣдняя должна быть необходимо принесена въ жертву цѣлому, духу массы, и самое общее человѣческое начало уже употребляется здѣсь орудiемъ для государственныхъ цѣлей.

Педагоги согласно говорятъ (и кто же въ этомъ не согласится съ ними?), что религiозно-нравственное воспитанiе вѣнчаетъ всѣ труды воспитателей и опредѣляетъ въ питомцѣ внутреннюю его цѣнность, какъ человѣка; что религiозное и нравственное чувство должно пробуждать, развивать и питать въ человѣкѣ какъ можно ранѣе; что нравственный его характеръ не можетъ быть чѣмъ нибудь извнѣ ему навязаннымъ и не образуется ни изъ какихъ правилъ, уроковъ и правоученiй, а скорѣе всего окруженiемъ и привычкою съ дѣтскихъ лѣтъ привитою; что добродѣтель живая выростаетъ только на почвѣ нравственной свободы; что сначала, чѣмъ менѣе свобода изъявленiй въ словахъ и дѣйствiяхъ питомца стѣсняется узами законовъ и запрещенiй, тѣмъ нравственный его характеръ выростаетъ прямѣе и крѣпче; что въ свободѣ души — сила и корень добродѣтели; что въ ней начало самоуваженiю, твердому слову, вѣрѣ, преданности и вѣрности (6); что обычай награждать за всякое добро, и наказывать за всякое зло прiучаетъ человѣка дѣлать первое только изъ корысти и убѣгать втораго только изъ страха (7); что при условiи веселаго духа всякое добро скорѣе насаждается въ дѣтяхъ; что все угнетающее ихъ природную живость должно быть изгнано изъ воспитанiя (8). Спрашиваю: гдѣ же можно лучше семьи удовлетворить всѣмъ этѣмъ требованiямъ педагоговъ? Здѣсь Религiя живетъ не въ однихъ внѣшнихъ обрядахъ и словесномъ ученiи, но наполняетъ самый воздухъ семьи и проникаетъ всю жизнь ея: она въ радостяхъ и торжествахъ семейныхъ; она въ рожденiяхъ, болѣзняхъ, слезахъ, утратахъ, заботахъ; словомъ, во всѣхъ возможныхъ положенiяхъ жизни. Всѣми памятными

случаями, всѣми образами, всѣми потрясеніями внутренними, она напечатлѣвается въ человѣкѣ и кладетъ ему въ жизни такую же основу, какъ тотъ краеугольный освященный камень, который первосвященникъ полагаетъ изъ рукъ своихъ въ основаніе храму Божію. Что бы ни потерпѣлъ человѣкъ, какъ бы ни измѣнился, — основаніе, глубоко въ немъ заложенное, будетъ всегда на своемъ мѣстѣ. Исполненіе Христіянскаго Закона и предписаній Евангельскихъ во всей ихъ полнотѣ и силѣ возможно только въ семьѣ: ибо школа вноситъ уже по неволѣ обычаи и предразсудки общественные, не во всемъ согласные съ духомъ Христіянства. Нравственное чувство гдѣ же лучше вольется въ душу ребенка? Не есть ли оно то духовное млеко, которымъ должны его питать родители? Не ихъ ли любовью любитъ онъ все (9)? Условія внѣшней свободы здѣсь только соединяются всѣ для развитія цѣльнаго нравственнаго характера. Привычка никакая такъ сильно не дѣйствуетъ на насъ, какъ семейная. Окруженіе зависитъ все отъ семьи, — и характеръ въ ней идетъ отъ корня самой жизни. Награда за добро и наказаніе за зло — неизбѣжны и неотвратимы въ школѣ, обязанной воздаяніемъ по закону общественному; въ семьѣ только, добро можетъ расти для добра, а страхъ зла переходитъ въ инстинктъ человѣческій. Самое наказаніе теряетъ здѣсь строгій видъ свой, истекая не изъ гнѣва или обязанности, а изъ чистой любви, какъ наказаніе Христіянскаго Бога. Веселый духъ — необходимая атмосфера добра — гдѣ чище и живѣе, если не дома? Кому же изъ насъ, самому прилежному, бывало веселѣе въ школѣ, чѣмъ въ семействѣ?

Государство, пріемля человѣка изъ семьи и вводя его въ свои общественныя заведенія, окружаетъ его развитую свободу сферою долга и необходимости, и связываетъ его множествомъ обязанностей и отношеній, середи которыхъ должна развиваться жизнь его. Свобода, подъ дѣйствіемъ внѣшней необходимости, образуется въ видѣ воли: нравственный характеръ изъ идеальной сферы семейной переходитъ въ живую сферу общественныхъ отношеній. Вотъ первая, необходимая и незамѣнимая польза государственнаго воспитанія, достигнуть которой у себя семья не можетъ никакими средствами.

Во вторыхъ, какъ мало семей, отвѣчающихъ идеалу, нами изображенному! Какъ мало этихъ добрыхъ и прекрасныхъ сосудовъ для развитія сѣмени человѣ-

чества! Какъ часто внутренній человѣкъ искаженъ бываетъ въ нихъ отъ вредныхъ вліяній! Не это ли одна изъ главныхъ причинъ, почему и зло господствуетъ надъ добромъ въ этомъ мірѣ? — Здѣсь открывается другая полезная сторона государственнаго воспитанія, которое можетъ много содѣйствовать исправленію недостатковъ семейнаго, хотя вполнѣ истребить корень зла оно не въ силахъ.

Третья польза, какую оно приноситъ, состоитъ въ приведеніи къ единству разнаго образа мыслей, характеровъ, обычаевъ, привычекъ, предразсудковъ, изъ семей приносимыхъ. Особенный духъ семьи бываетъ весьма полезенъ для образованія личнаго характера въ человѣкѣ; но доведенный до крайности, онъ можетъ быть вреденъ единству духа общественнаго. Въ этомъ отношеніи усиленіе государственнаго воспитанія приноситъ ощутительную услугу въ нашемъ Отечествѣ. Разногласіе мнѣній, какимъ отличается наше общество, проистекаетъ большею частію изъ разногласія въ духѣ семей, подверженномъ столь разнороднымъ западнымъ вліяніямъ. Всѣ стихіи государствъ Европейскихъ съ ихъ образованіями и языками входятъ сюда, и нарушаютъ единство жизни Русской. Съ одной стороны это разномысліе и разноязычіе могутъ со временемъ образовать въ народѣ нашемъ великую, всемірную многосторонность характера, до какой человѣкъ ни въ какомъ племени не достигалъ еще; но съ другой такое смѣшеніе угрожаетъ намъ, особенно въ частныхъ лицахъ и цѣлыхъ поколѣніяхъ, потерею нашей народности — необходимаго сосуда для возращенія въ себѣ духа человѣческаго, — и здѣсь-то, противу сей крайности, благотворно дѣйствуетъ въ воспитаніи сила государственная, которая все разномыслящее единитъ и средоточитъ.

Четвертая многообъемлющая польза отъ государственнаго воспитанія состоитъ въ томъ, что оно предлагаетъ воспитаннику такія богатыя средства къ раскрытію силъ его, какихъ ни одно семейство въ себѣ содержать не можетъ. Здѣсь особенно важны сокровища ученія, которое находится почти все въ рукахъ воспитанія государственнаго. Сила каждаго лица выростаетъ во столько, во сколько сильно государство, его образующее. Одна изъ великихъ задачъ въ общественныхъ заведеніяхъ, особенно Россіи, состоитъ въ томъ, чтобы отражались въ ихъ духѣ могущество, величіе и высокое назначеніе нашего Отечества,

чтобы поразительной ихъ и огромной наружности соотвѣтствовалъ такой же величавый духъ мысли, достойный исполинскаго тѣла Россіи.

Истина очевидно яснѣетъ изъ нашего размышленія: семья и государство должны равно участвовать въ полномъ воспитаніи человѣка. Въ людяхъ воспитанныхъ только семейно, замѣчаются почти всегда недостатокъ воли и неспособность къ дѣятельности практической: питомцы отличныхъ семействъ принадлежатъ по большей части къ тому разряду людей, который въ свѣтѣ означается именемъ *прекраснаго человѣка* съ *прекрасною душою.* Свѣтлый эѳиръ ихъ душевной свободы, оставшись безъ дѣйствія внѣшней необходимости, не могъ отвердѣть въ видѣ воли, — и часто проводятъ они свой мирный вѣкъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда въ общественной жизни. — Рѣже встрѣчаются люди, воспитанные исключительно государствомъ. Здѣсь можетъ встрѣтиться другой недостатокъ: необходимость развивается на счетъ внутренней свободы, и человѣкъ способенъ превратиться въ одну внѣшнюю форму, лишенную живаго содержанія. Но есть сироты, отъ Провидѣнія лишенныя семействъ и призираемыя государствомъ: они могутъ быть спасены только въ семьѣ искусственной — единственно возможной формѣ для общественныхъ сиротскихъ заведеній. Небесныя птицы, сидящія на чужихъ гнѣздахъ — вотъ прекрасный символъ, который даетъ намъ сама природа для такихъ бѣдственныхъ случаевъ (10).

Проникнувъ собственнымъ размышленіемъ въ силу нашей истины, спросимъ объ ней у славныхъ педагоговъ древняго и новаго времени. Въ правилахъ Пиѳагора о педагогикѣ есть одно драгоцѣнное, относительно нашего предмета: »Родители — настоящіе воспитатели дѣтей, говоритъ онъ, и нѣтъ ничего несправедливѣе въ мірѣ, какъ разлучать дѣтей отъ родителей.« Платонъ и Аристотель, сознаніемъ мысленнымъ замкнувшіе міръ древней Греціи, предложили намъ и Греческій образъ мыслей о воспитаніи. Платонъ, какъ Аѳинянинъ, полагалъ идеалъ его въ соединеніи музыки съ гимнастикою, изъ которыхъ первая развивала душу, вторая тѣло. Въ идеальной своей республикѣ Платонъ не признаетъ никакого семейства: такъ у него человѣческое подавлено государственнымъ (11). По Аристотелю, совершенство человѣка одинаково съ совершенствомъ гражданина. Онъ полагаетъ различіе между воспитаніемъ государственнымъ и частнымъ, пред-

оставляя первому утвержденіе общихъ правилъ, а домашнему собраніе частныхъ, случайныхъ опытовъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ рѣзко возстаетъ противъ Аѳинянъ, у которыхъ, какъ народа болѣе человѣчески образованнаго, домашнее воспитаніе сильно противодѣйствовало общественному (12). Изъ Римскихъ писателей Цицеронъ и Квинтиліанъ занимались болѣе теоріею ученія и имѣли въ виду образованіе мужей государственныхъ и преимущественно ораторовъ. Квинтиліанъ (I. 2) для своей цѣли не только предпочитаетъ, но находитъ неизбѣжно необходимымъ воспитаніе общественное. Въ сочиненіяхъ Плутарха, который относится также къ Римской эпохѣ и былъ воспитателемъ Адріана, находимъ какое-то особенное стремленіе къ семейному духу, выразившееся и въ самой жизни этого писателя (13).

Святые Отцы Церкви, первые, разумно поняли важность семейнаго воспитанія въ отношеніи къ человѣческому развитію, и въ ихъ твореніяхъ встрѣчаемъ мы сильныя о томъ мысли. «Да будетъ церковію домъ, состоящій изъ мужей и женъ, говоритъ Іоаннъ Златоустъ. Если въ домѣ васъ только двое — мужъ и жена, — не думайте, чтобы это было къ тому препятствіемъ: ибо Спаситель сказалъ: аще гдѣ двое собрани во имя Мое, ту и Азъ посредѣ ихъ. А гдѣ Христосъ посреди, тамъ многое множество: ибо гдѣ Христосъ, тамъ должны быть Ангелы и Архангелы, и другія силы: изо всѣхъ не вамъ же однимъ имѣть Господа.« (14) Вліяніе языческихъ школъ и вообще стихіи древней, вошедшей сильно въ образованіе запада, много отклонило тамошнихъ педагоговъ отъ прекраснаго начала, указаннаго Святыми Отцами для семейнаго воспитанія; но тѣ изъ нихъ, которые проникнуты были особеннымъ Христіянскимъ духомъ, какъ на примѣръ Викторинъ Рамбальдони, славный педагогъ XIV и XV вѣка, старались вносить семейное начало и въ свои школы.

Реформаторы, или такъ называемые Гуманисты, обратили все вниманіе на классическое ученіе и вовсе потеряли изъ виду воспитаніе народа. Сюда относятся и жесткій классикъ Эразмъ Роттердамскій, и Меланхтонъ, и Іоаннъ Штурмъ, и Валентинъ Троцендорфъ, и многіе другіе (15). Ихъ школы имѣли главною цѣлію — развитіе свободы разума, а источникъ всѣмъ понятіямъ о человѣчествѣ заключали они въ знаніи языковъ Греческаго и Латинскаго. Реформаторамъ противодѣйствовали Іезуиты: ту же ученую стихію внесли они въ за-

падно-католическое образованіе, но подчинили ее совершенно иному началу — слѣпому послушанію. Ни та, ни другая сторона не могли содѣйствовать развитію истинныхъ понятій о воспитаніи человѣческомъ, — ибо они смотрѣли на него, какъ на средство для распространенія своихъ мнѣній.

До сочиненія Локка (1693) мы не находимъ въ новомъ западѣ полнаго трактата о воспитаніи. Локкъ отдаетъ совершенное преимущество воспитанію семейному передъ общественнымъ, основываясь на томъ, что оно предохраняетъ отъ дурнаго сообщества и образуетъ успѣшнѣе свѣтскія привычки. Здѣсь ярко замѣтны и поверхностный взглядъ Локка, и его односторонность.

XVIII й Вѣкъ особенно изобиленъ сочиненіями о воспитаніи. Одинъ изъ самыхъ блистательныхъ софизмовъ этого вѣка есть Эмиль Руссо, конечно много участвовавшій въ томъ ложномъ направленіи, какое приняло воспитаніе во Франціи. Главная и первая ошибка въ этомъ сочиненіи есть предположеніе, что Эмиль сирота (16). Авторъ лишилъ его семьи, лишилъ его и государства, и въ наставники своему питомцу далъ идеальное лицо, изображающее какой-то отвлеченный кругъ общественный, и безпрерывно создающее ему насильственныя положенія для того, чтобы вызвать внѣшнюю его дѣятельность (17). Эмиль Руссо былъ зародышемъ тѣхъ пустыхъ и праздныхъ космополитовъ, въ которыхъ внутренній человѣкъ уничтоженъ внѣшнимъ общественнымъ, чуждымъ всякого національнаго характера (18).

Въ XVIIIмъ же вѣкѣ, Педагогика образовалась уже въ видѣ цѣльной науки и представляетъ многія вѣтви, подходящія къ четыремъ главнымъ школамъ. Область ея — Германія; здѣсь Гуманисты продолжаютъ направленіе ученое, греко-латинское; благотворно ихъ дѣйствіе въ отношеніи къ наукѣ и литературѣ; они созидаютъ методу правильнаго классическаго ученія, но за ученымъ вовсе теряютъ изъ виду человѣка и гражданина. Имъ противодѣйствуютъ двѣ школы: піетисты и филантропы. Первые (19) основывали воспитаніе на внутреннемъ религіозномъ благочестіи, но заключали его въ личныхъ отношеніяхъ каждаго къ Божеству, не имѣя опоры въ Церкви: здѣсь нельзя безъ уваженія упомянуть имя благочестиваго Франке, учредителя школы и отца сиротъ безпомощныхъ. Филантропы приняли основаніемъ отвлеченную идею че

ловѣка (20): двигателемъ сего послѣдняго направленія можно назвать также Руссо. Піетисты вдались въ крайность религіозной мечтательности; филантропы пришли вмѣстѣ съ своимъ вождемъ къ космополитизму. Четвертую школу образуютъ Эклектики, старавшіеся благоразумно избирать лучшее изъ каждой системы воспитанія.

Главный недостатокъ всѣхъ этѣхъ системъ заключался въ ихъ искусственности: онѣ еще не вполнѣ достигли той мысли, что воспитаніе должно въ самомъ себѣ содержать высшую цѣль свою, а не служить орудіемъ для распространенія какихъ нибудь одностороннихъ мнѣній или какого нибудь односторонняго взгляда на человѣка. Всѣ онѣ занимались развитіемъ сего послѣдняго по частямъ, а ни одна не имѣла въ виду его внутренней и внѣшней цѣльности. Потому и отношенія между семейнымъ и государственнымъ воспитаніемъ не были еще опредѣлены въ сихъ системахъ.

Въ то время какъ сіи послѣднія дѣйствовали, соревнуя одна передъ другою и удаляясь отъ истины, въ Швейцаріи явился простой человѣкъ, неученый, сынъ природы, никому неизвѣстный, но съ сильнымъ здравымъ смысломъ, съ сердцемъ теплымъ и одушевленнымъ искрою той Божественной Любви, которая руками Сына Божія ласкала и благословляла дѣтей на землѣ. Отъ самой юности онъ посвятилъ всѣ труды и заботы свои изученію публичнаго воспитанія — и могъ на дѣлѣ увидѣть всѣ недостатки государственнаго устройства, въ немъ отражавшіяся. Методы, господствовавшія въ Германіи, не удовлетворяли ни уму его, ни чувству. Семьею изо ста бѣдныхъ дѣтей окружилъ онъ себя; боролся со всѣми возможными препятствіями; побѣждалъ враговъ и завистниковъ; терпѣлъ всевозможныя гоненія — и во время душевныхъ своихъ страданій утѣшался улыбкою ребенка, котораго бралъ въ свои объятія, или видомъ матери, весело занимавшейся исполненіемъ своихъ обязанностей (21). Метода первоначальнаго обученія Песталоцци основана вся на простомъ здравомъ смыслѣ; но подвигъ его, какъ воспитателя, тѣмъ особенно важенъ, что онъ въ мертвую прежде школу внесъ живой бытъ семейный, душу чадолюбиваго отца, первый показалъ, какъ школа можетъ быть искусственною семьею, довелъ эту мысль до нѣкоторой крайности въ исполненіи, и возвратилъ воспитанію, стремленіемъ систематиковъ

уклоненному отъ истины, его естественное семейное начало, которое слишкомъ было подавлено школьнымъ ученіемъ общественнымъ.

Педагоги текущаго столѣтія, особенно современные намъ, опредѣлили гораздо точнѣе отношенія, долженствующія быть между воспитаніемъ семейнымъ и государственнымъ. Веймаръ и другіе Нѣмецкіе города до того признали первое необходимымъ въ первоначальномъ возрастѣ, что предоставили дѣтское воспитаніе круглыхъ сиротъ чужимъ семействамъ, назначаемымъ отъ правительства (22). Даже и современные противники этого установленія считаютъ необходимымъ, чтобы устроеніе сиротскихъ домовъ какъ можно болѣе уподоблялось семейной жизни (23). Нимейеръ въ своемъ сочиненіи нѣсколько разъ повторяетъ, что семейное воспитаніе есть единственная удобная почва для возращенія внутренняго нравственнаго человѣка; видя упадокъ духа семейнаго на западѣ, приглашаетъ всѣхъ родителей къ тому, чтобы его поддержали, — и съ душевнымъ сожалѣніемъ замѣчая несостоятельность семействъ, много ограничиваетъ власть родителей вліяніемъ государства (24). Изъ педагоговъ еще живущихъ и дѣйствующихъ неутомимо на поприщѣ литературномъ, всѣхъ яснѣе и точнѣе постигъ и опредѣлилъ эту мысль Шварцъ, въ своихъ глубокомысленныхъ и многосложныхъ сочиненіяхъ. Зная, какимъ частымъ и опаснымъ уклоненіямъ отъ религіозной истины подвергается Западъ, утѣшительно видѣть, какъ его сильно проникнутъ этотъ дѣятельный Германскій педагогъ, и на какомъ твердомъ Христіянскомъ основаніи построилъ онъ свое ученіе. Дѣйствуя въ такомъ духѣ, онъ не могъ не возвратить семейному воспитанію его настоящаго назначенія. »Христіянская семья есть родина воспитанія истиннаго,« говоритъ онъ, и указываетъ на необходимость соединенія семьи и государства въ этомъ священномъ дѣлѣ, соединенія, устроившагося надлежащимъ образомъ только у Христіянскихъ народовъ (25). Въ современной Франціи замѣчательнѣйшія педагогическія сочиненія принадлежатъ женщинамъ: въ нѣкоторыхъ мы встрѣчаемъ довольно ясное раскрытіе нашей мысли (26).

Правительства на западѣ давно замѣтили уже необходимость опредѣлить закономъ отношенія, имѣющія быть между семьею и государствомъ въ дѣлѣ воспитанія. Германія строго наказываетъ родителей, не посылающихъ дѣтей своихъ

въ школы (27); Франція, согласно съ своимъ государственнымъ учрежденіемъ не желая стѣснять личной свободы своихъ гражданъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы то, что въ Германіи утверждено закономъ, явилось во Франціи обычаемъ народнымъ (28). Англія въ этомъ отношеніи еще слишкомъ отстала отъ государствъ Европейскихъ, и не положила никакого соединенія между тѣмъ и другимъ воспитаніемъ (29). — Въ педагогическихъ сочиненіяхъ современной Германіи ученые нерѣдко касаются этого вопроса, стараясь яснѣе опредѣлить отношенія между родителями и государствомъ.

Если педагогика принадлежитъ къ числу наукъ практическихъ, и если основанія ея могутъ разниться смотря по характеру государствъ и народовъ, — то мнѣ кажется, что однимъ изъ главныхъ началъ въ педагогикѣ нашего Отечества должно принять мысль о возможно-полномъ равновѣсіи между воспитаніемъ семейнымъ и государственнымъ.

Опредѣливъ путемъ мысли истину положенія нашего и подкрѣпивъ ее мнѣніями ученыхъ, обратимся къ Исторіи, и въ ней прослѣдивъ жизнь семейную у разныхъ народовъ, покажемъ ея отношеніе къ воспитанію гражданскому и человѣческому.

Сколько блистательныхъ дѣеписателей имѣетъ человѣчество! Какими чудными красками расписаны внѣшнія дѣянія народовъ и государствъ! Какимъ громомъ слова на разныхъ языкахъ возвѣщена ихъ слава воинская! Но отъ чего же ни одинъ ученый не посвятилъ особеннаго труда тому, чтобы войти смиренно во внутренній семейный бытъ всѣхъ народовъ міра, и разсказать его скромную и неслышную исторію? Здѣсь бы открылся свѣтъ совершенно иной, и обнаружилась бы въ каждомъ народѣ его сущность человѣческая. Причина ясна: легко узнавать ту внѣшнюю жизнь народовъ, которая оглушаетъ слухъ и ослѣпляетъ очи, — но гораздо труднѣе спускаться въ тѣ глубокія тайники внутренней жизни, гдѣ все съ перваго раза кажется такъ мало и незамѣтно. Потребенъ былъ бы еще новый геній, который извратилъ бы Исторію, и блескъ наружный человѣчества водвинувъ внутрь ея, извлекъ бы одинъ лишь свѣтъ внутренній. Не имѣя руководителя, который бы обнялъ эту великую задачу въ одномъ обширномъ твореніи,

я долженъ собирать отовсюду и ограничиться мѣрою возможности въ сихъ неисчерпаемыхъ изысканіяхъ.

Не съ Китайцевъ начну, подражая странному обычаю ученыхъ запада, излишне влюбленныхъ въ Китайскую древность. Священныя преданія неопровержимы: испытующая наука и внутреннее чувство согласно убѣждаютъ въ ихъ истинѣ. Первое таинство брака совершено въ раю Самимъ Богомъ надъ первою четою, которая назначена была служить сосудомъ всему человѣчеству. Первая семья, вынесшая въ міръ преданія райскія, носитъ въ себѣ зародыши зла человѣческаго и добра Божія. Далѣе: семьи маститыхъ патріарховъ проходятъ одна за другою, многовѣковыми цѣпями своими образуя роды, — и вотъ опять все человѣчество заключилось въ одной семьѣ, которая носится по землѣ потопленной! Добрые члены семей благословляются Богомъ: прокляты убійца и отцехулитель.

Изъ одной благословенной семьи исходитъ избранный народъ Божій. Вся первая жизнь его, всѣ начальныя преданія, всѣ многоплодные завѣты съ Богомъ совершаются въ быту семейномъ, — и самый Богъ истинный древняго міра есть Богъ трехъ-колѣнной семьи, Богъ Авраама, Исаака и Іакова.

Ни въ одномъ народѣ древнемъ семейный бытъ не получилъ такого освященія какъ въ избранномъ народѣ Божіемъ, и нигдѣ не былъ онъ такъ крѣпко связанъ съ національною жизнію. Какая же исторія такъ обильна картинами семейными, какъ священная? не даромъ стала она ручною книгою нашего дѣтства. Семья родоначальника народа Божія даетъ образецъ семьямъ послѣдующимъ, и служитъ корнемъ всей Израильской жизни. Моисей своими законами сильно содѣйствовалъ развитію домашняго быта; онъ проповѣдывалъ одноженство, особенно жреческому сословію, и не одобрялъ полигаміи, которой требовали обычаи Востока; въ среднія времена исторіи Израильской многоженство распространилось болѣе по вліянію обычаевъ чуждыхъ, но позднѣе почти совершенно исчезло. Духъ кастъ не стѣснялъ свободы брака равенствомъ сословія, какъ то было у Египтянъ. Священъ былъ бракъ у Израильтянъ: разводъ не запрещенъ, но возбраненъ строго насильственный разрывъ его; символомъ брака означали они завѣтъ своего соединенія съ Богомъ — и весь народъ изображалъ одну семью Божію.

Жена, униженная на всемъ Востокѣ, стояла гораздо выше у Евреевъ. Премудрый творецъ притчей прекрасно изобразилъ ея дѣятельность въ быту домашнемъ, а за нимъ подражатель его въ книгѣ своей Премудрости (30): „жена добляя паче камня многоцѣннаго и какъ солнце въ дому своемъ.“ Еврейка раскрыла въ жизни народа всѣ свои доблести: являлась пророчицей, спасительницей племени, женою мудрою. Она имѣла силу видѣть смерть шестерыхъ сыновей, умиравшихъ за исполненіе закона, и седьмаго послѣдняго благословила на ту же казнь. Узы между родителями и дѣтьми нигдѣ не были такъ крѣпки, какъ въ семьѣ Евреевъ: не даромъ законъ обѣщаетъ долголѣтіе и благоденствіе почтительному сыну. — »Око, ругающееся отцу и досаждающее престарѣлой матери, да исторгнутъ пустынные враны и выклюютъ птенцы орліи,» говоритъ творецъ притчей (31). Власть отца освящена: онъ первосвященникъ въ семьѣ своей, и правитъ ею во имя Бога и Его закономъ. Не смотря на то, власть его не простиралась на жизнь дѣтей: законъ, позволявшій даже у Грековъ и Римлянъ убивать новорожденныхъ, не существовалъ у Евреевъ, потому что всѣ дѣти Израильскаго народа принадлежали Іеговѣ; родители взирали на чадо свое, какъ на собственность не свою, но Божію, — и родить сына значило — *стяжать человѣка Богомъ.* Обѣтъ жены и дѣтей не имѣлъ никакой силы безъ согласія отца, какъ главы семьи. Но власть родителей простиралась надъ дѣтьми до тѣхъ поръ, пока они пребывали въ ихъ домѣ: послушаніе, конечно, всегда оставалось обязанностью сихъ послѣднихъ.

Семейный бытъ, согласно съ волею законодателя, былъ всегда основою жизни народа Израильскаго. Изъ благословенныхъ семей исходили всѣ его великіе мужи. — Самъ законодатель, взятый отъ воды, по особенному Божію промыслу, былъ воскормленъ сосцами матери. Древнее сказаніе объ Іовѣ въ началѣ изображаетъ намъ мужа Божія, окруженнаго семьею счастливою. Самуилъ, помазавшій двухъ Царей Израильскихъ, былъ возлелѣянъ матерью своею Анною. Боголюбимый Давидъ вышелъ изъ семьи Іессея. Страдаетъ народъ Израильскій подъ ударами иноплеменниковъ: его спасаетъ еще крѣпкая духомъ семья Маккавеевъ. Наконецъ, въ этомъ же народѣ, Богомъ избрана была чета, да воспитается въ ней Искупитель и представитъ намъ въ семьѣ своей полный и совершенный образецъ для семьи всего человѣчества.

Народное воспитаніе у Евреевъ истекало изъ семейнаго, какъ всякое первоначальное воспитаніе истекать должно: можно сказать, что семейное господствовало у нихъ совершенно надъ общественнымъ. Духъ его былъ въ высшей степени религіозный и соответствовалъ жизни всего народа. Все развитіе младенца сопровождалось обрядами религіи. Приносилась жертва, когда онъ отнимался отъ груди. Воспитаніемъ телеснымъ управляла преимущественно мать; воспитаніемъ духовнымъ — отецъ, строго обязанный воспитывать детей въ законе Іеговы. Мать до третьяго года питала младенца молокомъ своимъ, — и лишь только начиналъ онъ лепетать, отецъ обращалъ его лепетъ въ ученіе заповедей. Гимнастика и музыка воздѣлывались въ семьѣ: Давидъ вынесъ изъ дому Іессея пращу свою и гусли. Дочерей, въ особомъ пріютѣ дома, лелѣяла мать подъ своимъ неусыпнымъ надзоромъ: здѣсь онѣ вмѣстѣ съ нею пряли волну, ткали, пѣли священные псалмы, занимались пляскою и игрою на гусляхъ, готовя сіи искусства для религіозныхъ торжествъ общественныхъ. Въ кругу семьи, когда собиралась она вмѣстѣ, отецъ передавалъ священныя преданія о жизни человѣчества и народа, переходившія такимъ образомъ изъ семьи въ семью, изъ рода въ родъ. Такъ жилъ древній Израильтянинъ благочестивымъ семьяниномъ, сначала въ мирной кочевой кущѣ подъ смоковницей и виноградомъ, потомъ середи роскоши своего города; жена его была солнцемъ его дома; дѣти окружали столъ его, какъ юныя маслины; изъ лона семьи своей выносилъ онъ теплую молитву во храмъ Божій, искусство пращи и копья на битву съ врагами, и знаніе закона въ совѣтъ старѣйшинъ (32).

Послѣ народа Богоизбраннаго, остановимъ вниманіе на прочихъ главныхъ народахъ Востока. Чѣмъ держится эта чудная загадка древняго и новаго міра, это исполинское государство въ триста милліоновъ жителей, устоявшее противу тысящелѣтій въ своей неподвижности? Одна изъ сильныхъ опоръ, на коей утверждена его неколебимость, состоитъ въ томъ, что семейное начало примѣняется въ немъ не только къ правленію государственному, но и ко всѣмъ подробностямъ управленія областнаго, связаннымъ между собою неразрывною цѣпью семейныхъ отношеній. Законы повиновенія власти правящей въ Китаѣ начертаны параллельно съ законами послушанія власти отеческой. Первая изъ своихъ

видовъ политическихъ подкрѣпляетъ вторую. Отецъ пользуется властію неограниченною; онъ императоръ семьи; дѣти его собственность, его вещь продажная; взрослый сынъ, женившись и вступивъ въ государственную службу, остается въ безусловной зависимости отъ отца. Родители не только обязаны воспитывать дѣтей своихъ, но за ихъ успѣхи и возвышеніе получаютъ награду отъ государства. Власть не только строго казнитъ непослушаніе дѣтей, но наказываетъ ихъ даже за несоблюденіе во всей строгости обрядовъ похоронъ и траура послѣ умершихъ родителей.

Семейное начало, будучи превращено въ государственную пружину, разумѣется, не достигаетъ своей цѣли, когда отецъ побужденъ къ воспитанію дѣтей честолюбіемъ личнымъ, а сынъ совершаетъ по отцѣ обряды благочестивые только въ исполненіе строгаго закона, а не по влеченію внутренняго чувства. Такимъ образомъ Китай можетъ служить разительнымъ примѣромъ того, какъ семейное начало, будучи примѣнено ко власти управляющей, можетъ сообщить государству незыблемую прочность; но съ тѣмъ вмѣстѣ, будучи подавлено строгою необходимостію закона и лишено живой внутренней свободы своей, остается совершенно безплоднымъ для развитія начала человѣческаго. (33)

Въ Индіи, строгое раздѣленіе народа на касты искони вредило развитію человѣческаго начала въ государствѣ и семействѣ. Многоженство составляетъ право высшихъ кастъ — и число женъ уменьшается по степенямъ ихъ, такъ что послѣдняя, самая низкая и презрѣнная каста въ государствѣ, обреченная невѣжеству и лишенію правъ, осуждена также и на моногамію: отсюда ясно превратное понятіе Индійцевъ о бракѣ. То, что̀ служитъ у другихъ народовъ основнымъ закономъ семейной жизни, у нихъ предоставлено отверженной части народа. Униженное состояніе женъ въ Индіи извѣстно: онѣ рабы своего мужа и, живыя, горятъ на кострѣ съ его трупомъ. Прекрасна жалоба, вложенная поэтомъ Индіи въ уста супругѣ Брамина: »весь міръ, говоритъ она, преслѣдуетъ вдовую жену, какъ птицы зерно брошенное на̀ полѣ.« Однако въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи позволено женамъ даже многомужество. Матери не лишены безчеловѣчнаго права приносить новорожденныхъ дѣтей своихъ въ жертву волнамъ Гангеса: до сихъ поръ еще уцѣлѣлъ въ Индіи и не искорененъ усиліями Англійскихъ миссіонеровъ этотъ

жестокій древній обычай. Не смотря на такія понятія, противныя совершенству развитія семейнаго, есть и у Индійцевъ одно доброе нравственное начало въ семьѣ, которое дано имъ религіею: отецъ убѣжденъ, что не только живетъ онъ въ сынѣ, но можетъ самъ въ немъ улучшаться и совершенствоваться; благочестіе сына на землѣ приноситъ пользу отцу даже послѣ его смерти. Потому-то вступленіе въ бракъ есть религіозная обязанность для Индійца, и вступивъ въ него, онъ ничего такъ не желаетъ, какъ рожденія сына: о немъ приноситъ онъ богамъ жертвы и моленія. Изъ такихъ священныхъ внутреннихъ отношеній между родителемъ и сыномъ проистекаетъ сама собою обязанность наблюдать строго за воспитаніемъ дѣтей. Такая прочная духовная связь могла бы быть весьма плодотворна для сего послѣдняго, если бы духъ высшей касты Браминовъ не обнаруживалъ своего господственнаго вліянія. Ей ввѣрено воспитаніе и ученіе общественное, а законы Ману повелѣваютъ воздавать учителю даже большее почтеніе, чѣмъ родителямъ. Такимъ образомъ Индія показываетъ намъ примѣръ того, какъ государственное устройство, стѣсняя кастами свободное развитіе человѣка, можетъ вредить духовному, чистому семейному началу (34).

Не льзя не замѣтить нѣкотораго улучшенія въ семейномъ бытѣ древняго Египта, образованіе коего, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, пришло изъ Индіи. Не даромъ эта страна мудростію своею имѣла вліяніе и на Грецію. Касты въ Египтѣ еще остались, но нѣтъ уже касты до такой степени отверженной, какъ Судрасы въ Индіи. Одноженство не предоставлено презрѣнному сословію, а напротивъ наложено долгомъ на верховную касту жрецовъ, обязанныхъ цѣломудріемъ и чистотою нравовъ. Прочимъ званіямъ народа безъ различія разрѣшена полигамія. Вездѣ униженное состояніе женщины влекло за собою и пренебреженіе къ дѣтямъ: не такъ въ премудромъ Египтѣ. Женщина возвышена въ семьѣ, не чужда образованія, и раздѣляетъ съ мужемъ его занятія. Чадоубійство считалось преступленіемъ: отецъ, убившій сына, наказывался. Преступница, носившая въ утробѣ, не подвергалась казни до разрѣшенія. Впрочемъ, не чувство человѣческое, а скорѣе государственная выгода руководила при этомъ: Египетъ признавалъ за благо многое народонаселеніе; убивать же дѣтей племени чуждаго повелѣвалъ иногда законъ, какъ то мы видимъ на примѣрѣ Евреевъ. Воспитаніе Египтянъ,

мало извѣстное ученымъ, было, по-видимому, распредѣлено по кастамъ: каждый воспитывался въ семьѣ своей и въ промыслѣ своего отца. Но верховное сословіе жрецовъ простирало власть свою даже и во внутренность семействъ: жрецъ, при рожденіи младенца, составлялъ ему ороскопъ будущей его жизни и опредѣлялъ его назначеніе, согласуя оное, разумѣется, съ кастою, въ коей заключена была семья, и съ государственными потребностями. Общественное же воспитаніе находилось исключительно въ рукахъ у жрецовъ, которые имѣли для того заведенія въ Ѳивахъ, Мемфисѣ и Геліополисѣ. Такъ и въ Египтѣ, не смотря на его премудрость государственную и ученую, одна каста вторгается въ семейную жизнь сословій и въ ней стѣсняетъ свободу человѣческаго развитія, подчиняя его однимъ государственнымъ видамъ. Вотъ можетъ быть одна изъ главныхъ причинъ, почему Египетъ оставилъ намъ пирамиды и зданія, соревнующія высотою горамъ Божіимъ, но не оставилъ живаго слова, которое безъ свободной жизни человѣческой развиваться не можетъ (35).

О семейной жизни древнихъ Персовъ доходятъ до насъ весьма неясныя и противорѣчащія другъ другу извѣстія. Зороастръ проповѣдуетъ одноженство; но допускаетъ и многихъ женъ въ случаѣ безплодія, изъ государственныхъ видовъ, для умноженія чадородія (36). Многочадный отецъ находился во всеобщемъ почтеніи и получалъ ежегодныя награды отъ своего государя. Дѣти считались собственностію государства — и по всему видно, что семейная жизнь была совершенно принесена ему въ жертву. Это яснѣетъ изъ характера воспитанія древнихъ Персовъ, которое было исключительно государственнымъ, если вѣрить сказаніямъ Ксенофонта. Только мужескій полъ удостоивался воспитанія. До шести лѣтъ младенца лелѣяла мать, укрѣпляя его тѣлесно; отецъ и не видалъ его. На седьмомъ году государство принимало его на руки и воспитывало у себя вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Ребенокъ даже пищу свою не смѣлъ вкушать у матери, а приносилъ ее въ школу. Здѣсь до пятнадцати-лѣтняго возраста совершалось его воспитаніе тѣлесное и нравственное. Первое состояло въ упражненіяхъ воинскихъ; онъ стрѣлялъ изъ лука и металъ копье; грамотѣ едва ли учился. Второе основано было на развитіи строгихъ понятій о справедливости, самообладаніи, покорности и воздержаніи тѣлесномъ. Отъ пятнадцати до двадцати пяти лѣтъ, онъ уже со-

вершенно оставлялъ домъ свой и принадлежалъ одному государству. Охота, главное его занятіе, служила ему приготовленіемъ къ войнѣ, которой онъ посвящалъ себя съ двадцати пяти лѣтъ до пятидесяти; остальное же время жизни — дѣламъ государственнымъ. Такъ Персія представляетъ намъ въ древнемъ Востокѣ примѣръ того, какъ государственное воспитаніе, основанное на однихъ воинскихъ видахъ, можетъ совершенно поглотить семейное. Такой существенный порокъ въ нравахъ Персіи обличается ея исторіею: не имѣя никакой внутренней жизни, она погибла въ своемъ внѣшнемъ стремленіи, къ которому призывало ее воспитаніе исключительно государственное (37).

Рушились почти всѣ колоссы древняго Востока. Расточенъ Израиль, не познавшій своего всечеловѣческаго назначенія, и загрубѣвшій позднѣе въ своей обрядной народности; остатки роскошной Индіи достались въ добычу Англіи; онѣмѣлъ на вѣки Египетъ; исчезло древнее царство Персовъ, поглотившее почти всю Азію своею силою государственною; одинъ остался незыблемъ въ своей неподвижности, безплодный для человѣчества и прочный лишь для себя, Китай, образовавшій семейное начало въ государственную систему. Результатъ великій! Сильная опора нашей истинѣ!

Изъ древней Азіи мы вступаемъ въ Европу, которая отъ Провидѣнія назначена служить какъ бы разсадникомъ для воспитанія всего человѣчества, чтобы потомъ разнести его по всѣмъ концамъ міра. Три періода видимъ мы въ Европейскомъ развитіи: Греція представляетъ воспитаніе художественное, Римъ — гражданское, Христіянская Европа — всечеловѣческое.

Эстетическое воспитаніе Греціи основано было на врожденномъ чувствѣ красоты, развитомъ природою, религіею и благопріятными обстоятельствами. Невыразимое ни на какомъ языкѣ слово: χαλοχάγαθία, знаменующее цѣль Греческаго воспитанія, показываетъ, какъ этотъ народъ-художникъ глубоко понималъ неразрывную связь прекраснаго съ нравственнымъ, которая была сѣменемъ его благородной и славной жизни. Это доброе начало человѣческое объясняетъ намъ, почему мы въ самыхъ первоначальныхъ преданіяхъ Греціи находимъ такія изящныя картины семейнаго быта. Въ Иліадѣ Троянцы отличаются бóльшею образованностію: у нихъ господствуетъ и жизнь домашняя. Отъ кроваваго позорища вой-

ны вы отдыхаете утомленнымъ чувствомъ на связанной любовью семьѣ Пріама; изумляютъ васъ всѣ герои Иліады, но душою любите вы добраго семьянина, Гектора. Поразятъ вашъ умъ и фантазію разнообразныя картины неба, моря и земли, соединившихся въ одну великую войну, но тронетъ за сердце прощаніе у Скейскихъ воротъ. Прекрасна Иліада и войною, но красоты Одиссеи всѣ почерпнуты изъ домашняго быта. Въ поэмахъ Гомеровыхъ, сердцу говорятъ болѣе всего образы Гекубы, Андромахи, Пенелопы, Ареты, Навсикаи и Эвриклеи. Вѣчно прекрасное въ нихъ и равно понятное всѣмъ вѣкамъ и народамъ, взято изъ тихаго лона семейной жизни. Нельзя сказать однако, чтобы въ мірѣ Гомеровомъ понятія о бракѣ были совершенно чисты: разгульная жизнь войны и прекрасныя плѣнницы много вредили домашнему единству. Въ позднѣйшихъ пѣснопѣніяхъ Гезіода понятія объ устройствѣ семейномъ очищены болѣе.

Воспитаніе у Грековъ раздѣлялось на двѣ главныя части, соотвѣтствующія двумъ стихіямъ существа человѣческаго. Гимнастика развивала красоту и силу тѣла; музыка, въ смыслѣ греческомъ, образовывала духъ. Въ гармоніи той и другой заключался идеалъ воспитанія, выражаемый прекрасно словомъ: εὐρυθμία, знаменавшимъ согласіе души и тѣла. Три главныя племени участвовали въ развитіи всей жизни греческой: Іонійское, Дорійское и Аттическое. У перваго господствовало воспитаніе музыкальное, у втораго — гимнастическое: только Аѳиняне достигли идеала, уравновѣсивъ то и другое. Замѣчательно, что внутреннее воспитаніе Іонянъ было исключительно семейнымъ; гимнастическое внѣшнее въ Спартѣ исключительно государственнымъ; въ Аѳинахъ семья и государство соединенно воспитывали человѣка — и только совокупнымъ дѣйствіемъ могли достигнуть того художественнаго идеала, къ которому стремилось воспитаніе Греціи.

О частной жизни Іонянъ въ малой Азіи мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Знаемъ, что въ главномъ воспитаніе ихъ согласовалось вообще съ Греческимъ, но преимущественно развивало элементъ музыкальный. Искусства, образующія душу, музыка и поэзія, наиболѣе въ немъ участвовали. Въ этой странѣ, благословенной небомъ, на рубежѣ Европы и Азіи, открылся чудный источникъ для всей поэзіи Европейской: въ ней раздались впервые пѣсни Гомеровы. Гимнастику не взлюбилъ Іонянинъ: ему нравились болѣе сладкія внушенія музъ. Въ лонѣ

семьи выросталъ онъ, и развивался подъ народныя пѣсни; государство не проникало въ нѣдра семей; даже общественныя средства къ воспитанію зависѣли отъ частныхъ лицъ, и не подчинялись никакому надзору. Пока семья хранила въ себѣ нравственныя начала, воспитаніе Іонійское было успѣшно, и жизнь цвѣла; но когда близость роскошнаго востока развратила нравы и разрушила семью, когда женщина, покинувъ гинецей, превратилась въ гетару, а первоначальное воспитаніе досталось въ руки купленныхъ рабовъ, — тогда и жизнь Іоніи погибла.

Перенесемся мыслію въ Спарту, гдѣ подробности жизни намъ извѣстнѣе. Что это за городъ, кипящій народомъ и не огражденный стѣнами? Ему не нужно стѣнъ: воинственные жители — его живая ограда. Крѣпкими узами гражданской любви они связаны: холоденъ ихъ привѣтъ иноземцу, радостенъ только своему. Домашній очагъ и хлѣбъ имъ неизвѣстны: и трапезу дѣлятъ они вмѣстѣ подъ открытымъ небомъ. Самъ царь у себя не вкушаетъ пищи. Граждане, встрѣчая на улицѣ дѣтей, смотрятъ за ними какъ отцы. Дóма остаются лишь жены, рабыни, да малыя дѣти. Все государство — одна большая семья, живущая вмѣстѣ.

Здѣсь бракъ налагался обязанностію на гражданина; холостыхъ законъ лишалъ правъ гражданскихъ и подвергалъ презрѣнію всенародному. Одноженство было признано, произвольный разрывъ запрещенъ строго. Законъ предусматривалъ всѣ возможныя препятствія къ плодовитости брака и позволялъ даже невѣрность въ случаѣ безплодія. Отецъ трехъ сыновъ увольнялся отъ общественной стражи; но дѣти его принадлежали не ему, а государству.

И нѣжныя дѣвы публично упражнялись въ борьбѣ, чтобы укрѣпить тѣло для обязанностей матери; но выходя за мужъ, онѣ оставались уже въ кругу домашнемъ. Жена въ Спартѣ уважалась болѣе чѣмъ въ Аѳинахъ, именуясь госпожею дома и правя имъ, вѣроятно, по причинѣ частыхъ отсутствій мужа. Нося въ утробѣ залогъ брака, она обязана была смотрѣть на картины и изваянія боговъ и героевъ, украшавшія ея комнату. Новорожденный принимался на щитѣ: отцу нéкогда было радоваться его рожденію: онъ несъ его въ народный совѣтъ для рѣшенія о жизни его или смерти; слабаго младенца ожидало ущелье Тайгетское. Омытый виномъ, младенецъ выросталъ безъ пеленъ; еще въ нѣжныхъ лѣтахъ,

ожидала его мучительная пытка незаслуженныхъ побоевъ; до семи лѣтъ воспитывался онъ дома, но подъ строгимъ наблюденіемъ государственнаго чиновника; семи же, поступалъ онъ на руки самого государства. Отецъ, и особенно мать, дѣйствовали издали, но уже не имѣли власти надъ нимъ.

Главное мѣсто въ воспитаніи государственномъ принадлежало гимнастикѣ, которая въ Спартѣ доведена была до совершенства и соединяла начало воинское съ художественнымъ. Грубость силы тѣла умѣрялась стройными его движеніями. Кромѣ того, музыка, пѣніе и ученіе живое, состоящее въ уясненіи мысли и въ выраженіи краткомъ, смягчали характеръ воспитанія. Образованіе литературное отсутствовало въ Спартѣ.

Весела была общественная жизнь Лакедемонянъ. Торжества, хороводы, воинственныя пляски ихъ соединяли. Съ пѣснію на устахъ шелъ Спартанецъ на битву — и съ улыбкою встрѣчалъ смерть. Воспитаніе тѣлесное, внѣшнее, вело его къ войнѣ, которая была его стихіею, и не даромъ Аристотель говорилъ о Спартѣ, что она, какъ желѣзо, ржавѣетъ въ покоѣ.

Если внѣшнее воспитаніе Спарты совершалось все подъ началомъ строгой государственной необходимости: то въ Аѳинахъ мы видимъ, какъ оно умѣряется внутреннею свободою; какъ стихія семейная, входя въ кругъ жизни общественной, вноситъ въ нее болѣе кроткое, человѣческое начало. Не отъ того ли находимъ мы въ просвѣщенныхъ Аѳинянахъ такое радушіе къ народамъ иноплеменнымъ? Не отъ того ли Периклъ называетъ городъ свой общежительнымъ, откуда ни одинъ иноземецъ, ищущій ученія, не былъ изгоняемъ? — Въ Солоновомъ законодательствѣ мы не встрѣчаемъ такихъ стѣснительныхъ законовъ для брака. Женщина въ Аѳинахъ, какъ замѣчаютъ ученые, не была такъ уважена въ кругу домашнемъ, можетъ быть не потому ли, что уступала мѣсто мужу, какъ главѣ семейства; но въ кругу общественномъ состояніе ея являлось даже слишкомъ свободнымъ. Аѳинянка была или мать, заключенная въ гинецеѣ, или гетара Аспазія, жившая для общества. Дома смотрѣла она за воспитаніемъ дѣтей: особенно занимали ее дочери. Тихо, подъ крыломъ матери выростали онѣ, не выходя, какъ Спартанскія дѣвы, на публичную борьбу. Имъ нужна была не сила тѣла, а красота лица, гибкость стана, прелесть движеній и звучность голоса. На праздникахъ го-

рода, въ хороводахъ общественныхъ, являлись онѣ, въ бѣлыхъ волнующихся одеждахъ, подобранныхъ поясомъ, съ вѣнками на головахъ, и плѣняли юношей.

Мать, носившая во чревѣ, заботилась о томъ, чтобы младенецъ ея родился красивъ, хотя и не силенъ. Для укрѣпленія тѣла, она брала ему кормилицу Спартанку. Въ пятый день по рожденіи, ребенокъ лежалъ у ногъ отца: не государство, а отецъ рѣшалъ его жизнь или смерть. Отвращалъ онъ очи — ребенка выносили изъ дому; заключалъ его въ объятія — и тогда давалъ обѣтъ воспитать его, въ чемъ подразумѣвался уже и будущій обѣтъ сына — питать и поддерживать старость родителя. Рѣдко Аѳинскіе отцы, удрученные бѣдностію, отвращали очи отъ дѣтей своихъ; но какъ не замѣтить, что и образованныя Аѳины были такъ еще далеки отъ чувства Христіянскаго! Какъ не изумиться еще болѣе тому, что Платонъ и Аристотель оправдываютъ этотъ варварскій обычай (38)! Въ день, когда отецъ признавалъ свое дѣтище, вѣнокъ маслины вывѣшивался на домѣ для сына, шерстяная повязка для дочери. Въ пятый день послѣ, совершался семейный обрядъ и праздникъ. Ряды домашнихъ торжествъ и пировъ сопровождали все возрастаніе сына до тѣхъ самыхъ поръ, когда уже онъ, какъ гражданинъ, присягалъ своему отечеству. Праздновались дарованіе имени, внесеніе въ число гражданъ, семнадцатилѣтній возрастъ. Такъ въ семьѣ, веселіемъ внутреннимъ отзывалось все развитіе Аѳинскаго гражданина.

Первыя заботы матери, кормилицы и няни были о томъ, чтобы младенецъ выросталъ какъ можно прекраснѣе. Спартанецъ не зналъ пеленъ; стройный красавецъ Аѳинскій зналъ ихъ. Скоро начинали раздаваться вокругъ младенца чудныя колыбельныя Греческія пѣсни, когда качали его на рукахъ или на щитѣ. Въ слѣдъ за пѣснями, при первомъ мерцаніи его разумѣнія, изъ устъ няни, ужь слышались ему волшебныя сказки, и повѣсти, и миѳы Греціи, — и вся Миѳологія народная обвивала подвижною тканью колыбель его, — и все его дѣтство разцвѣтало на поэтическихъ преданіяхъ, какъ первое дѣтство всей Греціи на пѣсняхъ Гомера (39). Какъ же тутъ было не родиться поэтамъ, въ такой сторонѣ! По мѣрѣ того какъ выросталъ ребенокъ, государство предлагало домашнему воспитанію родителей свои необходимыя пособія. Но кругъ общественнаго ученія не былъ стѣсненъ никакимъ однообразнымъ ходомъ. Родители могли, или брать въ домъ учителей, или

посылать къ нимъ дѣтей, для грамматическаго и высшаго образованія. Только гимнастическія заведенія устроены были отъ государства на одинъ образецъ, и туда ходили дѣти по гражданской обязанности. Не отсюда ли проистекало это разнообразіе въ развитіи личнаго характера, какимъ отличались Аѳиняне передъ всѣми древними народами? Словесность, Музыка и Гимнастика слѣдовали другъ за другомъ и потомъ соединенно. Въ первой важно было настроить ухо малолѣтнаго къ благозвучію Аѳинской рѣчи; пѣніе, лира и флейта были также всеобщею потребностію образованныхъ; чтеніе и изученіе писателей отечественныхъ вѣнчало все; цѣлью гимнастики было усвоить тѣлу красоту и силу. Такъ все эстетическое воспитаніе Аѳинянина, какъ идеалъ греческаго искусства, совершалось въ стройномъ равновѣсіи силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Въ послѣднія времена Аѳинъ общественное воспитаніе ослабло и исказилось; вліяніе изнѣженнаго востока развратило семейные нравы; введено было даже двоеженство. Рушилось равновѣсіе жизни — и Аѳины пали.

Вотъ еще новая, славная опора для нашей истины, предлагаемая Исторіею! Аѳины, въ которыхъ все человѣческое образованіе, какое только могло совершиться безъ пособія Откровенія, совершилось такъ стройно и правильно, — Аѳины примѣромъ своимъ свидѣтельствуютъ намъ, что только въ соединеніи семейнаго воспитанія съ государственнымъ заключается идеалъ воспитанія истиннаго (40)!

Въ самомъ началѣ исторіи Рима, два первые царя чудесно знаменуютъ собою двѣ главныя стихіи, изъ которыхъ сложилась вся его жизнь. Ромулъ — сила внѣшняя, духъ войны, покоряющій все; Нума — крѣпость внутренняя, утвержденная на религіи, законѣ и строгомъ домашнемъ бытѣ. — Понятіе о бракѣ ни у какого народа древности не является въ такой чистотѣ, как у Римлянъ: одноженство принято обычаемъ и закономъ. Въ лучшія времена Рима бракъ освящался даже религіознымъ обрядомъ (41) и былъ неразрѣшимъ. Позднѣе, во времена республики, позволено расторженіе, даже со стороны жены, а при языческихъ Императорахъ введено и сожитіе, нанесшее такой вредъ семейной жизни Рима.— Уваженіе къ женщинамъ приноситъ честь Римскому образованію и нѣсколько уже приближается къ Христіянскимъ понятіямъ. Цѣломудріе прекраснаго пола освяще-

но при Нумѣ учрежденіемъ Весталокъ. Женщина въ древности, только у Іудеевъ и Римлянъ, является на такой высокой степени Середи семьи, она, хотя и покорна, какъ дочь, власти своего мужа, но вмѣстѣ съ нимъ равно раздѣляетъ права на воспитаніе дѣтей. Въ обществѣ, не гетарою Аѳинскою выходитъ она, а женою почтенною: въ Римѣ только получила она величавый санъ матроны. Римлянка явила намъ такіе славные примѣры дѣвственнаго цѣломудрія и чистоты въ Лукреціи и Виргиніи, материнской власти въ Ветуріи, утонченной супружеской нѣжности въ Арріи (42), образованной заботливости о дѣтяхъ въ Корнеліи.

При такихъ понятіяхъ о бракѣ, при такомъ значеніи женщины, крѣпко держались узы семейной жизни. У Римлянъ были Лары и Пенаты — семейные боги, и домашній очагъ почитался святынею. Но при лучшихъ понятіяхъ о семьѣ — власть отеческая является все также неограниченна. Кто не знаетъ, какъ грозно было имя отца семьи Римской (pater familias)? Не любовь, а гроза власти облекала его. Новорожденный младенецъ, также какъ у Аѳинянъ, лежалъ у ногъ родителя и ждалъ своей участи — быть изверженнымъ изъ дому или принять отъ отца воспитаніе. Право жизни и смерти, право продажи и право на всякую собственность дѣтей сопровождали власть родительскую. Только Христіянство окончательно уничтожило это безчеловѣчіе и наложило за дѣтоубійство смертную казнь (43).

Исторія Римскаго воспитанія распадается, можно сказать, на два главные періода. Въ первомъ, куда относятся времена царей и Ливіевской славной республики, господствуетъ воспитаніе семейное надъ общественнымъ. Во времена Императоровъ замѣчаемъ обратное дѣйствіе. Послѣдній вѣкъ республики и правленія Юлія Цезаря и Августа стоятъ на межѣ двухъ періодовъ и представляютъ, по видимому, счастливое сочетаніе и той и другой стихіи, обнаружившееся во всемъ томъ, что́ лучшаго произвела Римская Словесность.

Отецъ, признавая сына, тѣмъ уже давалъ обѣтъ его воспитывать. Разные обряды суевѣрной религіи сопровождали въ семьѣ все возрастаніе дитяти и развивали въ немъ чувства набожности. Въ лонѣ матери воспитывался, по словамъ Тацита, древній Римлянинъ (44): отъ нея вмѣстѣ съ молокомъ всасывалъ онъ и

благочестіе, и любовь къ отечеству, и чистоту чувства. Ей помогала въ трудахъ семейныхъ почтенная лѣтами родственница, имѣвшая надъ дѣтьми владычество возраста, неукоризненныхъ нравовъ и цѣломудренной строгости. Отецъ передавалъ сыну ученіе, чувство гражданской правды, духъ войны и ея искусство. Неправы тѣ ученые, которые отвергаютъ всякое общественное воспитаніе въ древнія времена республики: по свидѣтельствамъ историковъ, школы существовали для обоихъ половъ (45). Кромѣ того, пятнадцатилѣтній юноша, облеченный тогою, отправлялся на Марсово поле, на берега Тибра, гдѣ упражнялся въ Гимнастикѣ и плаваньѣ. Но конечно, все зерно воспитанія, вся его почва заключались въ семьѣ: духъ ея, еще не зараженный никакимъ иноземнымъ вліяніемъ, былъ духъ чистаго патріотизма. На домашнихъ пирахъ, гдѣ также участвовало юношество, пѣлись простыя пѣсни во славу доблихъ предковъ (46). Изъ такой-то древней, цѣльной Римской семьи выходили всѣ этѣ Камиллы, Сципіоны, Фабриціи, Марцеллы, Фабіи! Вся доблесть древняго Рима, изумившая вселенную, зачалась здѣсь, въ мирныхъ нѣдрахъ чистой семьи его! Отъ домашняго очага она вышла, отъ его Ларъ и Пенатовъ!

Но Римлянину республики недоставало науки и художественнаго образованія. Побѣжденная Греція плѣнила своего побѣдителя: Аѳинское ученіе, сначала запрещенное закономъ, вскорѣ осилило Римъ. Тогда распространилось болѣе воспитаніе общественное, и сочеталось съ семейнымъ. Блистательный вѣкъ Августа былъ плодомъ этого сочетанія. Горацій и Виргилій вышли изъ древнихъ семей и образовались въ школахъ. Цезарь былъ воспитанъ матерью Авреліею; Августъ обязанъ былъ многимъ своей матери Атіи.

Далѣе, во время Имперіи, школы умножились; педагоги Греціи наполнили семьи и города; ученіе возрастало; Цезари не щадили денегъ на содержаніе Риторовъ; Александрія и Аѳины предлагали также свои огромныя средства для образованія Римскаго юношества. Но отъ чего же Римъ не производилъ ужь ничего великаго? Отъ того, что прежней семьи уже не было въ Римѣ. Еще Горацій жалуется на ослабленіе узъ брака, на упадокъ рода и семьи (47). Картины Ювенала еще ярче: входя внутрь домовъ, онъ живописуетъ намъ, какъ сами родители развращали дѣтей своимъ примѣромъ и пріучали ихъ къ одному наружному блеску и внѣшно-

сти (48). По временамъ только — мелькаютъ искры прежняго быта въ какомъ нибудь Агриколѣ (49), Тацитѣ; но Римъ цезарей великъ памятью древняго и живетъ одними воспоминаніями. Не было числа школамъ и риторамъ по всѣмъ областямъ его, а варвары уже тутъ — и духа прежняго нѣтъ!

Вотъ еще новый, сильный урокъ въ пользу нашей истины! Примѣръ Рима чрезвычайно важенъ для насъ, потому что мы занимаемъ едвали не такое же мѣсто въ отношеніи къ Западу Европы, какое занималъ онъ въ отношеніи къ древнему міру. Его исторія распадается также на два главные періода, изъ которыхъ въ первомъ видимъ образованіе заключенное въ самомъ себѣ, исключительно національное, во второмъ вліяніе иныхъ народовъ. Разница будетъ только въ послѣдствіяхъ: ибо повтореній нѣтъ въ Исторіи, и міръ Христіянства не такъ долженъ развиваться, какъ міръ языческій.

Древняя Исторія всѣми главными своими представителями дала твердую опору нашей истинѣ. Мы повершимъ языческій міръ краткимъ очеркомъ семейнаго быта древнихъ Германцевъ. Идея брака, у нихъ, какъ у Римлянъ, была основана на одноженствѣ: полигамія встрѣчается въ видѣ особеннаго преимущества, только у князей Германскихъ (50). Бракъ являлся куплею: позволялось и сожительство какъ у Римлянъ. Цѣль брака — рожденіе сына наслѣдника: право развода имѣлъ только мужъ въ случаѣ безплодія жены. Не смотря на поэтическіе разсказы Тацита, состояніе женщины въ древней Германіи едва ли было такъ завидно. Мужъ владѣлъ правомъ, жену свою, наровнѣ съ рабами и дѣтьми, наказывать тѣлесно, продавать и убивать (51). Обычное право продажи и теперь существуетъ въ простомъ народѣ Англіи (52). Половинная пеня платилась за убіеніе женщины: она не допускалась въ свидѣтели; имѣніемъ ея располагалъ мужъ самовластно. По смерти его, второй бракъ угрожалъ ей стыдомъ (53). Власть родительская была также неограниченна какъ у Римлянъ. Великая бѣдность нерѣдко понуждала отца отвергать новорожденное дитя, лежавшее у ногъ его, — и самое Христіянство не вдругъ искоренило этотъ жестокій обычай, сохранившійся еще долѣе въ Скандинавіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ родители убивали даже дѣтей старшихъ возрастомъ: обычай не вмѣнялъ имъ того въ стыдъ, законъ не налагалъ наказанія (54). Мальчикъ до совершеннолѣтія, дѣвочка пока не за мужемъ,

могли быть проданы отцомъ: еще при Карлѣ Великомъ сохранялось это право. Первородство нарушало въ семьѣ равенство сыновей (55). Кромѣ того въ воинственной Германіи, и особенно въ Скандинавскомъ племени, былъ жестокій обычай убивать дряхлыхъ стариковъ, не столько впрочемъ изъ звѣрскаго безчеловѣчія, сколько изъ дикаго мнѣнія, что смерть есть благодѣяніе ветхому старцу, лишенному силъ (56).

Воспитаніе дѣтей у древнихъ Германцевъ было только тѣлесное: оно состояло во всѣхъ возможныхъ воинскихъ упражненіяхъ. До семи лѣтъ, мальчикъ находился болѣе на рукахъ у матери; потомъ переходилъ къ отцу. Тацитъ говоритъ, что Германцы воевали семьями, что воинъ за собою слышалъ вопль жены и крикъ дѣтей, что нерѣдко жены мольбами удерживали и собирали вновь бѣжавшихъ воиновъ (57). Такъ семья древняго Германца была кочевая и воинственная: изъ нея выходилъ онъ, готовый на всѣ битвы, и скучалъ въ бездѣйствіи тяжкаго для него покоя. Позднѣе, во времена Христіянства, воспитаніе рыцарей, по всему вѣроятію, вышло изъ обычаевъ древней Германіи. Оно раздѣлялось на три періода. Первый, до семи лѣтъ былъ чисто семейный: мать внушала ребенку чувства воинской чести и уваженія къ женщинамъ. Далѣе, до четырнадцати, мальчикъ жилъ пажемъ, или у себя дóма, или въ замкѣ могучаго рыцаря. Наконецъ третью степень проходилъ онъ въ должности оруженосца, до тѣхъ поръ, пока самъ не получалъ рыцарскаго званія. Это напоминаетъ обычай переданный Тацитомъ, когда юноша, въ собраніи вождей, отъ отца своего, или отъ инаго вождя, получалъ копье и щитъ, и тѣмъ выходилъ изъ круга семейной жизни въ кругъ жизни общественной (58).

Столько тысящелѣтій прожилъ древній міръ! Столько народовъ прошло по лицу земли, соревновавшихъ другъ другу въ образованіи! А между тѣмъ въ человѣчествѣ не было еще семьи, которая бы въ полномъ смыслѣ достигла своего назначенія — служить сосудомъ для рожденія и воспитанія человѣка! То — рабское состояніе жены и многоженство служили препятствіемъ, то — безчеловѣчіе отеческой власти, то — корыстные виды государства, то — условія кастъ оцѣплявшія общество. Довольно сказать: древній міръ не произвелъ ничего выше мудрости Эллинской, Эллинская мудрость не произвела ничего выше Платона и Аристотеля,

а Платонъ и Аристотель — этотъ двойственный вѣнецъ древняго ума — признавали дѣтоубійство! (59) Человѣчество собственными усиліями не могло дойти до такихъ, по видимому, самыхъ простыхъ понятій. Для того, чтобы семья— этотъ прекрасный сосудъ, первоначально освященный самимъ Богомъ, — освятилась опять, потребно было, чтобы Самъ Богъ на землѣ явился семьяниномъ.

И вотъ Онъ лежитъ Младенцемъ въ ясляхъ Виѳлеема. Его окружаетъ земная семья, которой ввѣрено отъ Небеснаго Отца человѣческое Его младенчество. Но тамъ въ небесахъ, Онъ Сынъ Бога, Сынъ, рожденный и возлюбленный отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ, прежде сложенія міра. Такъ мысль о семьѣ содержалась отъ вѣчности въ Самомъ Богѣ, по ученію Христіянскому.

Богъ — Младенецъ! Радуйтесь, младенцы всего міра! Надъ Нимъ также, еще въ колыбели, какъ бы во всемірное знаменіе вашему плачевному сиротству въ древности, тяготѣетъ кровожадное гоненіе Иродово: но Онъ исторгнетъ васъ изъ подъ насилія власти отеческой и государственной, Онъ благословитъ васъ, Онъ окружитъ Себя вами, Онъ поставитъ васъ въ образецъ людей Своего Царствія; Онъ посрамитъ мудрецовъ и откроетъ всѣмъ мысль, самую простую для Христіянъ, но не постигнутую всею премудростію древняго міра, что вы и въ пеленахъ, и въ утробѣ матери, и обезображенные, и увѣчные, все тѣ же люди, все то же стяжаніе Божіе! Онъ устроитъ ваше воспитаніе; Онъ оградитъ васъ, *малыхъ,* отъ всѣхъ возможныхъ соблазнителей сего міра; Онъ научитъ отцовъ не раздражать васъ, но и вамъ покажетъ примѣръ повиновенія своимъ родителямъ, и умирая на крестѣ за людей какъ Богъ, не забудетъ какъ человѣкъ о Своей Матери; Онъ передастъ любовь Свою къ вамъ въ сердце учениковъ своихъ и наложитъ ее обязанностію на всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ на себя святой подвигъ вашего воспитанія.

Бога Младенца кормитъ сосцами Матерь Божія! Радуйтесь, жены! Древній плѣнъ вашъ кончился: не изнѣженности нравовъ, какъ въ Греціи, не обычаямъ дикихъ Германцевъ, даже не семейному быту Рима, вы обязаны будете своею свободою, а Ей — Матери Божіей! Она разрѣшитъ на васъ оковы всемірнаго униженія и оградитъ васъ въ обществѣ Своимъ цѣломудріемъ. Она, Сама бывшая

сосудомъ Бога на землѣ, смиритъ непреклонную гордость мужа передъ вами, какъ передъ сосудомъ немощнымъ.

Отецъ Младенца — Самъ Богъ на небесахъ! Смягчите же, отцы, передъ дѣтьми своими вашу древнюю жестокость, неправо подкрѣпленную гражданскимъ закономъ: они — чада ваши по плоти, но черезъ Сего Младенца и чада Божіи по духу. Не у ногъ вашихъ отнынѣ принимайте новорожденныхъ дѣтей; жизнь ихъ уже не будетъ вашимъ милостивымъ даромъ; нѣтъ! изъ лона матери берите ихъ прямо въ свои объятія — и отвѣчайте Богу за ихъ жизнь и воспитаніе.

Прошелъ образъ древняго міра; сила гражданскаго закона смирилась передъ милостію Божіей; семья устроена на землѣ примѣромъ и ученіемъ Богочеловѣка. Утвердивъ въ ней понятія истинно человѣческія, Онъ не отрѣшилъ отъ нея и жизнь національную. Онъ совершилъ въ семьѣ своей все то, что̀ повелѣвалъ Ему законъ Его земли. Онъ показалъ всѣмъ людямъ примѣръ, какъ изъ семьи выносится любовь къ своему народу и отечеству, — ибо, даже отвергаемый симъ послѣднимъ, послалъ Своихъ учениковъ къ погибшимъ овцамъ дома Израилева прежде, нежели ко всему міру.

Но чѣмъ же освятится семья? Что дастъ ей незыблемое основаніе, твердое противу всѣхъ возможныхъ гражданскихъ постановленій? Надъ семьею земной, человѣческой, устрояетъ Онъ семью высшую, духовную. Какъ человѣкъ, Онъ исполнилъ всѣ обязанности сына въ отношеніи къ родителямъ (*); но какъ Богъ сказалъ: *иже бо аще сотворитъ волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ, той братъ мой, и сестра, и мати ми есть* (**). Какая же это новая семья, о которой говоритъ Спаситель? Мы всѣ, крестившіеся въ Его имя, въ ней чада; Онъ — невидимая для насъ глава ея и Отецъ; Его невѣста и мать этой семьи — Церковь. Устроитель ея, какъ Богъ, не могъ знать земнаго брака: Ему подражали ученики Его и подражаютъ главные Іерархи православной Церкви, отрекаясь отъ земной семьи для того, чтобы пасти семью духовную. Но какая же связь между этою семьею высшею и семьею человѣческою? Мужъ да будетъ главою же-

(*) Луки Гл. 2. ст. 51. И бѣ повинуяся има.
(**) Матѳ. Гл. 12. 49.

ны, какъ Христосъ глава Церкви. Вотъ таинство брака! Вотъ та незыблемая духовная связь, на которой утверждается семья человѣческая уже на вѣки: связь сія нерасторжима, ибо сочетанное Богомъ человѣкъ да не разлучаетъ. Такъ, по словамъ Златоуста, семья въ благочестивомъ домѣ, прообразуетъ Церковь Божію (60). Такъ связь небесной семьи отражается въ семьѣ земной; Божественное таинственно нисходитъ въ человѣческое. Вотъ чего опять не поняли мудрецы новаго міра — и Западъ уже подкопалъ основу, данную семьѣ Христомъ Спасителемъ.

Сія таинственная и духовная связь между Церковью и семьею сопровождаетъ все развитіе человѣка и отражается во всемъ воспитаніи Христіянскомъ. Церковь рядомъ таинствъ сообщаетъ благодать семьѣ: Она освящаетъ ее непрерывно при рожденіяхъ, бракахъ, очищеніяхъ душевныхъ, болѣзняхъ, и въ причащеніи соединяетъ ее съ Богомъ. Такимъ образомъ, Церковь освободила семью изъ подъ господственнаго вліянія государства, и дала ей бытіе цѣльное, свободное и безопасное для всѣхъ ея членовъ. Здѣсь заключается корень той духовной, истинной, Христіянской свободы, о которой говорили мы прежде, и до развитія коей дошли теперь путемъ Исторіи; въ ней охраненіе семьи отъ всѣхъ внѣшнихъ отношеній; изъ нея долженъ расти внутренній человѣкъ. — Въ смыслѣ настоящемъ, полной и цѣльной семьи не зналъ ни Востокъ, ни міръ Греціи и Рима: во всей своей силѣ она водворена была только Спасителемъ. Сосудъ устроенъ и огражденъ: вырастай теперь въ немъ человѣчество.

Если семейная жизнь и въ несовершенномъ своемъ состояніи была однимъ изъ главныхъ началъ для воспитанія, то въ Христіянскомъ мірѣ сдѣлалась она для него началомъ безусловно-необходимымъ. Въ Европѣ — этомъ разсадникѣ воспитанія всемірнаго — изъ семьи Аѳинской выходилъ художникъ, изъ семьи Римской — гражданинъ, изъ Германской — воинъ и впослѣдствіи рыцарь, изъ Христіянской только вышелъ вполнѣ человѣкъ.

Въ первобытныхъ Христіянахъ мы находимъ сильное развитіе семейнаго начала, одухотвореннаго Церковью. Извѣстно, какое славное участіе принимали жены въ распространеніи Христіянства, а жены могли только дѣйствовать въ нѣдрахъ семействъ. Въ жизнеописаніяхъ Св. Отцевъ первобытной Церкви сіяютъ имена ихъ матерей. Св. Іоаннъ Златоустъ былъ воспитанъ матерью своею Анѳусою, кото-

рая овдовѣла въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ и для воспитанія сына пожертвовала всѣми прелестями жизни. (61) Григорій Богословъ родился отъ благочестивой Христіянки Нонны, былъ плодомъ молитвъ ея, и отъ нея вмѣстѣ съ молокомъ принялъ первыя сѣмена Религіи. Эмилія, блаженная мать Василія Великаго, воспитала цѣлую семью подвижниковъ Христіянства. Великій Антоній Египетскій отъ малыхъ лѣтъ ходилъ съ своими родителями въ храмъ Божій, и, по смерти ихъ, занимался самъ воспитаніемъ сестры своей. Мать и отецъ привели сами изъ дому къ Александрійскому Патріарху Аѳанасія Великаго, котораго еще въ играхъ отроческихъ товарищи назвали Епископомъ. Іоаннъ Дамаскинъ, Амвросій Медіоланскій, блаженный Августинъ, Святый Николай Мирликійскій (62) — всѣ родились и воспитались въ семьяхъ Христіянскихъ. Изъ блистательныхъ школъ языческихъ принимали первые Отцы православной Церкви одно внѣшнее ученіе, а изъ святаго лона семействъ своихъ выносили они Христіянскій духъ и воспитаніе, — и откуда же они могли бы его вынести, когда въ школахъ владычествовала одна Эллинская мудрость? Таково было участіе семейнаго воспитанія въ учителяхъ Церкви.

Много трудовъ понесла Церковь, чтобы водворить начала Христіянской семьи въ народахъ ново-Европейскихъ. Долго обычаи и законы тому противодѣйствовали. Недостало бы ни средствъ, ни времени изложить всю исторію семейнаго быта и воспитанія у разныхъ народовъ Христіянскаго міра. Для такого труда, наука не приготовила еще основанія (62). Скажемъ вообще, что семья, освобожденная Церковью изъ подъ исключительной власти государства, основанная на понятіяхъ истинно человѣческихъ, дала главную основу ново-Европейскому быту, но подвергалась, разумѣется, многимъ измѣненіямъ, согласно съ характеромъ народовъ и государственнымъ ихъ устройствомъ. Ни въ одной изъ странъ Христіянскихъ семейное воспитаніе не было уже исключаемо государственнымъ, какъ то видимъ у нѣкоторыхъ древнихъ народовъ: вездѣ напротивъ признается его необходимость. Не здѣсь ли причина тому, что исторія Христіянской Европы представляетъ гораздо большее разнообразіе лицъ и характеровъ человѣческихъ, нежели исторія Европы языческой?

Означимъ главными чертами семейный бытъ Запада и упомянемъ вмѣстѣ о томъ вредѣ, который былъ нанесенъ ему, или злоупотребленіями духовной власти,

или государственными учрежденіями, основанными на обычномъ правѣ, или борьбою противъ церкви, или борьбою общества противъ государства. Семейный бытъ Италіи имѣлъ свои корни въ остаткахъ древней семьи Римской, преобразованной Христіанствомъ: сюда вошла и феодальная стихія новыхъ народовъ. Безконечныя распри семействъ въ городахъ составляютъ все содержаніе исторіи среднихъ временъ Италіи: разрушеніе цѣльности государственной было тому причиною. Какимъ чуднымъ разнообразіемъ лицъ блещутъ лѣтописи этой страны! Сколько яркихъ портретовъ выступаетъ на ихъ страницахъ! Много нанесло вреда Италіянской семьѣ и до сихъ поръ вредитъ ей положеніе бѣлаго духовенства. Григорій VII, увлеченный политическими видами церкви, лишилъ его семейства и тѣмъ подалъ поводъ къ неисчислимымъ злоупотребленіямъ, которыя внесли неизцѣлимыя язвы въ домашніе нравы народа Италіи.

Семья Англіи и Германіи вышла изъ феодальнаго быта народовъ Германскаго племени. Здѣсь обычное право первородства, образовавшееся въ маіоратъ, нарушаетъ равенство членовъ семьи и допускаетъ тираннію старшаго. Это противу-человѣческое право въ Англіи перешло въ государственную силу, на которой основаны ея исполинское богатство и крѣпость. Въ Италіи существуетъ также законъ маіората, но не въ той силѣ. Вообще право семейное въ Англіи слишкомъ приковано, какъ замѣчаетъ Гансъ, къ праву собственности (64[a]). Мы уже говорили о томъ, какъ до сихъ поръ въ простомъ народѣ Англіи государство не искоренило варварской власти мужа продавать жену свою въ случаѣ невѣрности. Вникая въ подробности семейнаго быта сей страны, не льзя не изумиться тому, на какой низкой нравственной степени въ отношеніи къ законамъ о бракѣ и правамъ жены и матери, стоитъ это государство, такъ неправо гордящееся своимъ первенствомъ и просвѣщеніемъ (64[b]).

Два событія въ западной Европѣ нанесли сильный ударъ основамъ семьи Христіанской, утвержденнымъ на понятіяхъ о бракѣ. Первый ударъ нанесенъ былъ Реформаціею, которая въ бракѣ отвергла таинство. Въ нѣкоторыхъ протестантскихъ земляхъ Германіи святость брака и власть церкви надъ нимъ еще сохранились; но за то въ другихъ странахъ, какъ напримѣръ въ Голландіи, онъ давно уже перешелъ въ гражданской договоръ, заключаемый гражданскою властію. Менѣе чѣмъ

какая либо страна запада, Франція развивала семейный быть: всегда увлекаемая общественною жизнію, которую дала она въ Европѣ, она не любила жить дома. Узы семьи, и безъ того слабыя, революція ослабила до конца, признавъ бракъ не болѣе какъ гражданскимъ договоромъ и позволивъ его расторженіе, даже по одному взаимному согласію. Наполеоновъ кодексъ наложилъ нѣкоторую узду на сей законъ, вовсе разрѣшавшій семейный быть народа Франціи. По возстановленіи Бурбоновъ, разводъ былъ отмѣненъ навсегда, и не смотря на всѣ усилія утвердить его по прежнему, до сихъ поръ онъ не существуетъ въ законахъ Франціи, благодаря ревностному противодѣйствію Палаты Перовъ (65). Но зло было уже сдѣлано, и исторгнутое изъ мертвой буквы закона, оно вошло въ жизнь и обычаи народа. Разводъ во Франціи не существуетъ по праву, но болѣе чѣмъ когда либо существуетъ на дѣлѣ. Человѣкъ, стремящійся тамъ къ крайнему предѣлу личной свободы, видитъ въ бракѣ одно гражданское насиліе права, и по этой уже причинѣ желаетъ свергнуть его съ себя.

Въ Германіи семейный быть простаго сословія стѣсненъ тяжкимъ закономъ государственнымъ. Простолюдинъ не имѣетъ права вступить въ бракъ до тѣхъ поръ, пока не представитъ обществу состоянія, которое могло бы обезпечить его съ женою и семействомъ (66). Вотъ гдѣ источникъ разврату нравовъ въ низшемъ классѣ народа и плачевному положенію семейной жизни!

Крайнее развитіе общественности во всѣхъ возможныхъ смыслахъ наноситъ также видимый вредъ домашнему быту Запада. Современный Европеецъ превратится скоро въ образованнаго номада и устроитъ изъ своей Европы всемірное кочевье. Много великихъ плодовъ принесетъ это общеніе, но нельзя же скрыть, что много и вреда таится здѣсь въ отношеніи къ тѣмъ священнымъ внутреннимъ основамъ, на которыхъ утверждается чистое бытіе человѣческое.

Вникая во многіе коренные недостатки семейнаго быта на Западѣ, существенно вредные нравственному совершенствованію человѣка, мы не понимаемъ, какая странная гордость обуяла наше столѣтіе? Отъ чего этотъ XIX вѣкъ вошелъ въ такую высокомѣрную пословицу, обидную для всѣхъ другихъ столѣтій? Ужь не всякой ли вѣкъ отличается тѣмъ же порокомъ самолюбія? — Сколько улучшеній въ Христіянскомъ смыслѣ предстоитъ еще Западу относительно самыхъ

простыхъ понятій о бракѣ и семьѣ, на которыхъ почіетъ и благоденствіе государствъ и вся живая нравственность человѣчества!

Но остановимъ вниманіе на племенахъ Словенскихъ и представителѣ ихъ, нашемъ Отечествѣ.

Современные изслѣдователи представляютъ семейный бытъ Словенъ языческихъ бытомъ почти идеальнымъ (67). Не увлекаясь никакимъ пристрастіемъ, постараемся обозначить главныя черты его. Замѣтимъ предварительно, что въ сихъ изслѣдованіяхъ, необходимо повѣрять западныя извѣстія нашими народными источниками: ибо часто бѣдные соплеменники наши, угнетенные на Западѣ, кромѣ бѣдствій чужаго ига, несутъ на себѣ и клевету чуждыхъ обычаевъ, непринадлежащихъ Словенскому народу (68).

Исторія застаетъ предковъ нашего Отечества середи семейнаго быта: »и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ,« говоритъ Лѣтописецъ. Не льзя не признать, что было большое разнообразіе въ семейномъ бытѣ разныхъ отраслей намъ роднаго племени. Какая тишина и кротость, какое *стыдѣнье* и цѣломудріе въ семьѣ Полянъ, по сказанію Лѣтописца! Какая дикость, какое звѣрство въ Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ (69)! Тамъ строгіе брачные обычаи — и невѣста скромно *приводится* въ домъ жениха; здѣсь похищаются жены насиліемъ — и вполнѣ допущено многоженство (70).

Сіе послѣднее, какъ кажется, существовало у большей части племенъ Словенскихъ: не можемъ рѣшить, по своему ли коренному обычаю, по вліянію ли народовъ чуждыхъ (71). Цѣломудріе и вѣрность Словенскихъ женъ прославлены древними сказаніями: Словенка по чувству не могла перенести смерть своего мужа, но нѣтъ строгихъ причинъ думать, чтобы она обязана была идти живая на костеръ его (72 a). Если согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые видятъ въ разсказѣ Приска, писателя V вѣка, о Римскомъ посольствѣ къ Аттилѣ, картину Словенскихъ нравовъ: то не льзя не извлечь весьма выгодныхъ заключеній о бытѣ женщины у племени, здѣсь описаннаго (72 b). Гражданское ея состояніе у насъ было едва ли не выше, чѣмъ у Германцевъ: ибо убіеніе ея цѣнилось наровнѣ съ убіеніемъ мужа, не такъ какъ въ странахъ Германіи, гдѣ первое оцѣнено въ половину противъ втораго (73).

Племя наше, въ отношеніи къ семейному быту, можетъ гордиться тѣмъ передъ образованными Греками и Римлянами, и передъ древнимъ племенемъ Германскимъ, что обычай дѣтоубійства въ немъ, кажется, былъ совершенно неизвѣстенъ. Ученые колеблются при рѣшеніи этого вопроса, но это значитъ только, что они не вникли въ дѣло глубже. Кромѣ изысканій ученыхъ (74), бросающихъ утѣшительный свѣтъ истины, у меня есть одно сильное доказательство: когда въ теченіи моего слова я описывалъ этотъ варварскій обычай, недоставало мнѣ Словенскаго выраженія для того, чтобы означить это страшное дѣйствіе, передаваемое по Гречески словомъ ἀπόθεσις, по Римски expositio, по Нѣмецки Aussetzen. На нашемъ древнемъ языкѣ нѣтъ этого кроваваго слова: — слѣдовательно не было и понятія, ко славѣ чадолюбивыхъ нашихъ предковъ.

Но есть еще другой страшный обычай, приписываемый также Словенамъ языческимъ! Ихъ обвиняютъ въ убійствѣ отцевъ, удрученныхъ старостію. Это рѣшительная клевета на насъ отъ Германскаго племени, гдѣ сей обычай существовалъ дѣйствительно (75). Отъ чего же онъ приводится только у Словенъ Германскихъ, а всѣ древнія преданія нашего Отечества и другихъ племенъ ему совершенно противорѣчатъ? Старость у насъ всегда уважалась: въ гражданскихъ вѣчахъ старцы имѣли первенство; въ бѣдствіяхъ подавали совѣты — и сами Князья ихъ слушались (76). Уваженіе къ старшему въ родѣ перешло къ намъ конечно не отъ Норманновъ, а было въ коренныхъ обычаяхъ нашего Отечества, которыхъ неизгладимые слѣды остались еще въ простомъ бытѣ Русскаго народа. Нѣтъ, испытующая наука смываетъ чужую клевету съ достойной памяти нашихъ предковъ: они и въ язычествѣ, не убивали ни дѣтей, ни отцевъ своихъ. Отсутствіе сихъ варварскихъ обычаевъ тѣмъ болѣе чести приноситъ имъ, что они не были побуждаемы къ тому, какъ Египтяне и Персы, никакою государственною силою, которая пеклась бы объ умноженіи народонаселенія.

Многія достовѣрныя преданія свидѣтельствуютъ намъ о крѣпости семейнаго союза у Словенъ языческихъ. Право мести за убитыхъ родственниковъ едва ли гдѣ такъ было сильно, какъ у насъ въ древней Руси (77). Это единственный обычай, съ которымъ такъ сильно и упорно боролась Христіянская Религія. Земля долго оставалась нераздѣленною и состояла въ общемъ владѣніи: вотъ еще

одно изъ свидѣтельствъ тому, что семейный бытъ у насъ долго господствовалъ. Слѣды того же мы видимъ и въ Богемскихъ преданіяхъ о праотцѣ Чехѣ, который владычествуетъ семейно и живетъ на поляхъ общихъ (78). Семейственное право долго не подвергалось у насъ влiянiю гражданскихъ законовъ: это доказываетъ свободу, самостоятельность и крѣпость семейной жизни (79). Въ самомъ древнемъ договорѣ нашей воинственной языческой Руси мы встрѣчаемъ выраженіе: *милые ближники*, поражающее насъ своею нѣжностію въ памятникѣ временъ столь грубыхъ (80).

Такъ, по всѣмъ свидѣтельствамъ и признакамъ Исторіи, доброе и твердое семейное начало легло въ основу древней Русской жизни: вотъ, можетъ быть, одна изъ причинъ, почему и Христіянство такъ скоро и безъ насилія принялось на нашей почвѣ. Кроткій бытъ семейный былъ достойнымъ сосудомъ для того, чтобы воспринять и произрастить Божественно-человѣческое начало истинной Религіи. Скоро Церковь освятила нашу древнюю семью, принявъ ее подъ свое нѣжное смотрѣніе. Достойно примѣчанія, что уставы Владиміровъ и Ярославовъ о церковныхъ судахъ подчиняютъ все право семейственное Церкви, предоставляя власти свѣтской одно только наказаніе. Ни въ сихъ уставахъ, ни въ древнѣйшихъ правилахъ Митрополитовъ, которыми устроивалась внутренняя жизнь народа, мы не видимъ никакого слѣда тѣхъ жестокихъ обычаевъ, какіе встрѣчаемъ въ подобныхъ памятникахъ у народовъ Запада. Упоминается объ одномъ только двоеженствѣ и обычаѣ простаго народа чуждаться церковнаго вѣнчанья (81).

Въ Христіянской Руси семейная жизнь наша велась давнимъ коренымъ обычаемъ и находилась, какъ сказано, болѣе подъ вѣдѣніемъ Церкви нежели законовъ. Власть родителей надъ дѣтьми не опредѣлялась нисколько сими послѣдними: видно, что она жила въ нравахъ и была умѣрена Христіянствомъ. Изъ преданій ясно, что отецъ и мать равно пользовались сею властію безъ всякаго обиднаго раздѣленія: самостоятельность дѣтей слѣдовала сама собою (82). И здѣсь обходится не безъ страшной клеветы на наше Отечество: иностранный путешественникъ сказалъ, что отецъ въ Россіи имѣлъ право, какъ въ древнемъ Римѣ, до трехъ разъ продавать своего сына. За нимъ повторили это всѣ, тогда какъ ни въ лѣтописяхъ нашихъ, ни въ древнихъ законахъ не видно и слѣда подобному жестокому обычаю (83). Есть еще другая клевета, взведенная на

насъ иностранными путешественниками: это мнимо-униженное состояніе женщинъ въ гражданскомъ обществѣ древней Руси. Поводомъ къ такому заключенію былъ недостатокъ у насъ общественной свѣтской жизни и затворничество жены въ тѣсномъ кругу семьи своей. Но должно же отличить отъ наружныя преимущества западной женщины передъ нашею древнею Россіянкою, не содержащія въ себѣ ничего существеннаго, отъ тѣхъ положительныхъ правъ, на которыхъ утверждается гражданское бытіе женщины въ Государствѣ, а въ семъ послѣднемъ отношеніи женщина Запада, столько обожаемая наружно, и теперь въ иныхъ государствахъ могла бы позавидовать нашей древней Россіянкѣ.

Въ самыя древнія времена оскорбитель цѣломудренной жены или дѣвы наказывался какъ убійца. (84) По живому примѣру Ольги и по законамъ Русской правды мы видимъ, что мать была природною опекуншею дѣтей своихъ, и тогда только могла лишиться сего права, когда выходила за мужъ и оставляла семью свою. Ея собственность принадлежала исключительно ей — и она властна была отдать ее или почтительному сыну, или дочери, которая ее кормила, или даже лицу постороннему: когда же умирала безъ завѣщанія, имѣніе наслѣдовали тотъ сынъ или та дочь, у кого она жила. (85). Мужъ по видимому не могъ располагать собственностію жены: ея пріобрѣтенія оставались независимы отъ его воли. Было въ обычаѣ предоставлять женѣ послѣ мужа все пріобрѣтенное имъ, о чемъ онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія: сей обычай позднѣе утвержденъ закономъ (86). Вездѣ ли, въ самыхъ образованныхъ странахъ, такъ обезпечено положеніе матери?

Въ гражданскомъ быту женщина допускалась у насъ къ судебнымъ поединкамъ наровнѣ съ мущиною, тогда какъ по законамъ древней Германіи она не могла быть свидѣтельницею. (87) Правленіе Ольги, политическая жизнь Маоы Борецкой, доказываютъ намъ также, что достоинство женщины въ гражданскомъ отношеніи ни сколько унижено не было.

Отношенія дѣтей къ родителямъ долго не были опредѣляемы свѣтскимъ закономъ: покорность жила въ обычаѣ. Случаями противными завѣдывала Церковь (88). Только позднѣе въ Уложеніи встрѣчаемъ мы законъ, строго преслѣдующій дѣтей, которыя осмѣлятся просить суда на отцѣ или матери (89). Вид-

но, что законъ былъ только выраженіемъ обычая священной покорности. Неправое постановленіе маіората никогда не нарушало у насъ равенства между сыновьями: наслѣдство дѣлилось поровну. Въ числѣ обычаевъ, почти служившихъ закономъ, не льзя не привести одного, замѣчательнаго по нѣжности семейнаго чувства: младшему брату доставался отцовскій домъ, какъ будто въ той мысли, что онъ какъ меньшій не успѣвалъ снарядить себѣ жилища (90).

Такъ всѣ преданія историческія свидѣтельствуютъ намъ о добромъ семейномъ началѣ, граждански развитомъ, которое легло въ основу нашей древней Руси. Кромѣ исторіи, собственное внутреннее чувство убѣждаетъ насъ, что мы и соплеменники наши имѣли искони особенное призваніе къ развитію мирнаго и кроткаго семейнаго быта, преимущественно передъ другими народами. Указать ли на простой бытъ Русскаго крестьянина, середи котораго, если онъ только не искаженъ никакимъ пришлымъ вліяніемъ, мы находимъ такъ часто образцы древнихъ временъ патріархальныхъ? Чѣмъ ведется эта семейная жизнь, если не стародавнимъ обычаемъ? Откуда объяснить въ немъ нѣжное употребленіе родственныхъ названій для выраженія покорныхъ отношеній къ старшимъ, если не изъ святости его древняго семейнаго быта? Но что говорить объ этомъ простомъ мірѣ, гдѣ видимъ еще яркія, живыя развалины прежней Руси? Даже и въ кругу высшемъ, не смотря на всѣ измѣненія, потерпѣнныя нами отъ иноземныхъ вліяній, инстинктъ семейный въ насъ еще сохранился и держится крѣпко, какъ залогъ развитія нашего въ будущемъ. Ни въ какой иной просвѣщенной странѣ святыня родства такъ не уважается, какъ въ нашемъ Отечествѣ. Таинство брака сохранено у насъ Церковію во всей его силѣ, — а гдѣ же, если не въ немъ, покоится освященное и нетлѣнное зерно семьи Христіянской? Совершенное равенство правъ гражданскихъ отца и матери, равенство и взаимная независимость дѣтей обоего пола передъ закономъ, могутъ служить образцемъ семейнаго устройства и для иныхъ государствъ, гордящихся передъ нами своимъ просвѣщеніемъ.

Взглядъ на далекихъ соплеменниковъ нашихъ, сохранившихъ у себя яркіе слѣды древняго быта, свидѣтельствуетъ намъ также, что въ Словенствѣ искони жили самыя чистыя понятія о семьѣ человѣческой. Въ ущельяхъ горъ Европейской Турціи живутъ милліоны нашихъ братьевъ по роду - племени, по

языку и Религіи, стеная подъ игомъ Турковъ и укрываясь отъ варварскаго насилія въ скромныхъ и благочестивыхъ семьяхъ своихъ. Мы, ушедшіе отъ нихъ во времена незапамятныя и избалованные славою, счастіемъ и могуществомъ, забыли о нихъ, — и только иноземные путешественники доносятъ намъ объ ихъ существованіи, и по живымъ разсказамъ о семейномъ ихъ бытѣ мы узнаемъ въ нихъ близкую нашу родню. Еще этѣми годами, двое Французскихъ ученыхъ передали намъ объ нихъ самыя свѣжія извѣстія. Съ какимъ благоговѣйнымъ умиленіемъ говорятъ Буэ и Бланки о семейномъ бытѣ Болгаръ и Сербовъ, обитающихъ въ Европейской Турціи, и какъ изумляются они симъ живымъ остаткамъ святыни семейной въ племенахъ, подавленныхъ игомъ полуистлѣвшаго Исламизма (91)! Вся жизнь угнетеннаго народа укрылась въ семьѣ, цѣломудріемъ и чистотою огражденной отъ чумы разврата. Французъ удивляется, что въ нарѣчіяхъ тамошнихъ Словенъ нѣтъ слова для означенія мужа, обманутаго преступною женою. Словенка служитъ тамъ образцомъ домашняго трудолюбія и материнской любви: своему мужу она ничего не стоитъ; смерть дѣтища часто убиваетъ ее злымъ горемъ. Вѣрна она супругу, но особенною, духовною любовію любитъ своего брата: нѣтъ выше для нея клятвы, какъ его священное имя. „Вообще пѣсни народа", говоритъ Буэ, „доказываютъ, что бракъ у Словенъ составляетъ эпоху въ жизни гораздо важнѣйшую, чѣмъ у насъ; все участіе ихъ кажется сосредоточено на этой минутѣ и на подробностяхъ праздниковъ, ее сопровождающихъ (92)."

Да, это они, это наши братья, это наша прежняя кровь! Мы узнаемъ ихъ по этѣмъ чертамъ семейнаго быта, который у нихъ сохранился во всей цѣлости, можетъ быть даже благодаря чужому насилію; ихъ свадебные обряды похожи на Русскіе простонародные (93); ихъ пѣсни звучатъ такъ же какъ и наши всѣми чувствами домашней жизни: это пѣсни народа семейнаго; самыя нѣжныя задушевныя посвящены тому событію, въ которомъ зарождается семья, — браку. По ихъ неизмѣннымъ чертамъ мы можемъ судить о томъ, чѣмъ мы прежде были, и отъ какого добраго корня идетъ та Словенская вѣтвь, на которой намъ суждено было разцвѣсть самымъ полнымъ и сильнымъ цвѣтомъ.

Если семья была устроена Самимъ Богомъ какъ сосудъ, да произрастаетъ въ ней человѣчество; если Исторія ясными свидѣтельствами убѣдила насъ въ

томъ, что чѣмъ чище понятіе о человѣчествѣ развивалось въ народахъ, тѣмъ выше восходило устроеніе семьи: то не льзя не заключить, что особенное призваніе племенъ Словенскихъ къ мирному семейному быту, видное и во времена языческія и еще болѣе во времена Христіянскія, можетъ служить вѣрнымъ залогомъ ихъ важнаго будущаго назначенія въ Исторіи человѣчества.

Отъ семейнаго быта нашего и соплеменниковъ нашихъ перейдемъ къ исторіи Русскаго воспитанія. Оно, какъ и вся жизнь Россіи, раздѣляется на два періода, изъ которыхъ первый можемъ именовать народнымъ Русскимъ, второй Европейскимъ. Въ древнія времена мы жили дома, *у себя*, затворясь въ своей исключительной народности; въ новое время стали жить въ гостяхъ у Запада — и продолжаемъ еще отчасти ту же самую жизнь, но кажется уже собираемся, обогащенные избранными сокровищами Европейскаго просвѣщенія, возвратиться снова *къ себѣ*, домой, и вступаемъ въ третій періодъ нашего бытія, который долженъ быть самымъ полнымъ, вмѣстить въ себѣ древнее и новое и именоваться Европейски-Русскимъ. Въ первомъ періодѣ воспитаніе наше было почти исключительно семейнымъ. Здѣсь не льзя не припомнить сходства между бытомъ древняго Рима въ его эпоху національную и нашимъ въ ту же самую: но разница великая въ характерѣ самой семьи. Тамъ начало государственное тяготѣетъ надъ семьею и является въ образѣ тиранской власти отца; у насъ семья независима отъ государства, тѣсно связана съ семьею духовною, Церковію, и вся проникнута Религіею и святымъ ея обычаемъ. Въ богатырскія времена древней Руси до Татаръ, прочному устроенію Христіянскаго семейнаго быта могла препятствовать еще воинская жизнь нашихъ предковъ; но во времена Моголовъ, когда наши силы сокрушились объ желѣзную власть насилія, бытъ семейный, какъ должно думать, образовался во всей его цѣлости и крѣпости. Мы тогда были въ такомъ же положеніи, въ какомъ находятся теперь единовѣрные соплеменники наши относительно къ Туркамъ, и одинакія причины привели насъ къ одинакимъ результатамъ. Русскому того времени, какъ Сербу и Болгарину, оставалось одно утѣшеніе: жить у себя въ тишинѣ семьи своей. Привычка къ такой внутренней сосредоточенной жизни положила и въ послѣдующее время большое препятствіе къ развитію у насъ жизни общественной. Обычай женскаго затворничества содѣйствовалъ тому еще болѣе.

Господство семейнаго воспитанія у насъ, какъ и въ республиканскомъ Римѣ, не исключало училищъ народныхъ, которыми завѣдывала Церковь. Еще Лѣтописецъ простодушно разсказываетъ о матеряхъ, плакавшихъ во времена Владиміра надъ дѣтьми, когда отпускали ихъ въ ученіе книжное. Многими достопамятными именами Князей, основателей училищъ, украшена наша Исторія. Сестра Мономаха учредила и школу для дѣвицъ. Іерархи Церкви постоянно заботились о религіозномъ просвѣщеніи народа,—и въ самыя древнія времена, въ правилахъ обхожденія учителей съ дѣтьми, предписывали любовный обычай, поученіе сладкое, ласковое утѣшеніе (94).

И въ семьѣ и въ школѣ, воспитаніе древняго Россіянина имѣло два главныя начала: первое господствующее Христіянское, которое давало основу всей его жизни, проникало всѣ его мысли и чувства, освящало всѣ внѣшніе обычаи; второе національное, подчиненное первому и заключенное само въ себѣ. Въ Поученіи Владиміра Мономаха къ дѣтямъ мы находимъ самую древнюю картину этого простаго воспитанія нашихъ предковъ. Далѣе лѣтописи наши рѣдко изображаютъ намъ картины внутренней жизни; но за то въ житіяхъ Русскихъ Святыхъ — единственныхъ запискахъ, какія сохранились намъ отъ древняго времени — мы встрѣчаемъ значительныя изображенія простаго семейнаго быта прежней Руси. Въ нихъ можемъ видѣть, что семьи приходились одна къ другой, и потому человѣкъ изъ нихъ выходилъ въ человѣка. Отсутствіе всякаго внѣшняго начала общественнаго содѣйствовало такому однообразію. Чудное единство древней нашей Руси, зародышъ неприступнаго могущества націи, когда въ каждой семьѣ живетъ духъ цѣлаго народа, и когда весь народъ сплоченъ въ одну крѣпкую неразрывную семью!

Семейное развитіе древней Руси отражалось и во властяхъ ея. Одна державная семья разрастается въ многовѣтвистый родъ: престолъ Русскій издревле украшался семейными добродѣтелями. Середи пагубныхъ раздоровъ удѣльныхъ сіяютъ братолюбіе Бориса и Глѣба и кроткій семейный духъ Владиміра Мономаха. Изъ крѣпкой семьи Іоанна Калиты выростаетъ держава Московская съ ея политикою и могуществомъ. Святая благословенная цѣпь семейныхъ и супружескихъ отношеній прерывается вторымъ небогоугоднымъ бракомъ Василія IV — и плодъ его на тронѣ — Іоаннъ Грозный! Внѣ семьи воспитанъ этотъ, по выраженію

Исторіографа, несчастный сирота державы Русской, это страшное диво нашей Исторіи, рушитель семьи на престолѣ Россіи, мужъ семи женъ и сыноубійца! Не явенъ ли перстъ Божій на нашемъ народѣ и на Царяхъ его? Уже ли даромъ, послѣ рушителя семьи, прекратилась вскорѣ древняя отрасль нашихъ властителей, — и не сами ли небеса, въ знакъ праведнаго возмездія, пресѣкли ее и воспріяли къ себѣ въ видѣ Святаго Младенца?

Трогающая до слезъ семейная картина открываетъ исторію новой благословенной вѣтви Царствующаго Дома. Мать, уступивъ *„многонародному воплю земли сирой, безгосударной,* со слезами отдаетъ Богу и народу *„своего единороднаго сына, свѣтъ очей ея, Михаила Ѳеодоровича!“* (95). — Наконецъ, почти послѣдній Царь древней Руси, Царь Алексій Михайловичъ, представляетъ намъ совершенный образецъ древняго Царя-семьянина; благословенный домъ и семья его отражаютъ вполнѣ, и достойно заключаютъ семейный бытъ и воспитаніе прежнихъ временъ нашего Отечества.

Изъ семьи брата своего Ѳеодора вышелъ Петръ: новое назначеніе ожидаетъ Росссію — и Преобразователь приноситъ семью свою въ жертву на олтарь Государства. Съ новымъ порядкомъ жизни начинается и новое воспитаніе народа. Власть государственная сосредоточиваетъ все, становится образующею силою и вноситъ общественное, Европейское начало въ прежній бытъ, исключительно семейный. Единство націи и семьи рушится, и внутренняя жизнь ихъ подвергается безконечно разнообразнымъ вліяніямъ извнѣ. Государство болѣе и болѣе умножаетъ свои средства къ народному образованію по всѣмъ его отраслямъ; гостепріимное къ иноземному просвѣщенію, равно пріемлетъ всѣ возможные пути и методы, и представляетъ въ благородномъ стремленіи своемъ блистательную цѣпь самыхъ разнообразныхъ опытовъ, собранныхъ отовсюду съ неутомимою переимчивостью и всеобъемлющимъ вниманіемъ. Самое домашнее воспитаніе въ этомъ періодѣ получило характеръ внѣшній, общественный, согласуясь въ томъ съ новымъ направленіемъ всей Русской жизни. Семья наша, слишкомъ заключенная прежде въ самой себѣ, вдругъ растворила настежь двери всему иностранному и приняла въ свои нѣдра всѣ чужія стихіи западной Европы. Франція, Англія, Германія, Швейцарія, Италія вторглись въ нашъ домашній бытъ,

въ лицѣ безчисленныхъ пѣстуновъ и учителей; языки и понятія смѣшались; Русскій человѣкъ сталъ легко превращаться во Француза, Нѣмца, Англичанина и такъ далѣе, — и семья Русская представила другую крайность, совершенно противоположную прежней. Свобода Европейскаго образованія и многосторонность, нами во всемъ принятыя, конечно много содѣйствовали развитію особенныхъ характеровъ у насъ въ Россіи, — и нельзя не изумиться тому множеству славныхъ лицъ, которыя въ теченіи столь малаго времени произвело наше Отечество по разнымъ отраслямъ государственной, ученой, литературной и художественной дѣятельности! Но сильное расторженіе національнаго единства, разногласіе мнѣній, разрозненность семей, разнообразіе домашнихъ обычаевъ, смѣсь воспитаній, методъ ученія, языковъ, стали угрожать намъ тѣмъ, чтобы не оправдался объ насъ въ нравственномъ отношеніи тотъ намѣкъ, которымъ иностранные лѣтописатели среднихъ временъ толковали имя Россовъ, производя его отъ *разсѣянія*. Въ самомъ дѣлѣ, намъ, уже сосредоточеннымъ въ сильное политическое единство на такомъ огромномъ пространствѣ земли, угрожало *разсѣяніе* внутреннее, нравственное и умственное, разсѣяніе мнѣній. Такое состояніе нашего Отечества, достигавшее крайности, должно было необходимо вызвать противодѣйствіе со стороны Правительства.

Привести государственное воспитаніе въ стройную систему и дать ему единство прочное, утвержденное на самыхъ вѣрныхъ народныхъ началахъ, было одною изъ первыхъ мыслей нынѣшняго царствованія. Съ дѣятельнаго ея исполненія начинается новый періодъ въ исторіи нашего воспитанія и слѣдовательно во всей Русской жизни. Сія плодотворная мысль сама собою вызываетъ въ просвѣщенномъ кругу народа мысль другую, мысль о томъ, чтобы и семья присоединила также свои свободныя, частныя, но необходимыя усилія къ огромнымъ средствамъ государственнымъ; чтобы воспитаніе семейное отъ своего внѣшняго, общественнаго, ложнаго направленія, обратилось ко внутренней жизни, къ ея существенному корню, къ настоящимъ потребностямъ Отечества. — Такъ изъ всего развитія Русской жизни истекаетъ передъ нами ясно необходимость соединеннаго движенія семьи и государства въ новомъ періодѣ воспитанія, который предоставлено начать нашимъ поколѣніямъ.

Путь Исторіи, нами пройденный, всѣми своими явленіями убѣдилъ насъ въ совершенной истинѣ основной мысли, развиваемой въ этомъ словѣ: мы могли видѣть очами, какъ поднималась она по огромному піедесталу вѣковъ, — и какъ легла незыблемо на примѣрахъ главныхъ народовъ Востока, Европы древней и новой, и наконецъ на собственной жизни нашего Отечества.

Теперь, съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ мысли, мы представимъ себѣ идеальный образъ Русскаго воспитанія, подъ совокупнымъ вліяніемъ двухъ необходимыхъ дѣятелей: семьи и государства. При начертаніи сего идеала, мы, разумѣется, имѣемъ въ виду присутствіе всѣхъ возможныхъ условій для его исполненія, — и помѣщаемъ идеалъ свой въ любомъ свободномъ сословіи, но только въ лучшемъ его избранномъ кругу, отмѣченномъ яркою чертою полнаго образованія

Какъ цѣлая жизнь всего народа, взятая исторически, такъ и воспитаніе каждаго Русскаго отдѣльно должно совершать три періода въ правильномъ и полномъ своемъ развитіи. Первый назовемъ мы семейнымъ, второй государственнымъ, третій сліяніемъ того и другаго.

Если первоначальное развитіе всякаго человѣка Самимъ Богомъ ввѣрено семьѣ, и происходило такъ даже у тѣхъ народовъ, у коихъ бытъ семейный не имѣлъ свободы и подавляемъ былъ государствомъ: то истина сія, общая для всѣхъ, имѣетъ видно еще бо́льшую силу для Русскаго человѣка, ибо не безъ особенной же воли Промысла суждено ему было почти девять столѣтій развиваться въ лонѣ семьи Христіянской. Въ новомъ періодѣ жизни, Русская семья должна вмѣщать въ своей почвѣ слитныя стихіи древней и настоящей: первый слой ея, самый глубокій, основный, да будетъ Христіянскій; здѣсь долженъ зачинаться корень духовнаго бытія каждаго Русскаго человѣка, какъ зачался и освятился корень жизни всей Россіи; второй слой ея, середній, да будетъ народный, согрѣтый крѣпкою любовью ко всему отечественному и увѣренностью въ великое будущее призваніе Россіи; третій наконецъ, наружный, да будетъ слой избраннаго Европейскаго образованія, вмѣщающаго въ себѣ все то, что добраго завѣщалъ Западъ для усвоенія всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Въ первомъ слоѣ да зачнется человѣкъ вообще или Христіянинъ (ибо высшаго человѣка мы не знаемъ); во второмъ — Русской; въ третьемъ —

образованный Европеецъ, готовый для общественной жизни. Важность этѣхъ стихій измѣряется ихъ значеніемъ: вторая должна уступать первой, третія второй. Къ сожалѣнію, въ семействахъ нашихъ весьма часто это правильное отношеніе является въ извращенномъ видѣ. Блескъ наружнаго Европейскаго образованія ложится въ глубину, въ основу, но не можетъ дать ея; Христіянство ограничивается одними наружными обрядами; стихія народная обиходнымъ языкомъ по необходимости, и внутреннее существо Русскаго человѣка обращается въ одну поверхностную внѣшность.

Для утвержденія Христіянской стихіи въ семьѣ, необходимо водвореніе въ ней полнаго Христіянскаго правоученія, какъ въ дѣлѣ жизни, такъ и въ наружномъ обычаѣ. Здѣсь только возможно истинное исполненіе идеала, изображеннаго намъ Спасителемъ въ Евангеліи; только въ семьѣ могутъ совершенно отсутствовать ложное чувство чести и стыда, самолюбивая обида и другіе предразсудки, наложенные на наше общество мнѣніемъ и обычаемъ Запада и не существовавшіе въ семейномъ Христіянскомъ бытѣ древней Руси. Далѣе, необходимы какъ можно болѣе частыя, непрерывныя сношенія семьи съ Церковію, особенно въ домашнихъ Богослуженіяхъ, составляющихъ прекрасную и особливую черту нашего исповѣданія, черту, изъ которой видно, что Церковь наша премудро выразумѣла особенность Русскаго семейнаго быта и соблаговолила отпускать въ домы всѣ свои молитвословія, кромѣ литургіи. Чѣмъ чаще семья освящается молитвами, осѣняется крестомъ и благословеніями священнослужителей, тѣмъ болѣе святыня Религіи проникаетъ внѣшними чувствами въ душу дѣтей. Кромѣ того, въ нашихъ домашнихъ Богослуженіяхъ прекрасно бываетъ соединеніе всѣхъ домочадцевъ и слугъ въ одномъ избранномъ мѣстѣ дома для молитвы, это уравненіе всѣхъ отъ перваго до послѣдняго лица въ домѣ передъ лицемъ благословляющей Церкви. О, сколько такихъ прекрасныхъ, святыхъ обычаевъ лежитъ въ древней нашей жизни! Ими сталъ бы гордиться иной народъ, а мы отъ нихъ удаляемся, ослѣпленные чужимъ бытомъ наружнаго просвѣщенія.

Для утвержденія въ семьѣ второй народной стихіи, однимъ изъ первыхъ средствъ должно признать отечественный языкъ. Грустно сказать, а надобно: много народовъ живетъ по лицу земли, но въ цѣломъ мірѣ есть только одинъ на-

родъ, въ которомъ изъ круга образованнѣйшихъ семействъ исторгается почти вовсе языкъ отечественный, — и этотъ народъ — мы! Какое жалкое исключеніе! Можно бы пересчитать даже тѣ избранныя просвѣщенныя семьи, въ которыхъ Русскій языкъ пользуется правами семейнаго. Мы не обращаемъ нашего слова противу прежнихъ поколѣній, которыя не виноваты въ предразсудкахъ вѣка, когда воспитались; но тѣмъ сильнѣе должны говорить противъ новыхъ, которыя коснѣютъ въ устарѣломъ обычаѣ, и предразсудки своихъ предковъ плодятъ въ потомкахъ, не постигая потребностей времени. Сколько у насъ прекрасныхъ семействъ, гдѣ всѣ первыя впечатлѣнія дѣтей, всѣ первыя чувства, наслажденія, мысли, бываютъ искажены, испорчены чуждыми звуками! Какъ искоренить суевѣріе мнимаго просвѣщенія, что Англійскія няни лучше всѣхъ выпрямляютъ тѣло дѣтей, а будто бы неважно, что тѣ же няни всѣхъ искуснѣе коверкаютъ нашъ родной языкъ въ лепетѣ устъ еще младенческихъ. Прислушайтесь къ языку дѣтей нашихъ только что выростающихъ, если хотите имѣть малое понятіе о Вавилонскомъ смѣшеніи. Что за странная торопливость — вливать чуждые звуки въ слабое слово младенца, когда въ немъ еще не утвердились звуки ему родные.

Языкъ есть невидимый образъ всего Русскаго человѣка. Какъ же не грустно видѣть, что этотъ образъ еще съ малолѣтства искажается въ насъ! О да будетъ же Русскій языкъ семейнымъ языкомъ младенца новаго времени! Да слышитъ онъ чаще, и въ храмахъ Божіихъ, и въ домашнемъ Богослуженіи, и въ чтеніи воскресномъ и праздничномъ, величавые звуки языка Словено-Церковнаго, такъ какъ раздавались они въ первомъ возрастѣ нашей Руси и сопровождали все ея девятивѣковое развитіе! Окружайте колыбель его сладкозвучными пѣснями и преданіями родины, да выростаетъ ваше дитя на этѣхъ звукахъ и чувствахъ, какъ выростала на нихъ богатырская Россія! Да не прикоснется къ устамъ и языку его ни одинъ чуждый звукъ до тѣхъ поръ, пока не разовьется въ немъ свободно даръ человѣческаго слова въ звукахъ ему родныхъ, — а тамъ пускай приходятъ по очереди и образованные языки иныхъ народовъ, но пусть приходятъ въ семью вашу какъ приглашенные гости, а не какъ властелины, порабощающіе вашъ умъ и народное слово! Только изъ нашей земли выѣзжаютъ иноземцы, проведшіе вѣкъ

свой среди нашихъ семей, и къ стыду насъ гордящіеся тѣмъ, что не вывозятъ съ собою изъ Россіи ни одного Русскаго слова!

О водвореніи третьей Европейской стихіи говорить считаю излишнимъ: она и безъ того уже преобладаетъ надъ двумя прочими въ современномъ образованіи Русскаго семейства. Можно пожелать только, чтобы въ ней господствовала бо́льшая многосторонность, а не исключительное пристрастіе къ извѣстному языку или народу, еще опаснѣйшее для нашей самобытности.

Мы устроили почву семьи для возрастанія Русскаго человѣка: что же будетъ ея атмосферою? — Чистая, теплая, Христіянская любовь! Только подъ наитіемъ такой любви возможно развитіе той нравственной свободы, которая въ человѣкѣ будетъ началомъ всякаго добра и не принесетъ ничего вреднаго и опаснаго государству. Сія-то свобода есть, какъ сказали мы и прежде, благотворный плодъ и неотъемлемое стяжаніе семьи, особенно Христіянской: ею питается всякое добро въ человѣкѣ и возрастаетъ въ душѣ его крѣпко, прямо и безопасно.

Но не забудемъ, что отрока ожидаетъ государство и въ немъ стихія совершенно иная: да не будетъ переходъ слишкомъ внезапенъ для его нѣжнаго существа! Потому необходимо еще въ семьѣ растворять мало по малу стихію нравственной свободы чувствомъ долга, — и важное это дѣло не иначе можетъ быть исполнено, какъ постепеннымъ переходомъ воспитанія изъ рукъ матери въ руки отца.

Наступилъ второй періодъ: нѣжное растеніе отрока, такъ сильно распустившееся на волѣ семейнаго быта, пересаждается въ школу — въ розсадникъ, предлагаемый государствомъ. Кто изъ насъ, воспитанныхъ въ общественной школѣ, не помнитъ этого тяжкаго времени, когда надъ нимъ совершилось необходимое пересажденіе? Какая тоска, какое уныніе наполняли грудь среди этого чужаго міра! Какъ мысль о покинутой семьѣ отравляла всѣ первыя занятія! Какъ увядало временно здоровье и ослабѣвали тѣлесныя силы! О вы, которымъ ввѣряется сокровище государственнаго воспитанія! Если вы помните на себѣ вліяніе этого тяжелаго чувства, то вы должны понимать его и въ тѣхъ *малыхъ ближнихъ*, которыхъ принимаете изъ теплаго лона семействъ! На васъ

належитъ святая обязанность облегчить всю трудность этого перехода, окружить пересажденное къ вамъ растеніе всею нѣжностію заботъ и попеченій, особенно на первой порѣ его переселенія! Какъ часто отъ вашей черствой строгости грубѣетъ въ отрокѣ благородное чувство, и живая семейная свобода перерождается въ скрытную шалость! Но для того чтобы исполнить здѣсь назначеніе ваше, вы должны молить, чтобы вамъ удѣлилъ отъ любви Своей къ дѣтямъ Тотъ, Который на землѣ ласкалъ, благословлялъ ихъ и окружалъ Себя ими.

Устроеніе самаго правильнаго перехода изъ семьи въ школу составляетъ одну изъ главныхъ задачъ государственнаго воспитанія. Важнѣйшая трудность для воспитателей состоитъ въ свободѣ, приносимой дѣтьми изъ семей; часто, не зная какъ справиться съ нею, они считаютъ за лучшее вовсе уничтожать ее; но воспитатели должны бы помнить, что эта свобода — прекрасное человѣческое вещество, и что ихъ дѣло — превратить ее въ силу нравственной воли. Успѣхъ сего великаго подвига зависитъ отъ постепенности. Первые пріемы воспитателей должны быть почти семейные. Если стихія семьи была свобода, то стихія школы необходимость. Первая содержитъ начало человѣческое, вторая государственное: обѣ должны взаимнымъ сближеніемъ умѣрять другъ друга. Здѣсь и разгадка чувству унынія при вступленіи въ школу: оно происходитъ въ насъ отъ того болѣе, что мы изъ сферы живой свободы перенесены бываемъ вдругъ въ сферу строгой необходимости.

Назначеніе гимназическаго воспитанія въ нравственномъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы возрастить чувство нравственнаго долга на той сочной почвѣ нравственной свободы, которую семья заготовила: вспомнимъ, что здѣсь уже зачинается будущій гражданинъ. Потому заведеніе должно необходимо отражать во внутренней жизни своей и обычаяхъ духъ и законы того государства, которому оно принадлежитъ. Ошибаются тѣ родители, которые ограничиваются семейнымъ воспитаніемъ дѣтей своихъ до самаго вступленія ихъ въ Университетъ: семья не въ силахъ создать у себя необходимости, которая возможна только при цѣлой массѣ и отъ имени государства; равно какъ и государство не въ силахъ создать у себя въ школѣ ту свободу, которая есть принадлежность семьи, стяжаніе, Бо-

томъ ей данное. Свобода безъ внѣшняго дѣйствія необходимости не перейдетъ въ волю; равнымъ образомъ воля безъ свободы не будетъ имѣть внутренняго основанія, а потому и прочности.

Весьма важно для системы государственнаго воспитанія опредѣлить отношеніе между семьей и школой. Иные педагоги до того простерли строгость свою, что хотѣли на все время отлучить питомца отъ его семьи. Но такая строгость у насъ не можетъ быть допущена: ибо совершенно противна семейному духу нашего народа, составляющему въ немъ свойство отличительное, которое должно быть укрѣпляемо и поддерживаемо государствомъ, какъ прочный залогъ его благоденствія. Во второмъ періодѣ, семья конечно обязана уступить все ближайшее вліяніе государству, но сама она пускай дѣйствуетъ издали и поддерживаетъ священные узы во временныхъ свиданіяхъ, посѣщеніяхъ и особенно, частыхъ письмахъ. О если бы всѣ родители постигали важность сихъ послѣднихъ! Какую огромную нравственную силу посредствомъ писемъ пріобщили бы они къ силѣ государственной! Какъ могли бы они, требуя отъ дѣтей своихъ письменнаго отчета за каждый день, невидимо слѣдить ихъ въ нѣдрахъ самаго заведенія, незримо присутствовать здѣсь своею любовію и заботою, и замѣчать развитіе каждой новой мысли и новаго чувства, въ сокровищѣ, отъ нихъ отторженномъ! Кто изъ насъ не помнитъ, что́ значили въ школѣ письма родителей, особенно первыя? Счастливъ тотъ юноша, который и послѣднее читалъ съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ прочелъ первое послѣ тяжкой разлуки; счастливы его родители, и добрая слава его школѣ!

Но вотъ успѣшно окончился второй тяжелый періодъ воспитанія: юноша изъ рукъ государства снова возвращенъ семьѣ, которая приняла въ свои теплыя объятія его сердце, неостывшее къ любви родственной. Государство наградило его успѣхи въ ученіи и отворяетъ ему дверь въ высшій разсадникъ своего образованія — въ Университетъ.

Если въ первомъ періодѣ, семья исключительно возрастила младенца въ отрока и завѣдывала его воспитаніемъ и ученіемъ подъ господственнымъ началомъ нравственной свободы; во второмъ, государство возвело отрока въ юношу и завѣдывало тѣмъ же подъ господственнымъ началомъ необходимости, при отдаленномъ содѣй-

ствіи семьи: то здѣсь уже семья и государство должны вмѣстѣ соединиться около юноши, и раздѣлить между собою его воспитаніе и ученіе. Первое, разумѣется, будетъ принадлежать его семьѣ, второе государству. Но отношеніе нравственныхъ стихій — свободы и необходимости, уже измѣняется въ обратное: свобода переходитъ въ міръ науки; необходимость, въ видѣ долга, въ міръ семьи, — и отворяетъ юношѣ дверь къ жизни, его ожидающей. Да, Университетское ученіе, предлагаемое государствомъ, тѣмъ отличается отъ гимназическаго, что оно свободно. Это видно вопервыхъ, въ избраніи Факультета, которое зависитъ отъ юноши; вовторыхъ, въ способѣ преподаванія, которое совершается устно и пріемлется вниманіемъ добровольнымъ, а не насильственнымъ отъ учащагося; втретьихъ, Университетское ученіе производится съ сознаніемъ, а сознаніе безъ свободы быть не можетъ. Такъ чувство долга и необходимости вынесенное изъ гимназіи, черезъ высшую науку переходитъ въ міръ яснаго сознанія и свободы — и разумный вполнѣ человѣкъ долженъ завершить и упрочить готоваго гражданина. Въ семьѣ напротивъ, не тѣ уже отношенія у юноши, какія были у отрока: съ чувствомъ вольной радости возвратился онъ въ нее, но чувство долга уже лежитъ въ его сердцѣ; онъ вступаетъ въ новый міръ нравственныхъ связей, обязанностей сладкихъ, умѣряющихъ порывы личной его свободы.

И такъ онъ у насъ, онъ здѣсь, онъ въ этомъ святилищѣ! Наука отверзла ему свои объятія и кормитъ его своею свободною грудью. Если вы прислали его къ намъ издали, родители, о! спѣшите, спѣшите вслѣдъ за нимъ сюда, при первой возможности: ваше присутствіе ему нужнѣе теперь, нежели было тогда, когда онъ жилъ въ заключеніи школы. Конечно, мы приглашаемъ васъ не для того, чтобы празднымъ разсѣяніемъ отнимать золотое его время у науки для пустой жизни, какъ это иногда бываетъ, и вредить нашему дѣйствію! О нѣтъ, мы призываемъ васъ на необходимую помощь. Смотрите: въ то время, когда мы наукою начинаемъ дѣйствовать на его разумъ, въ сердцѣ его закипаютъ живыя страсти, въ его мысляхъ роятся сомнѣнія, жизнь со всѣхъ сторонъ манитъ его въ соблазнительныя оковы своихъ прельщеній! О! теперь семья ему нужна болѣе чѣмъ когда нибудь. Спасайте его въ минуту страшнаго перелома, окружите его цѣпью сладкихъ узъ и семейныхъ отношеній: только въ вашихъ

кроткихъ объятіяхъ, вашими молитвами успокоются этѣ страсти и найдутъ себѣ цѣлебную пищу. Какъ сладокъ и полонъ будетъ здѣсь его отдыхъ отъ утомляющаго пути науки! Какъ вдвое веселы его успѣхи и какъ облегчены неудачи роднымъ участіемъ! Наша наука (мы ее знаемъ) увлечетъ его иногда въ міръ идеальный, въ міръ отвлеченной мысли: семья возвратитъ его снова къ существенности и восполнитъ другую сторону бытія его. Наука самолюбива и можетъ легко возбудить въ немъ гордость: ваша кроткая любовь смиритъ этотъ порывъ, вредный истинѣ и опасный для жизни. Наконецъ наука вмѣстѣ съ свѣтомъ истины можетъ зародить въ немъ и темное сомнѣніе: жизнь семьи множествомъ случаевъ покажетъ ему недостатокъ холоднаго разума и, растворивъ сердце любовью чистою, поддержитъ въ немъ и чувство Вѣры.

О какъ часто, любознательный юноша, свободнымъ словомъ передавая тебѣ науку, я погружался мыслію и чувствомъ въ твой умъ и сердце, и смотрѣлся въ тебѣ самъ, какъ былъ въ твои годы! Я думалъ: счастливъ ты, юноша, если отъ занятій наукою отдыхаешь въ тихомъ лонѣ цѣломудренной семьи своей, и чистою ея любовью живетъ твое кипящее, юное сердце! Если же нѣтъ, если ты сиръ и одинокъ, плачь о томъ, бѣдный юноша: въ этѣхъ слезахъ только твое спасеніе и въ этой печали корень чистой души твоей. Утѣшь себя въ своемъ лишеніи развѣ семейною братскою дружбою добрыхъ товарищей; или лучше, найди пріютъ въ чужой семьѣ: наша Москва гостепріимна. Она охотно пріютитъ тебя одинокаго и согрѣетъ сираго теплою своею любовію. Семьи и домы ея велики, радушны и просторны: будетъ въ нихъ мѣсто всѣмъ странникамъ, приходящимъ къ ней во имя ученія. А вы, добрые ея жители, если случится вамъ принять къ себѣ въ домъ питомца нашей науки, уважайте его цвѣтущее юношество и предлагайте ему въ его одиночествѣ то семейное вниманіе и любовь, которыя для благороднаго сердца дороже всякаго инаго возмездія!

Попечительное государство наше и здѣсь предусмотрѣло подобные случаи, и возможному недостатку семейнаго надзора пособило своимъ, который у насъ въ Столицѣ — мы можемъ всѣ сказать эту истину, а не льстивую похвалу, прямо въ лицо ея виновнику, — совершается съ тѣмъ сердобольнымъ чувствомъ, какое только возможно въ нашемъ Христіянскомъ духѣ.

Благословляй же Провидѣніе тотъ, кого соединенно воспитали семья и государство, сначала чередуясь, потомъ во взаимномъ дѣйствіи. Существо его будетъ утверждено на двухъ самыхъ крѣпкихъ нравственныхъ основахъ бытія человѣческаго; во всей его жизни должна необходимо отразиться полнота его развитія; конечно, за такого болѣе ручательствъ, что совершитъ онъ и назначеніе человѣка въ мірѣ, и назначеніе гражданина въ государствѣ. Исполненіе идеала, нами начертаннаго, возможно и необходимо всюду, но болѣе нежели гдѣ нибудь въ нашемъ Отечествѣ. Почему же такъ? Вникнемъ въ эту мысль, которая имѣетъ окончательно утвердить нашу истину и завершить все ея развитіе.

Воспитаніе каждаго народа должно быть созидаемо на коренныхъ основахъ его бытія. Какими же основами держится все бытіе Россіи? По ученію новѣйшихъ законовѣдцевъ, человѣкъ до развитія жизни государственной проходитъ четыре ступени, которыя суть: семейство, родъ, гражданское общество и наконецъ самое государство. Сіе послѣднее въ идеалѣ своемъ должно совмѣщать всѣ предъидущія формы, изъ коихъ каждая имѣетъ быть полна сама въ себѣ и развита соразмѣрно въ отношеніи къ другимъ. Но въ существенности ни одно государство не достигаетъ идеала, а представляетъ всегда преобладаніе нѣкоторыхъ стихій на счетъ прочихъ. Объяснимся примѣрами: нечего говорить объ Италіи и Германіи, которыя полнаго органическаго государственнаго развитія еще не достигли: въ сей послѣдней странѣ похвальны и современно значительны усилія одной Пруссіи. Но скажемъ о двухъ главныхъ государствахъ Европы, достигшихъ въ этомъ отношеніи возможно полнаго развитія: объ Англіи и Франціи. Въ первой, какъ извѣстно, стихія рода развивается во вредъ равенству семейнаго быта, и образуясь въ силу аристократіи, даетъ главную основу и быту государственному. Во второй, сила общественная развивается на счетъ всѣхъ прочихъ, и даже на счетъ государственной силы. Общество во Франціи всегда вредило семейному быту и особенно вредитъ ему теперь; сила рода давно уже въ ней ослабла и почти исчезла; государство не имѣетъ врага опаснѣе силы общественной, съ которою принуждено вести непрерывную борьбу. У насъ въ Отечествѣ ни сила родовая, ни сила общественная не получили самостоятельнаго полнаго развитія: первой нанесенъ былъ ударъ преобразованіемъ Петра Великаго; вторая, въ древнія времена Руси, жила въ нравахъ

и обычаяхъ Словенскихъ, но была подавлена удѣльными междоусобіями и Татарскимъ разъединявшимъ игомъ; въ новыя времена ее развивала сама власть государственная, но не въ силахъ была дать ей прочное самосущное бытіе. И такъ намъ остаются двѣ коренныя основы нашей Русской жизни: бытъ семейный и бытъ государственный. Отъ ихъ взаимнаго сопроникновенія и дружелюбнаго дѣйствія зависитъ Россія во всѣхъ отрасляхъ своего развитія. Отсюда ясно, что и воспитаніе имѣетъ быть утверждено на нихъ, дабы принять характеръ народный. Если совмѣстное вліяніе государства и семьи есть первое условіе воспитанія совершеннаго, какъ мы доказали путемъ разума и исторіи: то присутствіе двухъ коренныхъ основаній въ бытѣ Русскомъ: семейнаго и государственнаго, отвѣчая вполнѣ идеалу воспитанія, обѣщаетъ самое правильное произведеніе его въ дѣйствіе. Такъ мысль наша, истекшая прежде изъ всего историческаго развитія Россіи, утверждается теперь и на современномъ характерѣ ея бытія.

Мм. Гг.

Вникая въ значительныя мысли, дѣйствія и предпріятія нашего времени, нельзя не замѣтить, что готовится новый поворотъ во всей Русской жизни. Россія на всѣхъ путяхъ своего развитія какъ бы стремится совмѣстить и согласить двѣ разныя половины своего бытія, выражаемыя исторически въ двухъ періодахъ ея жизни, въ настоящемъ же времени — въ двухъ столицахъ, изъ которыхъ одна служитъ представительницею государственнаго быта новой Россіи, другая хранитъ драгоцѣнные остатки ея древняго быта семейнаго. Одна изъ величайшихъ мыслей нынѣшняго царствованія, мысль о соединеніи двухъ столицъ, не выражаетъ ли собою движенія Руси новой къ Руси древней, стремленія къ бытію полному и цѣлому, въ которомъ должны согласиться двѣ расторженныя его половины? Тоже движеніе должно оказаться и во всѣхъ частяхъ жизни, слѣдовательно и въ главнѣйшей, въ воспитаніи, котораго идеалъ долженъ заключаться отнынѣ въ возможно равновѣсномъ дѣйствіи семьи и государства.

Провидѣніе, блюдя Россію, на примѣрѣ Царей ея указывало часто на новое назначеніе ея жизни. Россія давно уже не имѣла счастія видѣть такой благословенной Державной Семьи, какая соединилась теперь на ея Престолѣ. Да благосло-

вишъ же Оно Ее миромъ и благоденствіемъ — и да укрѣпитъ въ Русскомъ народѣ тотъ коренной семейный его бытъ, изъ котораго раскрылась вся его жизнь человѣческая и государственная.

Въ новомъ наступившемъ періодѣ Русскаго воспитанія, какъ же не указать на тебя и на призваніе твое, наша древняя, первопрестольная Москва, сердце жизни и корень бытія Русскаго? Ты хранишь въ себѣ запасное сокровище нашей древней семейной святыни; твой Кремль стоитъ еще живымъ памятникомъ семейнаго быта Царей и народа прежней Руси; въ твоемъ наружномъ образѣ, въ раздольѣ твоихъ свободныхъ и отдѣльныхъ палатъ, мы видимъ еще яркіе слѣды домашней жизни нашихъ блаженныхъ предковъ; ты удержала свой завѣтный, священный обычай, знаменующій въ тебѣ отношеніе искони бывшее у насъ между семьею единокровною и семьею духовною, Церковію, и по старой привычкѣ дѣлишь своихъ жителей на незримыя духовныя семьи, собирая ихъ около всепитающей матери-Церкви. Иные порицаютъ тебя за то, что ты слишкомъ упорно держишься своихъ обычаевъ и мало развлекаешься прихотями жизни общественной; но мы, преданные наукѣ и чуждые свѣтскихъ развлеченій, благодаримъ тебя за тихое и сладкое пристанище, которое ты предлагаешь у себя наукѣ въ нѣдрахъ спокойнаго твоего быта, и думаемъ, что при такомъ условіи у тебя менѣе препятствій процвѣтать ученію и развиваться мысли, чѣмъ въ городахъ, гдѣ и семья и наука разсѣяны безпрерывно шумомъ и движеніемъ жизни внѣшней. Не даромъ же, мудрою мыслію Русской Государыни, здѣсь, въ стѣнахъ твоихъ, насажденъ былъ этотъ древнѣйшій народный Университетъ. Новую эпоху его недавняго возрожденія ознаменуй и ты, — Москва! — новымъ усиліемъ и содѣйствіемъ, и окружай мирное занятіе здѣшняго ученія, ввѣреннаго нашимъ трудамъ и заботамъ, кроткою святынею твоего внутренняго, не разсѣяннаго, Христіанскаго семейнаго быта.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) О значеніи слова: воспитаніе, у разныхъ народовъ, смотри Нимейера Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts, 1 r Theil, 1834, стран. 331 и далѣе. Въ Нѣмецкомъ словѣ: erziehen, воспитывать, первоначально — выводить, вытягивать, есть понятіе о какомъ-то насиліи, производимомъ надъ человѣкомъ. Русское слово производствомъ своимъ мнѣ болѣе нравится: въ немъ яснѣе выражается самобытность человѣка, которую должно беречь въ воспитаніи. Значеніе слова выражается можетъ быть и въ характерѣ, какой воспитаніе принимаетъ у каждаго изъ сихъ народовъ. Я желалъ бы, чтобъ между Нѣмецкимъ и Русскимъ воспитаніемъ было и на дѣлѣ такое же различіе, какое видно въ словахъ: Erziehung и воспитаніе. Тамъ развитіе болѣе искусственное, здѣсь естественное.

(2) Нимейеръ воспитанію предоставляетъ внутреннее развитіе, или развитіе человѣка извнутри; подъ именемъ же ученія разумѣетъ дѣйствіе извнѣ на человѣка — сообщеніе ему понятій, знаній, опыта. Стран. 5 I го Тома.

(3) „Въ союзѣ семейственномъ нѣтъ собственно такъ называемыхъ законовъ.“ Неволина Энциклоп. Законовѣд. Т. I. § 68.

(4) Согласно съ такимъ производствомъ слѣдовало бы писать *сѣмья*, а не *семья:* я не нарушаю обычая.

(5) Слова Нимейера: „Es ist der ganze Mensch, den er (der Erzieher) ins Auge fasst.“ — Т. I. стр. 335. „Nicht was jeder Einzelne werden wird, sondern was der Mensch als Mensch und das Individuum als Individuum werden kann, dies muss er von diesem Standpuncte aus ins Auge fassen.“ Т. I. стран. 343.

(6) Припомнимъ здѣсь кстати одушевленныя слова Якоби изъ второй Части его Волдемара: „Freyheit der Seele ist der Tugend eigenthümliche Kraft. Sie ist der Tugend Wurzel; sie ist auch ihre Frucht. Sie ist die reine Liebe des Guten... Allein durch Freiheit fühlt sich der Mensch als Mensch; durch sie allein ist Selbstachtung und Zuversicht, Wort und Glaube, Friede, Freundschaft, feste Treue möglich, worauf unter Menschen alles beruht.“

(7) Нимейера Т. I. стран. 201. — Гораздо яснѣе и вѣрнѣе развиты мысли о необходимости наказанія и награды въ школѣ, и о вредѣ, какой могутъ онѣ принести въ семейномъ воспитаніи, — у Г-жи Гизо въ 1 мъ Томѣ ея Писемъ о воспитаніи (Письмо XIX).

(8) Нимейера Т. I. стран. 181, 185 и 259.

(9) Слова Песталоцци: „Wer der Mutter lieb ist, der ist auch dem Kinde lieb; wer der Mutter in die Arme fällt, dem fällt es auch in die Arme; wen die Mutter küsst, den

küsst es auch. Der Keim der Menschenliebe, der Keim der Bruderliebe ist in ihm entfaltet.“ Нимейеръ, приводя эти слова, разочаровываетъ насъ примѣчаніемъ, что дѣти часто бываютъ ревнивы и способны возненавидѣть то, что̀ любитъ мать. Это замѣчаніе можетъ быть иногда справедливо въ отношеніи къ лицамъ, но никакъ въ отношеніи къ предметамъ и чувствамъ, къ которымъ дитя не можетъ питать ревности: въ семъ послѣднемъ смыслѣ замѣчаніе чувствительнаго Песталоцци остается совершенно справедливымъ. Любовь матери точно есть духовное молоко, черезъ которое первоначально сообщается младенцу вся нравственная его пища; если мать, которая сама кормитъ ребенка, обращаетъ вниманіе на пищу свою, — то не менѣе должна она обращать вниманіе на предметы любви своей во время духовнаго питанія, которое ею же совершается невидимо въ самомъ первоначальномъ возрастѣ.

(10) Замѣчательны слова, сказанныя недавно Нимейеромъ сыномъ Гамбургскому педагогу Крёгеру и напечатанныя симъ послѣднимъ въ его сочиненіи: Reise durch Sachsen nach Böhmen und Oestreich in besonderer Beziehung auf das niedere und höhere Unterrichtswesen (T. I. стран. 37): „Sie haben den Nagel auf den Kopf getroffen; indem sie verlangen, dass die Waisenerziehung der Erziehung anderer Menschenkinder gleich gemacht werde, *dass Waisenhäuser sich so viel immer möglich dem Familienleben nähern sollen, wozu freilich gehört, dass die Erzieher die rechten Männer sind, Liebe zu den Kindern haben*; dann muss man aber auch tüchtige Leute wählen, sie achten, ehren und gehörig besolden, nicht aber jedem herbeigelaufenen Menschen die Kinder anvertrauen, bei welchem der Staat Vater, die Kirche Mutter sein sollte.“

(11) Платоновы мысли о воспитаніи, изложены имъ въ 5 й книгѣ Республики, въ 6 й и 7 й книгахъ Законовъ. Въ 5 й книгѣ Республики излагаетъ онъ утопію свою о общихъ женахъ и дѣтяхъ, и уничтожаетъ семью въ государствѣ

(12) Всѣ мысли Платона и Аристотеля о воспитаніи со всею возможною полнотою выбраны изъ ихъ сочиненій и изложены у Шварца въ его Geschichte der Erziehung, T. I й, 1 е Отдѣленіе, стран. 392—430; у Крамера въ его Geschichte der Erziehung und des Unterrichts im Alterthume, 2 й Томъ, стран. 288—499. Нимейерово изложеніе не отличается такою же полнотою.

(13) Cramer. T. 2. стран. 697. Сочиненія Плутарха: de puerorum educatione, de amore fraterno, de amore prolis.

(14) Бесѣды 41 и 26 на Дѣянія Апостоловъ. Кромѣ того см. Бесѣды избранныя Св. О. н. Іоанна Златоустаго, перевед. Иринеемъ. 1819 Ч. 2 я Бесѣда о Воспитаніи.

(15) Niemeyer. Gesch. der Erziehung. стран. 547.

(16) Слова Руссо: „Emile est orphelin. *Il n'importe qu'il ait son père et sa mère. Chargé de leurs devoirs, je succède à tous leurs droits. Il doit honorer ses parens, mais il ne doit obéir qu'à moi.* C'est ma première ou plutôt ma seule condition.“ Вотъ на какомъ нелѣпомъ условіи основано все сочиненіе. Неестественность избраннаго положенія повлекла за собою неестественность и во всей системѣ воспитанія: все оно не на данныхъ жизни человѣческой основано, а на искусственныхъ положеніяхъ, вымышленныхъ самимъ авторомъ. Эмиль Руссо есть образецъ искусственнаго, вымышленнаго воспитанія.

(17) Руссо самъ инстинктомъ сознается иногда въ томъ неестественномъ положеніи, которое онъ избралъ для своего питомца: „Au reste, il faut se

souvenir que tous ces moyens, par les quels je jette ainsi mon élève hors de lui même, ont cependant toujours un rapport direct à lui... "

(18) „Emile n'est pas un sauvage à réleguer dans les déserts; c'est un sauvage fait pour habiter les villes." Какъ умно самъ Руссо высказываетъ недостатки своей книги! Какъ слова его могутъ быть удачно примѣнены къ несчастнымъ потомкамъ его Эмиля!

(19) Франке, основатель школы; за нимъ Графъ Ф. Цинцендорфъ, Анастасіусъ, Ланге, Рамбахъ, Фрейеръ и другіе.

(20) Базедовъ, основатель школы филантроповъ, одушевившійся первоначально Эмилемъ Руссо; за нимъ слѣдуютъ — Вольке, Изелинъ, Швейгейзеръ, Кампе, Роховъ и другіе.

(21) См. Briefe aus Burgdorf über Pestalozzi, seine Methode und Anstalt, von Gruner. Hamburg. 1804. стр. 337 и далѣе. Въ этомъ сочиненіи подробно разсказана и метода Песталоцци. Кромѣ того см. сочиненіе Песталоцци: Wie Getrud ihre Kinder lehrt. Stuttg. und Tüb. 1820.

(22) Перемѣны, произведенныя въ Веймарѣ еще за 50 лѣтъ въ этомъ отношеніи, подробно изложены Крёгеромъ въ 1мъ томѣ вышеупомянутаго его сочиненія: Reise durch Sachsen и проч. на стран. 192—227.

(23) Крёгеръ возстаетъ противъ воспитанія сиротъ по семействамъ, но соглашается съ словами Нимейера сына, приведенными въ прим. 10.

(24) Т. I. стр. 243. „Несогласіе родителей, вмѣшательство чуждыхъ лицъ, или домашнихъ друзей не рѣдко столь опасныхъ, свиданія членовъ семьи только за обѣдомъ, который скорѣе совершается, чтобы скорѣе разойтись, — вотъ жизнь — не только въ домахъ знатныхъ, какъ обыкновенно жалуются, но тоже самое встрѣчается часто и въ семействахъ средняго сословія, а господствующій духъ времени, эгоизмъ и жажда удовольствій влекутъ сильно къ тому, чтобы разрушить послѣдніе остатки хорошаго. Потому-то всѣ, которые сходятся съ нами въ этомъ мыслію, должны совокупно стараться, чтобы въ будущемъ поколѣніи вовсе не исчезли остатки добра, теперь рѣже встрѣчающіеся: не то потребны будутъ развѣ тяжкія средства войны и опустошенія, чтобы соединить снова людей и вмѣстѣ съ любовію семейною пробудить и любовь къ отечеству." Къ счастію, такія слова не могутъ относиться къ нашей Россіи. — На стран. 27 тома 3го Нимейеръ весьма ограничиваетъ права родителей на воспитаніе.

(25) „Eine christliche Familie ist die Heimath der wahren Erziehung." Lehrbuch der Erziehung und Unterrichtslehre von Schwarz. 3 Theil. стран. 10. Туже мысль развиваетъ Шварцъ въ своей Исторіи воспитанія и особенно въ сочиненіи своемъ: Das Leben in seiner Blüte. Вообще, какъ мнѣ кажется, изъ всѣхъ современныхъ педагоговъ Шварцъ есть тотъ, образъ мыслей котораго наиболѣе можетъ быть усвоенъ нашему Отечеству.

(26) Госпожа Гизо весьма глубокомысленно развиваетъ мысль о соединеніи семейнаго воспитанія съ публичнымъ въ 56 письмѣ своемъ. Г-жа Неккеръ де Соссюръ, Швейцарка, касается того же предмета во 2мъ томѣ своего сочиненія: l'Education progressive, Кн. 7. гл. 1 и 3.

(27) Cousin. Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne, et particulièrement en Prusse. Paris. 1833. стр. 163—170. Kröger Reise durch Sachsen и проч. T. I. стран. 368. Законы Саксонскіе, опредѣляющіе отношенія между родителями и государствомъ. „Wie der Unterricht nicht bloss mittheilend, sondern anregend und erziehend seyn soll, so soll auch das Haus diesen Zweck vor Augen haben und mit der Schule in steter Wechselwirkung stehen.“

(28) Rapport au Roi par le Ministre Secrétaire d'état au département de l'instruction publique, sur la situation de l'instruction primaire 1841. Bien des pères de famille n'envoient aujourd'hui leurs enfants aux écoles que parce qu'ils y sont sollicités soit par l'exemple, soit par les invitations réiterées des personnes préposées à la surveillance de l'instruction primaire. Beaucoup n'attachent aucun prix à une instruction dont ils sont eux-même dépourvus; il n'en sera pas ainsi de la génération qui se forme sous nos yeux, et qui voudra un jour transmettre à ses enfants le bienfait de l'instruction qu'elle aura recue. Ainsi la fréquentation des écoles, sans être rendue obligatoire, comme l'ont demandé quelques conseils généraux de départements, deviendra générale, et entrera de plus en plus dans les moeurs publiques.

(29) Raumer. England in 1835. Письмо 57.

(30) Притчей гл. 31. 10. Іисуса сына Сірах. 26. 1.

(31) Гл. 30 ст. 17.

(32) Schwarz. Geschichte der Erziehung. I B. 1 Abth. стран. 163—230 Niemeyer. Idem. 420—434. Неволинъ. Энцикл. Законов. T. 2. стр. 178—182.

(33) Davis. La Chine. T. I. Chap. VII.

(34) Schwarz. стр. 45-63. — Bohlen das Alte Indien. T. I. стран. 141—157. — Cramer. Gesch. der Erziehung. 1 B. 42—70.

(35) Schwarz (133—156); Cramer (118—142); Неволинъ (134, 135).

(36) Zendavesta. Nach dem Franz. von Kleuker. 1786. I Theil. стран. 79.

(37) Schwarz (93—121). Cramer (70—93). Niemeyer (309—313). Я старался согласить мнѣнія Шварца и Крамера, которые другъ другу противорѣчатъ. Крамеръ совершенно отвергаетъ достовѣрность преданій Ксенофонта; Шварцъ вмѣстѣ съ Гереномъ ему вѣритъ. Но мнѣ кажется, что введеніе у Крамера о государственномъ воспитаніи у Персовъ совершенно противорѣчитъ его сомнѣніямъ касательно истины сказаній Ксенофонта. Онъ больше бы далъ силы своему введенію, если бы съ ними согласился. Кромѣ того видно у него желаніе высказать мнѣніе новое, противное мнѣнію Шварцеву. — О книгѣ Крамера слѣдуетъ еще замѣтить, что онъ слишкомъ увлекся общею мыслію - представить все воспитаніе человѣчества какъ воспитаніе одного человѣка въ различныхъ его возрастахъ. Такъ Египетъ изображаетъ у него мальчика, любящаго строить; Персы — переходъ отъ воспитанія семейнаго къ школѣ; Греки — соотвѣтствуютъ юношеству.

(38) См. ниже прим. 59.

(39) *γραῶν* или *τιτθῶν μῦθοι* входили въ пословицу у Аѳинянъ. Платонъ обращаетъ вниманіе на выборъ этѣхъ Миѳовъ въ X книгѣ своихъ законовъ. Плутархъ ему въ этомъ слѣдуетъ.

(40) О воспитаніи и семействѣ у Грековъ — см. Шварца Т. I. стран. 231—430. Нимейера Т. 3. стран. 314—388. Крамера Т. I. стран. 142—349. Charikles. Bilder altgriechischer Sitte, von Becker. 1840. T. I. Die Erziehung. 19—66 стран. T. 2. Die Frauen. 414—489.

(41) Обрядъ религіозный (confarreatio) при Императорахъ предоставленъ былъ только жрецамъ Фламинамъ перваго разряда.

(42) Прекрасная повѣсть объ Арріѣ, женѣ Петуса, такъ чудно разсказана Плиніемъ въ XVI письмѣ 3й книги.

(43) Даже Константинъ не могъ ничего рѣшительнаго учинить противъ права убивать дѣтей. Видя, что эдикты не имѣютъ силы, онъ обѣщалъ бѣднымъ родителямъ средства къ прокормленію дѣтей изъ казны государства; но долженъ былъ уничтожить запрещеніе продажи дѣтей, ибо оно умножало дѣтоубійство. Только Валентиніанъ, Валенсъ и Граціанъ запретили подъ смертною казнію *выставлять* (exponere, у насъ къ счастію нѣтъ для того и слова) и убивать дѣтей. Наше слово: *подкидывать* выражаетъ совершенно другое значеніе, нежели exponere: родители, *выставлявшіе* дѣтей, имѣли обыкновеніе выбрасывать ихъ за порогъ жилищъ своихъ на землѣ (extra limen aedium eos humi abjicere solebant. См. Facciol. Tot. Lat. Lex. T. II. expono).

(44) Tacit. dial. de oratoribus. c. 28. Jam primùm suus cuique filius, ex castâ parente natus, non in cellâ emptae nutricis, sed gremio ac sinu matris educabatur, cujus praecipua laus erat, tueri domum, et inservire liberis. Eligebatur autem aliqua major natu propinqua, cujus probatis spectatisque moribus omnis ejusdem familiæ soboles committeretur, coram quâ neque dicere fas erat quod turpe dictu, neque facere quod inhonestum factu videretur.

(45) Неправъ Нимейеръ, который говоритъ: es wird vor der Kaiserzeit keine öffentliche Schule erwähnt. А школа въ Габіяхъ, гдѣ обучались Ромулъ и Ремъ (Dion. Halic. Кн. I. гл. 84.)? А школа Римская, куда ходила Виргинія? (Liv. 3, 34). А школа Фалисковъ, во времена Камилла? (Liv. 5, 27).

(46) Valer. Maxim. De matrimon. ritu. C. 1. 10. Majores natu in conviviis ad tibias egregia superiorum opera carmine comprehensa pangebant, quo ad ea imitanda juventutem alacriorem redderent.

(47) Гор. Кн. 3. Ода 6.

(48) Juven. Sat. 14.

(49) Въ Агриколѣ Тацита мы видимъ еще образецъ древняго воспитанія.

(50) Deutsche Rechtsalterthümer, von Jacob Grimm. Andere Hälfte. 1828. стран. 440.

(51) Id. стр. 450.

(52) Id. стран. 451. Ersch und Gruber. Allgem. Encyclop. der Wissensch. und Künste. 31й Т. статья Ehe. стран. 285. „Когда мы и теперь читаемъ объ Англіи, что тамошніе законы позволяютъ мужу — продавать жену свою на публичномъ рынкѣ съ веревкой на шеѣ, что государство даже возвышаетъ пошлину съ жены приведенной на рынокъ какъ съ другихъ рыночныхъ товаровъ, когда читаемъ, что это случалось даже въ новѣйшее время, — то мы въ правѣ заключить, на какой низкой степени стоитъ нравственное образованіе Англіи. Еще въ 1837

году, мущина изъ Бюртвуда привелъ жену на рынокъ, гдѣ она стояла двѣ минуты съ веревкой на шеѣ, когда подошелъ третій и предложилъ продавцу 55 су. Торгъ былъ немедленно заключенъ. Въ 1838 году на рынкѣ Лудловскомъ была продана жена за три шиллинга брату ея мужа. Низкое состояніе нравственности народной видно еще изъ ежедневныхъ просьбъ о платѣ за безчестіе, какія подаются обезчещенными мужьями противъ тѣхъ, которые поругались надъ супружескою вѣрностью женъ ихъ: это доказывается изъ недавней исторіи Лорда Мелбурна."

(53) Grimm, стран. 404. 408. 447. 453.

(54) Id. Стран. 455. 456. 460. Тацитъ (De mor. German. XIX.) противорѣчитъ этому, говоря, что такое дѣло считалось поношеніемъ; но Тациту вообще, какъ кажется, нельзя вѣрить тамъ, гдѣ онъ слишкомъ хвалитъ Германцевъ и въ слѣдъ за тѣмъ же дѣлаетъ сильные намѣки противъ Римлянъ, какъ въ приведенномъ нами случаѣ. Изслѣдованія Гримма, перерывшаго всю Германскую древность, совершенно опровергаютъ извѣстіе Тацитово. Онъ говоритъ, что древнія Нѣмецкія сказанія всѣ наполнены слѣдами обычая *выставлять* дѣтей. Смыслъ Нѣмецкаго слова: aussetzen, то же подтверждаетъ Гриммъ изъ сего же обыкновенія производитъ слово: Hebamme, которая поднимала отверженнаго младенца.

(55) Grimm. стран. 461. Древніе Фризы отдали Римлянамъ женъ и дѣтей, какъ товаръ, въ счетъ дани, которой не могли выплатить (Tacit. Annal. 4, 72). У Франковъ, говоритъ Гриммъ, (473), наслѣдство дѣлилось поровну. Но въ богатѣйшихъ и сильнѣйшихъ фамиліяхъ Германскихъ право первородства мало по малу вторглось и утвердилось. Право младшинства встрѣчается гораздо рѣже и едва ли между Князьями; иногда видимъ его у дворянъ и крестьянъ.

(56) Гриммъ. 486 стран. Объ этомъ см. ниже.

(57) Tac. De mor. German. VII. VIII.

(58) Id. XIII

(59) Вотъ слова Платоновы (Politia Кн. 5. § 9 по Беккерову Лондонскому изданію): *»Οὐκοῦν καὶ τὰ ἀεὶ γιγνόμενα ἔκγονα παραλαμβάνουσι αἱ ἐπὶ τούτων ἐφεστηκυῖαι ἀρχαὶ εἴτε ἀνδρῶν εἴτε γυναικῶν εἴτε ἀμφότεραι, — κοιναὶ μὲν γάρ που καὶ ἀρχαὶ γυναιξί τε καὶ ἀνδράσιν. — Τὰ μὲν δὴ τῶν ἀγαθῶν, δοκῶ, λαβοῦσαι εἰς τὸν σηκὸν. οἴσουσι παρά τινας τροφοὺς, χωρὶς οἰκούσας ἔν τινι μέρει τῆς πόλεως· τὰ δὲ τῶν χειρόνων, καὶ ἐάν τι τῶν ἑτέρον ἀνάπηρον γίγνηται, ἐν ἀποῤῥήτῳ τε καὶ ἀδήλῳ κατακρύψουσιν ὡς πρέπει.«* — „Итакъ родящихся всякой разъ дѣтей принимаютъ приставленные къ тому начальники, изъ мущинъ, или изъ женщинъ, или изъ того и другаго пола: ибо общія должны быть должности у женъ и мущинъ. — Дѣтей отъ хорошихъ, какъ мнѣ кажется, пусть относятъ они въ кормильный домъ къ надзирательницамъ, живущимъ отдѣльно въ какой нибудь части города; дѣтей же отъ худшихъ, и если отъ другихъ родится какое нибудь дитя увѣчное, пусть скроютъ въ какомъ нибудь недоступномъ и неизвѣстномъ мѣстѣ какъ слѣдуетъ." — Тамъ же: *»Καὶ ταῦτά γ' ἤδη πάντα διακελευσάμενοι προθυμεῖσθαι μάλιστα μὲν μηδ' εἰς φῶς ἐκφέρειν κύημα μηδὲν, ἐαν γένηται, ἐὰν δέ τι βιάσηται, οὕτω τιθέναι ὡς οὐκ οὔσης τροφῆς τῷ τοιούτῳ.«* — „Предписавши имъ это (т. е. избѣгать родства), мы какъ можно убѣждаемъ ихъ не производить на свѣтъ зачатаго, если случится; если же родится, такъ удалять его, чтобы такой не могъ быть никакъ воскормленъ" —

Aristot. Politicon. VII. кн. гл. 16: «*Περὶ δὲ ἀποθέσεως καὶ τροφῆς τῶν γιγνομένων ἔσω νόμος, μηδὲν πεπηρωμένον τρέφειν. Διὰ δὲ πλῆθος τέκνων, ἐὰν ἡ τάξις τῶν ἐθνῶν κωλύῃ μηδὲν, ἀποτίθεσθαι τῶν γιγνομένων· ὡρίσθαι γὰρ δεῖ τῆς τεκνοποιΐας τὸ πλῆθος. Ἐὰν δέ τισι γίγνηται παρὰ ταῦτα συνδυασθέντων, πρὶν αἴσθησιν ἐγγενέσθαι καὶ ζωὴν, ἐμποιεῖσθαι δεῖ τὴν ἄμβλωσιν.*“ — «Что касается до отверженія и воскормленія родящихся, да будетъ закономъ, не воскармливать никакого увѣчнаго. Также ради множества дѣтей, если учрежденіе народное не запрещаетъ, должно отвергать родившихся: ибо число дѣторожденія должно быть опредѣлено. Если же зачнутся сверхъ числа, должно вытравлять, прежде чѣмъ они жизнь получатъ.“

(60) Бесѣда на Дѣян. Апост. 26. *ἔσω ἐκκλησία ἡ οἰκία ἐξ ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν συνεστηκῖα. μὴ γὲ ὅτε σὺ μόνος εἶ ὁ ἀνὴρ, μηδὲ ὅτι αὕτη μόνη ἐστὶν ἡ γυνὴ, νομίσῃς κώλυμα εἶναι· ὅπου γάρ εἰσι δύο εἰς τὸ ἐμόν ὄνομα, φησι, σηγμένοι, ἐκεῖ εἰμι ἐν μέσῳ αὐτῶν ὅπου ὁ Χριστὸς μέσος, πολύ πλῆθος ἐστιν· ὅπου ὁ Χριστὸς, ἀνάγκη καὶ ἀγγέλους εἶναι, ἀνάγκη καὶ ἀρχαγγέλους καὶ τὰς ἄλλας δυνάμεις. οὐκ ἄρα μόνοι ἐστὲ τῶν πάντων ἔχοντες δεσπότην.*

(61) См. въ Сентябрской четверти Четіихъ Миней, подъ 13 Ноября, Житіе иже во Святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго. Какъ трогательны слова Анѳусы къ Іоанну!

(62) Всѣ подробности о жизни и воспитаніи Святыхъ Отцевъ Церкви взяты изъ того же источника.

(63) Въ отношеніи къ внутренней жизни новоевропейскихъ государствъ еще такъ мало сдѣлала наука. Семейный бытъ древнихъ народовъ намъ гораздо извѣстнѣе, нежели тотъ же бытъ Европы даже современной. Ваксмутъ въ своемъ сочиненіи Europäische Sittengeschichte почти вовсе не касается этого предмета. Гораздо болѣе подробностей находится въ извѣстномъ сочиненіи Ганса: Das Erbrecht in weltgechichtlicher Entwickelung. 4 Bde. 1824 — 1835. Но здѣсь право семейное представлено только въ отношеніи къ наслѣдству, — а о семействѣ въ отношеніи къ воспитанію нѣтъ никакихъ подробностей. Къ тому же сочиненіе Ганса обнимаетъ послѣ древняго міра только средніе вѣки Европы.

(64 a) Das Erbrecht. 4-r Band стран. 449.

(64 b) Къ тому, что̀ выше сказано въ 52-мъ примѣчаніи, прибавимъ еще слѣдующее. По существующимъ законамъ Англіи, мужъ разлучившійся съ женою, но нерасторгшій брака, можетъ запретить женѣ своей ходить за больными дѣтьми и даже видѣть ихъ, а въ случаѣ ея непокорности имѣетъ право посадить ее въ тюрьму. Былъ примѣръ, что осьмимѣсячное дитя было отторгнуто мужемъ отъ груди матери, которая не могла найти никакой защиты передъ закономъ, дающимъ полное и исключительное право отцу охранять свое дѣтище. См. Ersch und Gruber. статью: Geschichte der christlichen Ehe. England. стран. 312.

(65) См. тамъ же и кромѣ того: Staats-Lexicon von Rotteck und Welcker. 4 B. 4 Liefer. стран. 602—606.

(66) Такъ въ Баваріи и Австріи.

(67) Такъ говоритъ Мацѣёвскій во второй части Исторіи Словенскаго права, въ статьѣ: *Права семейныя.* „Чѣмъ болѣе Словене держались обычая пред-

ковъ своихъ и національныхъ понятій о справедливости, тѣмъ болѣе приближались они къ тѣмъ древнимъ понятіямъ о бракѣ, власти отеческой и опекѣ, которыя гораздо позднѣе приняла образованная Европа. Даже настоящее семейное право Европы не много лучше того, какое имѣли тогда Словене варварскіе: ибо такъ называли ихъ нѣкоторые." (Мои ссылки сдѣланы на Нѣмецкій переводъ.).

(68) До сихъ поръ еще не была водворена строгая критика при рѣшеніи вопроса о Словенскихъ обычаяхъ въ язычествѣ. Кажется, что многое намъ навязано отъ нашихъ западныхъ соплеменниковъ, а имъ отъ Германскаго племени. Западные источники должны, при рѣшеніи этого вопроса, несомнѣнно занимать второе мѣсто, и быть повѣряемы нашими источниками. Ниже будутъ приведены многіе сему примѣры.

(69) Несторова Лѣтоп. по Лавр. сп. стран. 8.

(70) У Полянъ, какъ видно, былъ обычай *приводить* невѣсту или *приводить* жену: это техническое выраженіе повторяется и послѣ въ лѣтописи, на прим. „*и приведоша* ему (Игорю) жену отъ Пскова, именемъ Ольгу." (Кенигсб. сп. стран. 23). У Нѣмцевъ въ среднихъ вѣкахъ сохранилось выраженіе: ein Weib kaufen, унизительное для жены (Grimm. стран. 421).

(71) Свидѣтельства тому: о Померанскихъ Словенахъ въ жизнеописаніи Св. Оттона (стран. 62). — Vos autem qui usque ad haec tempora non Christiani sed pagani fuistis, sacramentum conjugii non habuistis, quia fidem uni thoro non servastis. Sed qui voluistis, plures habuistis uxores; quod deinceps vobis non licebit. — О Чехахъ у Козьмы Пражскаго (Мацѣёвскаго 2-й т. 192 стран.) — О Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ у Нестора (стран. 8): имяху же по двѣ и по три жены. — Что обычай имѣть двѣ жены у насъ и по введеніи Христіянства иногда встрѣчается, свидѣтельствуютъ слова изъ Правилъ Митроп. Іоанна, въ концѣ XII вѣка писанныхъ: „Тоже створи (т. е. не давай причащенія), иже бес труда и бестраха и бе-срама двѣ женѣ имѣють." (Русск. достопам. стран. 91). Мацѣёвскій (Т. 2. 191, 192) рѣшительно настаиваетъ на томъ, что Словене многоженства не знали. Онъ утверждаетъ, что чѣмъ болѣе они удаляются отъ своего первоначальнаго мѣстопребыванія, отъ Карпата, и движутся на сѣверъ или въ иныя страны, тѣмъ болѣе предаются многоженству. Германцы напротивъ чѣмъ болѣе отъ сѣвера, своей первоначальной родины, стремятся на югъ, тѣмъ болѣе оставляютъ многоженство. — Отсюда выходитъ, по мнѣнію Мацѣёвскаго, что многоженство искони принадлежало Германцамъ, а одноженство Словенамъ. Гриммъ говоритъ, что у Германскихъ Князей и вообще въ высшемъ сословіи допускалось многоженство, а въ низшемъ нѣтъ. Это замѣчаніе служитъ въ пользу Словенъ, которые рано пошли въ подданство Князьямъ Германскимъ.

(72 а) У Маврикія сказано, что многія жены охотно предаютъ себя смерти по кончинѣ мужьевъ своихъ, не вынося вдовьей жизни (Dobrow. Slavin. стран. 100). Нѣмецкіе источники (Кар. т. I. прим. 136), какъ сказали мы, говорятъ намъ о Словенахъ, смѣшанныхъ съ Германцами, а у Германцевъ сопогребеніе живой жены съ мертвымъ мужемъ было наложено закономъ (451. Grimm). Загадочныя сказанія Ибнъ-Фоцлана относятся къ Руссамъ, которыхъ Арабскій писатель отличаетъ отъ Словенъ. У насъ же есть свидѣтельства о томъ, что во

времена язычества жена могла жить и по смерти мужа. Въ договорѣ Олеговомъ говорится: „а и жена убившаго да иметъ толицѣмъ, еже пребудетъ по закону.“ Женѣ убійцы, который долженъ былъ умереть, присуждалась законная часть по наслѣдству. Стóитъ кромѣ того указать на Ольгу. Если бы этотъ обычай дѣйствительно существовалъ въ такой законной строгости, какъ его представляютъ, то странно было бы умолчаніе о томъ нашихъ лѣтописей.

(72 b) См. Венелина Древніе и нынѣшніе Болгаре. Т. I. стран. 122—156. Разборъ этого отрывка, сдѣланный Венелинымъ, изобилуетъ множествомъ остроумныхъ замѣчаній. — Новый переводъ того же древняго документа помѣщенъ въ Февральской книжкѣ Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. нынѣшняго года.

(73) Die buss gegen einem weibsbilde soll *halbsovil* sein, als gegen einem mannsbilde. Ain ieglich frawe hat aines mannes halbe buoz. (Grimm. 404) — Въ Русской правдѣ: оже кто оубьеть женоу, то тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа. Правда, что въ другихъ странахъ Германіи платилось вдвое за женщину противъ платы за мущину. Но здѣсь опять уже замѣтна другая крайность, которая объясняется изъ противодѣйствія неправдѣ общаго кореннаго закона. Подобныя явленія встрѣчаются и въ другихъ странахъ: когда законъ сильно нарушаетъ какое нибудь человѣческое право, — непремѣнно такому нарушенію является противодѣйствіе, вдающееся въ крайность противоположную. Такъ, напримѣръ, въ Индіи жена повсюду совершенно унижена закономъ многоженства и обычаями, но есть за то области, гдѣ ей позволено имѣть многихъ мужей. (См. Bohlen. Das Alte Indien. 2r. Theil. стран. 142 — 143. О поліандріи см. также Ersch und Gruber статью Ehe стран. 315). Отсюда же объясняются Амазонки въ древности и Аѳинскія гетары.

(74) Касательно этого приводится жизнеописаніе Св. Оттона, въ которомъ сказано, что жены Померанскихъ Словенъ имѣли обычай убивать дѣвочекъ, если ихъ родилось слишкомъ много въ семействѣ (стран. 62 и 71). Мацѣёвскій, въ другихъ случаяхъ рыцарски защищающій Словенскіе нравы, здѣсь слишкомъ легко уступаетъ (Т. 2. стран. 224). — Нравы Словенъ Поморянскихъ, конечно, не могутъ служить для насъ образцемъ нравовъ чисто Словенскихъ, съ чѣмъ соглашается и Мацѣёвскій. Здѣсь видно сильное вліяніе Германіи. Поморяне народъ воинственный, конный, дикій: извѣстно, что они обожали идола коня, и что все богатство ихъ заключалось въ коневодствѣ. — Въ нашихъ преданіяхъ и другихъ Словенскихъ рѣшительно нѣтъ никакого слѣда, чтобы существовалъ такой жестокой обычай. Если бы онъ былъ у насъ, то конечно въ первыхъ уставахъ и правилахъ церковныхъ мы нашли бы мѣры противъ него; но нигдѣ рѣшительно о немъ не упоминается. На многоженство же есть намѣки. Не такъ въ Германіи, гдѣ обычай точно существовалъ; Гриммъ собралъ всѣ свидѣтельства тому, какъ трудно было закономъ искоренить его и какъ еще во времена Христіянства онъ долго сохранялся, особенно въ Скандинавіи.

(75) Карамзинъ говоритъ о немъ на 62 стран. I го Тома и ссылается на Гебгарди Gesch. der Wenden, прибавляя къ тому, что вообще находится великое сходство между нравами Словенъ и народовъ Германскихъ. Гриммъ въ статьѣ Alte Leute (486—490) описываетъ этотъ обычай на границахъ Вестготландіи, въ Исландіи, Сѣв. Германіи и древней Пруссіи. Тутъ же попали Вагры, Велетабы и другіе Венды, которые будто бы своихъ дѣтей, родителей, родныхъ и кровныхъ друзей, неспособныхъ къ работѣ, не только убивали, но даже варили и ѣли.

Сказаніе это, вопервыхъ, весьма похоже на сказку: бѣдные Словене, жившіе между Нѣмцами, всегда играютъ роль изверговъ у ихъ лѣтописателей. Но отъ чего же этого обычая не встрѣчаемъ мы у другихъ Словенъ, если онъ есть Словенскій, а только у тѣхъ, которые живутъ въ Германіи, гдѣ онъ почти повсемѣстенъ и особенно употребителенъ былъ въ сѣверной коренной Германіи? Ясно, что если у Вендовъ и былъ онъ, то конечно перенятъ отъ Нѣмцевъ, а не перенесенъ Вендами изъ древняго ихъ Словенскаго отечества.

(76) Это уваженіе къ старцамъ (Кар. Т. I. стран. 254), котораго черты сохранились такъ ярко въ нашихъ лѣтописяхъ, противорѣчитъ совершенно извѣстію о жестокомъ обычаѣ. Странно, какъ того не замѣтилъ нашъ Исторіографъ, увлеченный односторонними западными источниками. „Согласно ли это, замѣчаетъ Мацѣёвскій (Т. I. стран. 183), съ кротостію характера и нѣжностію Словенскаго сердца, которыя у тѣхъ же историковъ изображаются плѣнительными красками?... Мы не нашли ни въ какомъ источникѣ, чтобы гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ у Словенъ существовали нравы и обычаи, подобные тѣмъ, какіе находимъ въ Помераніи и на Эльбѣ.“ Благодарность Мацѣёвскому, который своими учеными изысканіями отъ многихъ клеветъ очистилъ память нашихъ предковъ!

(77) Замѣчательно, что наша Правда начинается прямо законами о мести за убіеніе родныхъ.

(78) Рейца Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. закон. пер. Проф. Морошкина. Стран. 10, 68 и 69.

(79) Того же сочиненія, стр. 62.

(80) Кенигсб. спис. стран. 31. „О работающихъ во Грекохъ Руси у Хрестьянскаго Царя: аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнья, или своихъ не имать, да возвратитъ имѣніе къ *милымъ ближникамъ* въ Русь.“ Карамзинъ первый замѣтилъ силу и особенность этого выраженія.

(81) См. выше прим. 71. Кромѣ того въ Русск. достопам. стран. 101.

(82) Рейца стран. 205 и 206.

(83) Карамзинъ говоритъ объ этомъ въ VII томѣ на стран. 214 и ссылается на Герберштейна, который точно сказалъ: So verkaufft auch der Vatter sein Sun, wo sich derselb mit Diensten oder in ander Weg frei macht, mag inen der Vatter zum andern und dritten Mal verkhauffen, — darnach aber hat der Vatter khain Gwalt über jne. (1557 Wienn). Но что значитъ это свидѣтельство, не подкрѣпленное никакими другими источниками? Рейцъ ссылается на Moscovit. Chronik, должно быть на Петрея (стран. 206), и говоритъ, что въ законахъ не видно, имѣли ли родители право продавать дѣтей своихъ въ рабство (стран. 297). Мацѣёвскій (спасибо ему) не вѣритъ этому сказанію Герберштейна и говоритъ, что Гваньини, Карамзинъ и другіе были имъ введены въ заблужденіе. Самъ же полагаетъ, что это относилось только къ крѣпостнымъ, которые, кабаля себя, кабалили съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣтей своихъ (Т. 3. стран. 404). — Вотъ вопросы любопытнѣйшіе, ожидающіе разрѣшенія отъ нашихъ юристовъ!

(84) Кар. Т. III. стран. 224. Т. II. прим. 108. стран. 61.

(85) Правда Русск. 1799. стран. 91—93. Рейца стран. 220.

(86) Рейца стран. 204. 220. 296. 310.

(87) Рейца стран. 204. Grimm. стран. 408. Frauen sind weder eideshelfer noch zeugen.

(88) Истор. Кар. Т. I. прим. 506. стран. 201.

(89) Уложенія гл. XXII. § 6. А будетъ который сынъ или дочь учнетъ бити челомъ о судѣ на отца или на матерь, и имъ на отца и на матерь ни въ чемъ суда не давать, да ихъ же за такое челобитье бить кнутомъ, и отдать ихъ отцу и матери.

(90) Рейца стран. 69. Этотъ обычай сохранялся и до сихъ поръ сохраняется еще у насъ въ коренныхъ Русскихъ нравахъ. Гриммъ говоритъ (стран. 475), что право младшинства встрѣчается въ Германіи иногда во дворянствѣ и между крестьянами, и часто относится только къ нѣкоторымъ предметамъ наслѣдства, на прим. къ дому. Едва ли это не Словенскій обычай, тѣмъ болѣе что онъ у Князей не встрѣчается, а скорѣе у простолюдиновъ, къ числу которыхъ принадлежали въ большемъ числѣ и угнетенные Словене.

(91) La Turquie d'Europe, par Ami Boué. Tome 2ème Paris. 1840. Бланки. Объ общественномъ состояніи народонаселенія Европейской Турціи (переведено во 2 й кн. Москвитянина, 1842. стр. 665).

(92) Boué T. II. стран. 79. 80. 456. 457. 469. 478. Всѣ подробности о семейномъ бытѣ Сербовъ и Болгаръ взяты мною изъ приведенныхъ страницъ. Кромѣ того, Буэ говоритъ, что обольститель дѣвушки принужденъ бываетъ мнѣніемъ общественнымъ жениться на обольщенной (458). Изъ всего безпристрастнаго разсказа Буэ видно, какъ Словене, особенно нашего исповѣданія, отличаются чистотою нравовъ своихъ передъ другими племенами, и даже передъ Словенами другихъ исповѣданій (457). Разсказы Буэ представляютъ большое сходство съ семейными нравами и обычаями Иллирійцевъ, такъ какъ они описаны въ Славинѣ Добровскаго, въ 5 статьѣ подъ заглавіемъ: Sitten und Gebräuche der Illyrier.

(93) Можно видѣть это сходство въ свадебныхъ обрядахъ юго-западныхъ Словенъ съ нашими изъ живаго описанія Буэ на 488 стран. 2 го тома.

(94) Степен. кн. часть I гл. 40 стран. 143. „Преосвященный Митрополитъ призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ, и наказываше ихъ праве и благочинно учити юныя дѣти, яко же словесемъ книжнаго разума, такоже благонравію, и правдѣ, и любви, и зачалу премудрости страху Божію, и чистотѣ и смиренномудрію. Учити же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ; но радостновиднымъ страхомъ, и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ, и ласковымъ утѣшеніемъ; да не унываютъ, ни ослабѣваютъ прилежно и часто послушивати и наказывати ихъ, предавати и комуждо ихъ урокъ ученія съ разсужденіемъ противу коегождо силы, и со ослабленіемъ, да не унываютъ; но паче же всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня на пользу душижъ и тѣлу, отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесъ всячески ошаятися.“

(95) Слова Грамоты на избраніе Царя Михаила Θеодоровича.

De limitanda irritationis notione, nostro tempore in dijudicandis et curandis morbis justo frequentius usurpata.

COMMENTATIO

IN SOLEMNIBUS ANNIVERSARIIS

CAESAREAE UNIVERSITATIS LITTERARUM MOSQUENSIS

XVIII DIE JUNII

RECITATA

A

Gregorio Sokolsky

M. D. ac Pr. ord. Univers. Mosquensis.

AUDITORES ERUDITISSIMI!

Gratam praeteriti annui temporis memoriam, laborumque, quos prospere confecimus, recordationem celebrantes, futurorumque bonorum in colendis erudiendisque juvenum animis spe multa erecti, convenimus iterum in hoc musarum templum, dulci subsequente otio, quo ad novam in studiis alacritatem reficiantur docentium et discentium animi.

Cum vero litteratis hominibus litterae prima ac praecipua omni tempore sint oblectamenta, hoc quoque, hilaritati ac laetitiae dicato die, non inanem puto rem me esse facturum, si ex doctrinarum ambitu aliquid in medium proferam tale, de quo disputare non indignum conspectu hoc doctissimorum virorum esse videtur. Pertractabo autem argumentum meum, ut ait Tullius „oratione molli et umbratili, sine nervis et aculeis oratoriis, nec sententiis, nec verbis instructam popularibus, nec vinctam numeris, sed solutam liberius, quae nihil habet mirabile, nihil astutum, sed sermo potius, quam oratio dicetur."

Doctrina de morbis, ex irritatione inflammatoria oriundis, postremo vicennio tantopere invaluit, praecipue apud Gallos, ut classis eorum crassissimam nosologiae partem nunc constituat. Sortem hanc praecipue subierunt morbi abdominis, quorum natura penitus in inflammatione viscerum nuper collocabatur. Longe lateque invaluit theoria, cel. Broussais praeeunte, plerisque morbis irritationem morbosam praecedere, eamque non raro ipsius inflammationis vehementiorem, ceterum ab hac natura sua non differentem, quoniam altera in alteram abire solet. Qua de causa et medicatio antiphlogistica, etiamsi post mortem nulla organorum mutationis vestigia conspiciantur plerisque casibus ut optima commendabatur.

Num vero tanta irritationis notio ad morbos recte dijudicandos, ac superstructa ei medela antiphlogistica ad eosdem feliciter profligandos sola suf-

ficiat, nunc mihi coram vobis, A. E., liceat perquirere, atque rem considerationi, in morborum ipsorum phaenomenis nixae, subjicere.

De praegrediente plerisque morbis irritatione morbosa dubitari nequit; pariter alterum morbum abire in alterum, innumera docent exempla, id quod affinitatem eorum revera probat: ast propterea diversas aegrotationes natura sibi similes credere, nec satis verum, neque aegrotis salutiferum esset. Nullus dubito, quin haemorrhagiis, convulsionibus, doloribus, subinflammationibus, et sim. quaedam irritatio praecedat, nam singulae affectiones hae, si placet, ut effectus irritationis morbosae non falso considerari possunt, tamen unde venit, quod uno casu irritationem modo dolor, altero haemorrhagia, tertio inflammatio, et s. p. consequantur? Cum tam ampla irritationis significatione num quis res clarius in pathologia explicare possit? Itaque irritatio, quae multis morbis praecedit comitaturque, etiamsi refutari nequit, tamen *identitatem* ejus, ut volunt asseclae cel. Broussais, admittere non debemus. Imo in eodem textu aut organo irritatio si adest, vario tempore variae modificationis capax esse videtur: cur enim isdem tubus alimentarius modo affectione *gastrica*, modo *diarrhoea* modo *dysenteria*, modo *enteritide*, modo *cholera*, modo *haemorrhoidibus* labefactatur? Dicet forsan quis, aegrotationes has modo graduale discrimen agnoscere; tantam autem interpretationem refutatione quoque indignam credo.

Ut ea, quae in mente habeo, cum luce majore proferre possim, liceat mihi symptomata nonnulla, in morbis abdominis acutis saepius obvia, seorsim considerare, ceteris pluribus, ut quae provinciam amplissimam sistunt, nunc sepositis, tempore idoneo fusius perlustrandis.

Sic *dolor abdominis* inter primarias irritationis intestinalis notas vigilat, causaque ejus vulgo ponitur in irritatione membranae mucosae. Haec autem pathologia tum ad illustrandum, tum ad curandum symptoma minime sufficit, imo prorsus refutari potest. Primo, vix credibile est, ut tunica mucosa doloris sedem constituat, nam textus intestinorum mucosus parvo tantum sensu est praeditus, ac saepe in febribus typhoideis vel ipsa ejus inflammatio difficillime detegitur, nisi abdomen diligenter manu exploremus, quo solet effici tristis faciei contractio. Porro, dolores abdominis raro uno te-

nore pergere solent, modo vero increscunt, modo decrescunt, ac saepius per circuitus recurrunt, id quod de indole spasmodica, quam intestina participare videntur, procul dubio arguit.

Videtur autem hic spasmus sedem suam figere in textu musculoso canalis cibarii et consistere in morbosa ejus contractione. Utrumque credo propterea, quod contractio dolorosa non observetur in iis membranis mucosis, quae carentes substrato musculari ossibus adfiguntur, ut in fossis nasalibus et oris palato duro; dein, quod dolores abdominis comitentur aliis phaenomenis spasmodicis, ut contractione parietum abdominis, retractione testium, respiratione anxia, et sim.

Alius fons dolorum abdominis in inflammatione viscerum latere solet, id quod minime rarum est. Videamus discrimen inter dolorem a spasmo et ab inflammatione, signa utriusque conditionis seorsim collocando. 1. Dolor a spasmo remittit, intermittit ac periodice accedit, saepius est vagus, quam uno loco fixus, et adtactus ad externam, vix solito calidiorem superficiem abdominis, dolorem non adauget, quandoque mitigat. Eodem tempore cetera quoque signa magis indolem spasmodicam, quam febrilem produnt, ut respiratio parva, arteriarum pulsus tenues, parietes abdominis contracti, testes sursum retracti, secretio lotii suppressa, etc. 2. Dolor ex inflammatione, saepius regione una abdominis limitatus, quamvis non semper aequali atrocitate durat, tamen nunquam plane remittit, attactu externo, corporis motu, imo respiratione exasperatur, unde aegri dorso incumbunt et solo pectore respirare conantur. Saepe abdomen calet, tumet, quandoque contrahitur; pulsus micant frequentes, exiles, extrema frigent, faciei habitus evadit peculiaris, et s. p. — E dictis patet, praeter irrititationem ad lectum aegroti summe proficuum erit alias quoque conditiones nominati symptomatis internoscere, earumque necessitatem stabilire.

Dicet forsan quis, spasmum et ipsum num quid per se oriri et diversae ab irritatione indolis esse? Certe non sine probabilitate multa affirmari potest, spasmum et irritationem membranae mucosae fere non disjunctim incedere atque reciprocantes morbum augere. Tamen ut singulus alimenta-

rii tractus spasmus ab irritatione tunicae mucosae oriatur, admitti non potest. Cum enim utrumque stratum, mucosum et musculosum, non mechanice conglutinatum sit, sed vasis et nervis communibus gaudeat, nil impedit, quominus actio morbosa in utroque seorsim exoriatur. Sic plures dolores colici, vomitus spasmodici, et sim. pro certo saepius sine praegressa irritatione textus mucosi sobolescunt, ac ubi increscunt, eodem modo valent textum mucosum inflammare, quo hic inflammatus tormina creat. Propterea in morbis abdominis acutis antiphlogisticis aeque bene tormen lenire, ac antispasmodicis inflammationem tollere, saepius vero utrumque contra morbum adhibere, experientia non falso docet.

Similia observamus in doloribus tenesmoideis, qui tam crudeles comparere solent, dum portio inferior tubi alimentarii inflammatur, atque tam pertinaces sunt, ut jam prima aut altera morbi die aegrum arripere soleant, neque prius linquere, quam ubi caetera morbi signa conticuerint. Spasticum et hoc est symptoma, quam quamvis plus quam tormina cum inflammatione mucosa haeret, tamen locus primarius hujus phoenomeni procul dubio sunt fibrae musculares int. recti: etenim musculi vicini eodem tempore plerumque spasmo laborant, ut monstrant perinaei tensio, penis corrugatio, difficilis ac dolorosa lotii emissio, orificii ani retractio, et sim. quae singula periodice accedere solent.

E dictis patet, in symptomatum analysi instituenda nos in sola irritatione acquiescere non posse. Quamvis cum certitudine stabiliri nequit, quod antea et quod postea, aut utrumque simul oriatur, tamen id dubitationi non objacet, pro medicatione non perinde esse, si haec aut altera conditio in morbo praevaleat. Licet enim quidem credere, spasmum et inflammationem ab eadem irritatione proficisci, tamen quoniam phoenomena ista inter se differunt, atque diversos producunt effectus, hinc ad lectum aegrotantis probe dignoscantur, necesse est, idque eo magis, quum dicta phoenomena non semper in recta ad se invicem ratione occurrant, sed apud alios magis spasmodica, apud alios inflammatoria indoles praevaleat, quod partim a corporis fabrica, partim a regione, maxime autem ab epidemiae genio pendet. — Complicatio ista spasmi minime rara cum phlegmasiis aliorum organorum, praecipue quae in membranis mucosis sedem ti-

gunt et periodum acutam absolvunt. Sic bronchitis, laringitis stipantur tussi, cystitis dysuria, dysenteria tenesmo, urethritis tentigine dolorosa nocturna, et sim.

Quae quum ita sint, curationem quoque antiphlogisticam contra phlegmasias intestinales neque sufficere, neque solam proficere patet. Innumera certe prostant exempla, quae narcoticorum juvamen summe efficax hic esse docent. Sic solo opio fugatae dysenteriae quot vidimus exempla! Pollet medicamen hoc fere specifica vi contra intestinorum inflammationem, potissimum vero triplici virtute sua: altera, qua omnes secretiones, potissimum intestinales, cohibet; altera, qua omnes dolores, potissimum intestinales, sedat; postrema, qua plurimos spasmos solvere solet. Pollet forsan etiam opium indirecta vi antiphlogistica, nam inflammatio, ut vegetationis forma, non oritur sine nervorum coactione, et tamen haec obtunditur opii vi et coërcetur.

Maxime sollene in morbis abdominis est alterum symptoma *dejectiones*, cujuscunque sint generis. Hae pariter ab irritatione inflammatoria saepius derivari solent, tamen injuria. Etenim quamvis veritati ex toto consentaneum est affirmare, phlegmasias mucosas cum adaucta muci secretione incedere, ex altera tamen minime probatum est, ut singulus mucus secretus inflammationis sit proventus. E conjunctiva palpebrarum interdum abunde secernitur mucus sine rubore, calore et dolore manifestis membranae mucosae (ophthalmo-blennorrhoea); pariter e fossis nasalibus quandoque copiosus destillat mucus sine ullo phlegmasiae localis signo. Andral bis vidit copiosissimam et tandem letalem muci expectorationem (bronchorrhoea) et in cadaveribus superficiem bronchiorum intimam solito pallidiorem conspexit. Quidam quovis mane evomunt, idque cum levamine, muci copiam haud paucam. Tempore hydropsiae aut dentitionis profluit ex ano mucus aut serum copiosum, cujus generationem vix phlegmasiae intestinorum tribues. Tandem ex vagina et urethra qui profluit mucus, praeter urethritidem et elithritidem saepius alias agnoscit causas. Imo quae ex inflammatione semel orta est blennorhoea, non semper in posterum de ejus praesentia certus manet testis, uti diversa ophthalmiae stadia docent. Ejusdem indolis dejectiones fieri posse, remediorum adstringentium aliorumque empiricorum probat utilitas, fra-

cto praecipue symptomatum localium vigore. Dejectiones *aquosae, serosae* videntur intestinis mere exsudari, etenim cel. Andral apud mortuos ex serosis diarrhois saepius inveniebat ad multam sui admirationem tunicam mucosam intestinalem solito pallidiorem. Idem monstrant plures sectiones cholera nuper mortuorum. Dicet quis, irritationem tamen semper symptomati huic praeesse; ast num res melius explicabitur?

Cum itaque praeter irritationem inflammatoriam secretio muci alias saepe agnoscit causas, sciscitanda sunt cetera morbi phaenomena, e quibus pateat, debemusne in secretionis negotio phlegmasiam potius, an alias causas accusare. Alioquin et nulla muci egestio de inflammationis absentia nequaquam loquitur, quoniam interdum irritatione et phlegmasia in summum gradum provecta alvus prorsus clauditur, tormina vero et tenesmi exquisite increscunt. Ejusdem rei commodum exemplum videre fas est circa alias phlegmasias mucosas. Sic in catarrho pulmonum vehementiori suspenditur expectoratio; in coryza gravi narium mucus; in urethritide intensa non amplius abit mucus, et in ophthalmia vehementi cessat secretio lachrymae.

Jmo cruentae dejectiones, utut certum insignis irritationis et inflammationis signum sunt, haud semper ab eadem causa derivari possunt. Sic vel veram enteritidem et proctitidem sine hoc symptomate decurrere, nec non veras haemorrhagias intestinales sine signis irritationis incedere in vulgus est notum. Si vero potest admitti irritatio haemorrhagica, pro certo haec specifici aliquid prae se habet. Revera si consideres insignem membranarum mucosarum vitalitatem et simul textus structuram parum densam, impetum sanguinis celerem et vasorum copiam, ad ipsam superficiem mucosam perreptantium, facile credes, sanguinem hic praeter inflammationem facile posse alia via elabi, et quidem per exosmosin (genus exhalationis activae) menstruorum instar scaturire. Imo si per simplicem imbibitionem textus organici attrahunt humores, quibus indigent (Fodera, Magendie), cur non eadem via expellant, quibus abundant? Idque videtur intra organismum absolvi absque irritationis morbosae auxilio. Sola sanguinis conditio vitiata, ab antiquis temporibus nota, ac nostro tempore potissimum recognita, quin ad malum hoc producendum sufficere possit, nullus dubito: novimus enim, quanta cum fa-

cilitate in typho, febre flava, scorbuto, veneficiis quibusdam, in quibus sanguinis alterationes qualitativae omni jure suspicari possunt, exsudat cruor intra cavum intestinorum.

In *bilis secretione* abnormi accusari solet hepatis nimia irritatio, contra eandemque curatio dirigi. Irritatio vero hoc casu si adest, longe alio loco, in intestinis, duodeno, quam in glandula biliaria, haeret. Nam insignis est membranarum mucosarum consensus : pauxillum tabaci pulverati, naribus attracti, provocat membranam Schneiderianam ad majorem muci secretionem. A titillatione faucium contenta stomachi vomitu ejiciuntur. Pessarium immissum blennorhoea sequitur. Frustulum saponis, ano neonati introductum, diarrhoeam creat, et s. p.; propterea non mirum, si, orificio ductus choledochi affecto , bilis quoque majori copia evacuatur. Imo vel ipsam hepatis inflammationem saepius ab eadem causa oriri observamus: pleraeque enim hepatitidis causae in intestinis nidulantur, ut ebrietas , vomitus frequentes , vermes, haustus frigidi , etc.—Hepatis ipsius morbi , haud semper irritatam indolem hujus visceris produnt. Maxime solennis morbus *icterus* , tum apud adultos, tum apud infantes , originem suam videtur potius debere bilis retentioni, absorptioni , non legitimae praeparationi, forsan ejus depravationi, inceditque sine ullis irritati hepatis signis , febre excepta , quae interim sola nil probat. Induratio hepatis, aliaeque ejus degenerationes, si unquam cum ictero incedunt, saepius stimulantibus, solventibus , salibus , rhabarbarinis, mercurialibus, quam antiphlogisticis debellantur. Quandoque comparet icterus ad finem acutorum morborum , ut typhi, nec non hepatitidis, atque felicem eorum exitum praesagit , symptomatibus irritationis omnibus cessantibus (icterus criticus).

Quacunque ceterum causa bilis in cavum intestinorum evacuetur, tamen ubi est evacuata, forsan non minorem , quam hepatis irritatio, attentionem meretur , etenim facile vitiosam indolem nanciscitur et mora sua morbum exasperare aut etiam producere valet. Quis neget , secreta quoque in aliis organis quandoque acrem indolem adsumere , exemplo lacrymarum in ophthalmia , muci nasalis in coryza , materiei gonorhoicae in urethritide , quae singula textum cutaneum , ad quem destillant , nonne irritant , inflammant, exedunt ? Propterea nil mirum , si Stollius crebris sermonibus usurpet tan-

11

tam bilis acredinem, quae vomitu ejecta dentes obtundebat, diuturnam amaritiem oris creabat, atque cum alcalibus mista effervescebat. Patet exinde salutaris actio in morbis biliosis laxantium quorundam, ut mannae, tamarindorum et sim., quibus bilis partim in acredine, sua diminuitur, partim ex intestinis eliminatur. Imo in enteritide simplice quomodo agunt mucilaginosa aliaque demulcentia? Mihi non alio modo id praestare videntur, quam quod secreta canalis intestinalis, quae indole et mora sua nocua evadunt, involvant, atque ad loca alia removeant; nam si eorum actionem sic interpreteris, ut ad superficiem inflammatam applicentur et emolliente sua indole ejus sensibilitatem obtundent, cur magna copia muci, quem insontem esse credunt, idem non valeat efficere?

Itaque in bilis secretione abnormi praeter irritationem, ut causam, etiam habenda est ratio indolis secreti, neque ubique laxantium usum, tantopere Zimmermannio, Stollio et Tissoto laudatum et probatum, statim est rejiciendum.

Verum si ponamus, plerisque morbis acutis ab initio irritationem textuum praecedere et comitari, tamen varias ejus modificationes, phlegmasiarum instar, refutare non possumus. Harum vero modificationum tanta conspicitur ubertas, ut prae multitudine et diversitate morborum notio irritationis, nimium extensa, eo usque extenuatur, ut in diagnosi et cura stabiliendis tandem ad nihil redigitur. Sint exemplo morbi cutanei.

Horum plerosque ab inflammatione cutis oriri, nemo negabit; tamen quot formas diversissimas exhibent, quot medicationes, fere oppositas, postulant! Discrimen hoc a stratu cutis, quod afficitur, provenire dices. Audio. Tamen erysipelas, scarlatina, erythema, morbilli, roseola, petechiae, etc. videntur omnes sedem agnoscere in rete mucoso, at unde tantum discrimen in forma? Unde etiam cujuslibet exanthematis specialia discrimina, ut erythema *simplex*, *marginatum*, *papulatum*, etc. aut roseola *annulata*, *vaccinica*, *autumnalis*, etc. etc. Vesiculosae cutis inflammationes consistunt in depositione seri intra cutem et epidermidem, tamen formae exsurgunt diversae, ut *miliaria*, *herpes*, *zoster*, *rupia*, *eczema*, etc. quibus diversa quoque competit cura externa et interna. Similia facile de viscerum abdominalium morbis credi

possunt, in quibus post mortem tanta varietas affectionum cultro demonstrata quamvis non est, tamen functionalium symptomatum differentia et curationis diversitas docent, irritationem ibi, si quae adest, non semper eandem esse, sed tam multifariam, ut non solum diversissimae, imo oppositae sibi morborum formae exoriantur, quae cum irritatione, h. e. aucta organica actione, nihil commune habere videntur. — Accedit, morbos periodos varias absolvere, quibus vigor actionis organicae non manet perpetuo idem, sed post certum tempus elapsum cohaesio textus affecti verosimiliter diminuitur, nec non receptivitas ejus obtunditur: unde sine dubio permutatur morbi character, ut monstrat efficacia adstringentium et tonicorum in diuturnis, imo acutis alvi fluxibus. Revera cel. Vacca suspicatus quondam est, cel. vero Hastings partim periculis probavit, in processu inflammationis textum in textura sua physice relaxari, hoc est, vim cohaesionis in illo labascere. Luculentum hujus rei exemplum praebet erysipelas (simplex), quod ab agyrtis adstringentibus et spirituosis externis facile sanatur; eodem modo videntur sanari vulnera aquis vulnerariis, saturtinis, etc. Propter easdem rationes et contra s. d. irritativos morbos plures commendantur medendi methodi, maximae diversae, imo oppositae, tamen omnes suo tempore salutares. Ex adductis patet, praeter notionem irritationis habendam quoque rationem organicae conditionis textuum, atque adauctam actionem organicam, quae supponitur in irritato organo, non ubique modo debilitantibus compesci posse.

Iam converto me ad aliam quaestionem. In morbis acutis, praeter affectionem localem saepe adest generalis organismi aegrotatio, in scholis sub nomine *febris* nota. Hanc doctrinae irritationis cultores tribuunt systematis sanguiferi irritationi, in eaque admittenda saepe videtur tota febris pathologia, in pacanda vero tota therapia eorum consistere.

Nullo alio, quam elapso vicennio, tantopere agitabat pathologos quaestio, num febris essentiale, an modo consensuale phaenomenon sit. Major interim medicorum pars, cadaverum sectionibus edocta, febri originem consensualem tribuit, h. e. ab irritatione organi alicujus pendentem, in hacque invenienda et mitiganda febris therapiam consistere monent.

De essentialitate febrium, quatenus hae existunt, dubitari nequit, non plane, quatenus per se existunt. Ceterum cujuscunque originis sit febris, vix non aequalem medici utroque casu attentionem meretur, etenim

a) *Semper sistit per se morbum*: nam etsi mere consensualis est, non extra organismum sedet, sed oritur ex organorum quorundam affectionibus, quae iterum ut morbi locales novi considerari possunt et debent.

b) *Motus febriles producunt effectus proprios*, nempe fluidarum et solidarum partium alterationem. Hoc partim *a priori* demonstratur, dum nulla virium mutatio sine materiei mutatione fieri potest, partim observatione, quae excreta fluida in physicis et chemicis proprietatibus alienata ostendit, id quod si in organis secretoriis, non vero in sanguine accidere dices, tamen partem quandam secretorum iterum in circulum humorum abire non refutabis; dein experimentis cell. Duhamel et Chaussier docemur, sanguinem animalium quorundam admodum acrem indolem nancisci per solam circulationis ejus accelerationem. Cel. Gendrin periculis agnovit, ex accelerata circulatione capillari, quae sine dubio in febre obtinet, citissime texturae alterationem consequi propter stagnationem sanguinis in vasis dilatatis. Exinde derivandam credo totius vegetationis mutationem, interdum noxiam interdum salubrem, ut capillorum defluvium, aliasque febrium sequelas.

c) Motus febriles vel consensuales facile localem affectionem, e qua sunt orti, sustentant, adaugent, aut etiam phlegmasiam novam accersitant.

d) Febris inflammatione excitata, saepe huic non obedit, sed typum proprium observat, quo morbi localis sanatio multum impeditur.

E dictis patet, in morbo acuto curando medici nimiam sollicitudinem de febris protopathia aut deuteropathia inveniunda non multum aegro profuturam esse, quum illa utroque fonte orta in organismum eodem modo operatur et utroque casu fere similem curationem postulat. Celebrem ergo illam de febrium essentialitate quaestionem vix in hominum salutem tantopere nostro tempore agitari, non sine ratione opinatur cel. Cayol, mirorque eos, qui proclamata semel indole febrium deuteropathica jam se ab omni febrilium symptomatum curatione immunes credant. Symptomatica

cura hic aeque necessaria est; nam si febris per longius tempus duraverit, facile accedunt stupor, virium prostratio, fuligo, cutis ariditas, pulsus frequentia et tenuitas, extremitatum frigus, faciei pallor et collapsus; quae ubi jam praesto sunt, a curatione irritationis localis vix aliquid, nisi letalem virium collapsum erit expectandum. Quomodocunque cel. Boisseau, tanta sagacitate inter ceteros excellens, medicorum empiriam hoc casu vituperaret, ast vix non partium studio nimis agitatus suam medelam adynamiae depinxit (Pyret. physiol p. 288); docuerunt quamvis innumerae cadaverum sectines, adynamiam hanc cum vehementi phlegmasia tunicae mucosae gastro—intestinalis, ut plurimum exulceratione consecuta, decurrere et fortassis ab hac non parum dependere, tamen theoria hoc casu parum cum experientia convenit, ac in genere cultores s. d. doctrinae physiologicae in therapia hujus mali tantum haesitant, quantum veram ejus causam se eruisse credunt.

Quae hucusque protuli, satis docent, quam multifarius, quamque complicatus sit processus febris, ad quem recte intelligendum, feliciterque profligandum vulgarem illam de irritatione sympathica notionem neque sufficere, neque quadrare, sat abunde patet. Propterea non est mirandum, si tantis therapia febrium scateat tenebris, tantamque ex parte medentis expostulat dexteritatem, id quod in vulgus est notum. Itaque effictis a nobis theoriis penitus obcaecari non debemus et utcunque laudabile sit conamen phaenomena vitae, morbi et curationis ad generalia reducere principia, tamen haec ubique ad singulos casus attemperare velle, parum esset recte. Coecutiunt pro certo, qui morborum naturam ad solam bilancem doctrinae Brunonianae perpendi posse putent. Multo magis idem dicendum est de curatione, in qua a praestigiis theoriae tanto plus nos praecavere studeamus, quanto vitam semel amissam iterum recuperare non posse pro certo scimus.

Tandem inficias ire nolo, locupletarunt quamvis medici artem recentiore tempore, dum specificam organorum in se agendi rationem propius agnoverant, unde plures morborum formae qualitativae innotuerunt, tamen soli Brunoni forsan nos debere id, quod in affecto quolibet organo inprimis ac potissimum est observandum: modificat nempe quidem morbos anni tempus, epidemia, character stationarius, sed semper, implicite quamvis, vitium quan-

titativum fit praesto, contra quod curatio antiphlogistica si non sola salubris, sola tutissima est; en cur in morborum dijudicatione, pharmacorum distributione perpetua illa dichotomia brunoniana! Atqui haec sunt sine dubio in causa, cur theoria irritationis tantopere invaluerit, cur schema legis brunonianae et nostri temporis ingeniis longe validius inhaereat, quam quantum ex declamationibus eorum esset aestimandum. Est omnino lex irritationis non ad lubitum efficta, qua facile cuncta vitae munera explicantur. *Vita sustentatur modo stimulis,* dixit Bruno, atque hoc effatus est veritatem in physiologia et pathologia gravissimi momenti, et si applicatio ejus therapeutica, proh dolor! multo fuit generi humano exitio, tamen in re non tam auctorem ejus accusandum credo, quam potius illum errorem, qui ex generali et theoretica abstractione praematuram neque satis experientia probatam consequentiam eduxit, id quod in caeteris quoque mentis humanae disciplinis impune non transit.

Tandem ad vos, Juvenes ornatissimi, converto verba mea, ad vos qui nobis spes tantas studiorum dedistis, atque in iis excolendis a praestigiis theoreticis vos semper immunes tenere studuistis, pergatis eundem tramitem, quem prudenter incepistis, pergatis in hominum salutem, pergatis dum tanta in vos beneficia cumulare voluit munificentia Augustissimi bonarum artium et doctrinarum Patronis, etenim marcescunt doctrinarum fructus, doctrinae ipsae deflorent, si unquam destituuntur Patrono, Fautore.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

о состояніи

ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

за 1841 — 42й Академическій годъ.

Университетскій Совѣтъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава, имѣетъ честь представить краткій Отчетъ о состояніи Московскаго Университета за минувшій Академическій годъ.

Въ началѣ учебнаго года произведено было испытаніе желающимъ поступить въ Студенты. Въ продолженіе сего времени, 26 числа Іюля, посѣтилъ Университетъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, и въ этотъ день Его Высокопревосходительству угодно было принять самому участіе въ Студентскихъ экзаменахъ. Изъ явившихся на испытаніе 272 учениковъ признаны способными къ слушанію Профессорскихъ лекцій 131; принято безъ экзамена воспитанниковъ и учениковъ: Московскаго Дворянскаго Института 10, изъ Гимназій: Московскихъ 17, изъ другихъ губерній 4, изъ Царства Польскаго 15, изъ Университетовъ, Лицеевъ, Медико-Хирургическихъ и Духовныхъ Академій 26; сверхъ того допущены къ слушанію лекцій: 9 Магистровъ и Студентовъ Александровскаго-Финляндскаго Университета, 6 служащихъ Чиновниковъ и 49 Аптекарскихъ Помощниковъ.

Вообще въ 1841—42 Академическомъ году находилось въ Университетѣ: Профессоровъ и Преподавателей 55, учащихся 925, именно: Философскаго Факультета въ 1мъ Отдѣленіи 104, во 2мъ Отдѣленіи 163; въ Юридическомъ 303 и въ Медицинскомъ 355; въ томъ числѣ обучались: на казенномъ содержаніи 112, на благотворительномъ 31, на иждивеніи другихъ заведеній 119, получали стипендіи и пособія 32.

Въ минувшемъ Академическомъ году въ Университетѣ преподавались всѣ науки и языки, входящіе въ составъ каждаго Факультета и Отдѣленія, согласно Высочайше утвержденному 26 Іюля 1835 года Уставу, кромѣ Философіи, Технологіи, Сельскаго Хозяйства, Лѣсоводства и Архитектуры, которыя отложены за неимѣніемъ Профессоровъ по симъ каѳедрамъ.

Сверхъ того читали публичныя лекціи: Профессоръ *Гейманъ* — Технической Химіи, и Адъюнктъ *Спасскій* — Физики (популярный курсъ).

Въ минувшемъ году, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, отправленъ на два года и четыре мѣсяца за границу: въ Германію, Францію, Бельгію и Англію, Магистръ Естественныхъ наукъ *Линовскій*, для усовершенствованія по части Сельскаго Хозяйства, и для занятія потомъ мѣста Преподавателя по сей каѳедрѣ, съ производствомъ ему отъ Университета на содержаніе по 1143 руб. сереб. въ годъ, съ прибавленіемъ въ послѣдніе четыре мѣсяца, по причинѣ существующей въ Англіи дороговизны, единовременно 250 р. с.

Изъ Преподавателей Университета съ Высочайшаго соизволенія уволены за границу съ ученой цѣлью: Ординарные Профессоры: *Крюковъ* по 1[е] Сентября, *Фишеръ* до Октября сего года, *Брашманъ* на четыре мѣсяца, и *Рѣдкинъ*, сверхъ вакаціоннаго времени, на четыре мѣсяца, съ сохраненіемъ получаемаго ими содержанія.

Университетъ понесъ чувствительнѣйшую потерю въ лицѣ Ректора своего, Заслуженаго Профессора, Михаила Трофимовича *Каченовскаго*, скончавшагося 19го Апрѣля. (*) Сверхъ того скончался одинъ изъ старѣйшихъ почетныхъ Членовъ Университета, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Григорій Ивановичь *Вилламовъ*.

Отставной Гвардіи Капитанъ Димитрій Петровичъ *Горихвостовъ*, во уваженіе просвѣщеннаго усердія къ пользѣ Университета и значительныхъ пожертвованій, утвержденъ Почетнымъ Членомъ Университета.

Въ Преподавателяхъ и Чиновникахъ произошли слѣдующія перемѣны:

Ординарные Профессоры: *Давыдовъ*, *Перевощиковъ* и *Даниловичъ*, по выслугѣ въ учебномъ вѣдомствѣ первыми двумя 30, а послѣднимъ 25 лѣтъ, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, оставлены на службѣ въ Университетѣ еще на пять лѣтъ. *Опредѣлены*: 1. Титулярный Совѣтникъ Магистръ *Коровицкій*, Исправляющимъ должность Профессора Юридическихъ курсовъ для юношества Царства Польскаго; 2.) Казенный Лекарь 1 го Отдѣленія *Скворцовъ*, Помощникомъ Прозектора по каѳедрѣ Анатоміи тѣла человѣческаго и Ординаторомъ Хирургической клиники; 3.) Кандидатъ 1 го Отдѣленія Философскаго Факультета *Леонтьевъ* и Коллежскій Регистраторъ *Штейнбергъ*, Помощниками Библіотекаря; 4.) Столоначальникъ Канцеляріи Господина Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Титулярный Совѣтникъ *Васильевъ*, Секретаремъ Правленія Университета; 5.) Отставной Ротмистръ *Іогель*, Помощникомъ Инспектора Студентовъ; *Утверждены*: 1.) Ординарные Профессоры *Давыдовъ* и *Погодинъ*, Ординарными Академиками Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности, и Адъюнктомъ сего же Отдѣленія Ординарный Профессоръ *Шевыревъ*; 2. Экстраординарный Профессоръ *Зерновъ*, Ординарнымъ Профессоромъ; 5. Адъюнктъ *Лешковъ* и Хранитель Университетскаго Музея *Рулье*, Экстраординарными Профессорами; 4. Ординарный Профессоръ *Баршевъ* Ценсоромъ Московскаго Ценсурнаго Комитета; 5. Ординарный Профессоръ *Рѣдкинъ* и Преподаватель *Грановскій*, Инспекторами надъ частными Учебными Заведеніями въ Москвѣ; 6. Помощникъ библіотекаря *Рихтеръ*, Библіотекаремъ; 7. Адъюнктъ *Гильтебрандтъ* и Прозекторъ *Басовъ*, Докторами Медицины и Хирургіи; 9. Адъюнктъ *Менщиковъ* Секретаремъ Московскаго Ценсурнаго Комитета; 10. Экстра-Ординарный Профессоръ *Рулье* Секретаремъ 2 го Отдѣленія, а Преподаватель *Грановскій* Секретаремъ 1 го Отдѣленія Философскаго Факультета. *Уволены*: по прошеніямъ 1) отъ должности Секретарей: Ординарный

(*) При семъ отчетѣ прилагается Некрологія покойнаго Профессора.

Професоръ *Зерновъ* 2 го Отдѣленія и Адъюнктъ *Оболенской* 1 го Отдѣленія Философскаго Факультета; 2. Библіотекарь *Коршъ*, отъ должности Библіотекаря; 3. Помощники Прозекторовъ: по каѳедрѣ Анатоміи тѣла человѣческаго Штабъ-Лекарь *Кетчеръ* и по ветеринарной Каѳедрѣ Докторъ Медицины *Скаренниковъ*; 4. Секретарь Правленія Университета Коллежскій Ассессоръ *Рагозинъ*.

За отлично-усердную службу, Всемилостивѣйше пожалованы: Орденомъ Св. Анны 2 й степени: Ординарный Профессоръ *Рихтеръ*, по службѣ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ; того же Ордена 3 й ст. Ординарные Профессоры *Морошкинъ* и *Крыловъ*; Орденомъ Св. Станислава 2 й степени съ Императорскою Короною Ординарные Профессоры: *Перевощиковъ* и *Эвеніусъ*, тойже степени безъ украшенія Ординарный Профессоръ *Погодинъ*, 3 й степени Помощникъ Инспектора Студентовъ *Ѳедоровъ* и Орденомъ Св. Владиміра 4 й степени за 35 ти-лѣтнюю службу Бухгалтеръ Типографіи *Колоколовъ*.

Награждены знаками отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ: Ординарный Профессоръ *Бунге*; за XXX лѣтъ, издатель Московскихъ вѣдомостей Князь *Шаликовъ*; за XXV лѣтъ: Экономъ *Воробьевъ*, Пріемщикъ объявленій Типографіи Титулярный Совѣтникъ *Персонъ*; за XX лѣтъ: Ординарные Профессоры *Васильевъ*, *Страховъ*, *Эвеніусъ*, Адъюнктъ *Оболенской* Лекторъ *Куртенеръ*; за XV лѣтъ: Ординарный Профессоръ *Брашманъ* и Библіотекарь *Рихтеръ*.

Въ продолженіе академическаго года удостоены ученой степени и разныхъ медицинскихъ и фармацевтическихъ званій:

1. Степени *Магистра Математическихъ наукъ*, Кандидатъ *Іосифъ Сомовъ* (*).

2. *Званія Инспектора Врачебной Управы*, Уѣздный Ярославскій Врачь Штабъ-Лекарь Андрей *Подгаевскій*.

3. *Въ Штабъ-Лекари*: Баталіонные Лекари: Тобольскаго пѣхотнаго полка Николай *Успѣнскій*; Витебскаго Егерскаго полка Семенъ *Бэръ*; Виленскаго Егерскаго полка Бонифацій *Гаевскій*; старшій Лекарь 2 военнорабочаго Баталіона путей Сообщенія Францъ *Верпеховскій*; старшій Лекарь 1 го Резервнаго Сапернаго Баталіона Яковъ *Коссачь*, младшій Лекарь 2 го учебнаго Карабинернаго полка Дмитрій *Шереметевскій*, и Ординаторъ Омскаго Военнаго Госпиталя Андрей *Поансардъ* (**).

4. *Званія Акушера*: Ординаторъ Московской Голицынской Больницы, Докторъ Медицины Ѳедоръ *Фе*, и Штабъ-Лекарь Карлъ *Глассъ*.

5. *Званія Лекаря*: бывшіе Студенты: изъ дворянъ Александръ *Леонтовичь*, Купріянъ *Геппенъ*, Іосифъ *Румшевичь*, изъ духовнаго званія Иванъ *Дмитревскій*, изъ разночинцевъ Иванъ *Данковъ*; иностранные Доктора Медицины: Максимиліанъ *Шафъ* и Адольфъ *Эрхардтъ*.

(*) Г. Сомовъ написалъ Диссертацію на степень Магистра: „*Объ Интегралахъ Алгебраическихъ ирраціональныхъ Дифференціаловъ съ одною перемѣнною*.

(**) Для полученія званія Штабъ-Лекаря, означенныя лица представили сочиненія: *Успѣнскій: о воспаленіи легкихъ*, *Бэръ: Медико-Топографическое описаніе гор. Переяславля*, *Гаевскій: о любострастной болѣзни*, *Верпеховскій: описаніе водянокъ*, *Кассачь: о воспаленіи легкихъ*, *Шереметевскій: о скорбутѣ*, *Поансардъ: Историческое, Статистическое и Медико-Топографическое описаніе западной Сибири*.

6. *Фармацевтическихъ званій: Провизора 36, Аптекарскаго Помощника 9.*

7. *Званія Зубнаго Лекаря* 1.

По произведенному испытанію въ 1 мъ и 2 мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета признаны способными къ занятію должности учителя въ казенныхъ заведеніяхъ 6 чиновниковъ.

По испытаніи, на основаніи Высочайше утвержденнаго 1 го Іюля 1834 года положенія удостоено званія Домашнихъ Учителей и Учительницъ 34.

Кромѣ настоящихъ должностей слѣдующіе, Гг. Профессоры и Преподаватели занимались особыми учеными трудами: Орд. Проф. *Перевощиковъ* издалъ второй гимназическій курсъ *чистой Математики*; сверхъ того напечаталъ статьи въ Журналахъ: Министерства Народнаго Просвѣщенія — *открытіе Ньютона,* и въ Отечественныхъ Запискахъ — *Жизнь Коперника* и печатаетъ полный курсъ *Астрономіи*; Орд. Проф. *Погодинъ* напечаталъ рукопись *Посошкова: О состояніи Россіи во время Петра Великаго* и издавалъ учено-литературный журналъ *Москвитянинъ;* Орд. Проф. *Гейманъ* издалъ вступительную лекцію 5 го курса *Технической Химіи* преподаваемой для Московскихъ фабрикантовъ и пояснительные чертежи снарядовъ, печей и фабричныхъ производствъ для посѣщающихъ публичныя лекціи Технической Химіи, которыхъ вышла первая тетрадь съ объясненіями; Орд. Проф. *Рѣдкинъ,* издалъ первый и второй томъ *Юридическихъ записокъ* и приготовляетъ къ изданію слѣдующіе за тѣмъ томы; Орд. Пр. *Баршевъ*, напечаталъ въ Юридическихъ запискахъ статьи: *о состояніи вопроса о смертной казни въ государствахъ Европейскихъ въ наше время; о вліяніи народныхъ предразсудковъ на наказаніе и о превосходствѣ процесса слѣдственнаго предъ обвинительнымъ,* и въ Журналѣ Москвитянинъ — *Французскій уголовный процессъ;* Орд. Проф. *Щуровскій,* составилъ и напечаталъ *Систематическій каталогъ Учебнаго Минералогическаго Кабинета* при Московскомъ Университетѣ (ориктогностическій на Русскомъ, а Геогностической на Французскомъ и Русскомъ языкахъ); Орд. Проф. *Шевыревъ* помѣщалъ статьи свои, преимущественно критическія, въ Журналѣ *Москвитянинъ*; Экстр. Орд. Проф. *Гофманъ,* продолжаетъ печатаніе *Ѳукидида*, началъ печатаніе своего изданія *Эврепидовой Ифигеніи въ Авлидѣ*, и оканчиваетъ печатаніе *Эврепидовой Медеи*; Адъюнктъ *Гильтебрандтъ*, издалъ сочиненіе: *о распознаваніи и леченіи аневризмъ* и *объ операціяхъ при вскрытіи артерій*; Адъюнктъ *Лешковъ* помѣщалъ статьи *въ Юридическихъ запискахъ* Проф. Рѣдкина и въ Журналѣ *Москвитянинъ;* Адъюнктъ *Спасскій* помѣщалъ статьи *въ Запискахъ Московскаго Общества Испытателей Природы, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и въ Журналѣ Москвитянинъ;* Адъюнктъ *Менщиковъ* напечаталъ диссертацію на степень Доктора: *In Platonis dialogum, qui inscribitur Cratylus commentatio*; Лекторъ *Рубини* приготовляетъ къ изданію *Poesie Scelte della prima metà del secolo deutonono*, и переводитъ на Италіанскій языкъ Россійскую Исторію; Лекторъ *Герингъ* печатаетъ второе изданіе своей *Хрестоматіи.*

По отношенію Императорской Академіи Наукъ, Медицинскій Факультетъ поручалъ разсмотрѣніе трехъ доставленныхъ въ Академію сочиненій къ соисканію Демидовскихъ премій, Гг. Орд. Профессорамъ *Страхову* и *Иноземцеву*; первому „*Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными, Всеволодова*; а послѣднему: *Руководство къ Оперативной Хирургіи, Академика Соломона, и Оперативная Хирургія Рклицкаго*; отзывы сихъ Профессоровъ, съ полнымъ одобреніемъ Факультета, препровождены были въ опредѣленный срокъ въ Академію (*).

(*) За разборъ Сочиненій Гг. Соломона и Рклицкаго, Академія назначила Профессору Иноземцову медаль

Учебныя пособія Университета получили значительныя приращенія: 1) Въ Библіотеку поступило 1,039 сочиненій въ 1,694 Томахъ; 2. Въ Музеумъ Естественной Исторіи 27 чучелъ животныхъ, полное и превосходное собраніе раковинъ Неаполитанскаго Королевства состоящее изъ 437 видовъ въ 3,723 Экз. и 214 Минераловъ; 3. Въ Учебный Минералогическій Кабинетъ 457 Минераловъ, изъ коихъ 22 пріобрѣтены отъ С.-Петербургскаго Горнаго Института, 55 изъ большаго Унив. Кабинета. 3 Доставлено изъ Кабинета Его Императорскаго Величества (изумрудъ, фенакидъ и хризобериллъ изъ Уральскихъ горъ); всѣ остальные пожертвованы Его Сіятельствомъ Г-мъ Попечителемъ Московскаго Университета. Изъ сихъ послѣднихъ одни съ горы Везувія (лавы и весьма рѣдкіе минераллы: Девинъ, Анортитъ, Монтицеллитъ, Криспіакитъ, Лазіонитъ, Нефелинъ, Хондродитъ и проч.), а другіе съ Липарскихъ островов (между прочими превосходный экземпляръ Сассолина). Сверхъ того Учебный Кабинетъ обогатился пріобрѣтеніемъ 38 инструментовъ, выписанныхъ изъ Праги отъ Братке. 4. Въ Анатомическій Кабинетъ пріобретено, (за 850 руб. серебр.) 52 модели Патологическихъ препаратовъ, изготовленныхъ Докторомъ Тиберомъ въ Парижѣ, которые отличаются вѣрнымъ подражаніемъ природѣ и особеннымъ искусствомъ 5. Въ Зоотомическій Кабинетъ пріобрѣтено 65 препаратовъ изготовленныхъ Прозекторомъ Басовымъ; 6. Химическая Лабораторія и Кабинетъ умножены 152 инструментами и снарядами; кромѣ того пожертвовано Камергеромъ Я. Н. Бахметевымъ стекляной посуды примѣрно на 800 р. асс. 7. Въ Гербарій пожертвовано Коллежс. Совѣт. Седаковымъ 325 сухихъ растеній Иркутской Губерніи; 8. Въ Ботаническій садъ поступило 91 растеніе и 432 вида сѣменъ.

Вообще учебныя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1. Въ Библіотекѣ 48,763 сочиненія въ 69,463 томахъ. 2. Въ Музеѣ Естественной Исторіи чучелъ животныхъ 41,652 и минераловъ 9,411. 3. Въ учебномъ Минералогическомъ Кабинетѣ 3,807 штуфа и 79 снарядовъ. 4. Въ Физическомъ Кабинетѣ 348 инструментовъ и снарядовъ. 5. Въ Минцъ-Кабинетѣ, 13080 монетъ и медалей. 6. Въ Гербаріумѣ 5,942 сухихъ растеній. 7. Въ Ботаническомъ садѣ до 6,500 видовъ растеній. 8. Въ Обсерваторіи 28 инструментовъ и снарядовъ. 9. Въ Химической Лабораторіи 3,050 разныхъ веществъ, препаратовъ, снарядовъ и инструментовъ. 10. Въ Анатомическомъ Кабинетѣ 5,773 препарата и 256 инструментовъ. 11. Въ Зоотомическомъ Кабинетѣ 668, препаратовъ и инструментовъ. 12. Въ Десмургическомъ Кабинетѣ 233 инструмента и снаряда. 13. Фармацевтическій Кабинетъ состоитъ изъ разныхъ реактивовъ и медикаментовъ, употребляемыхъ на лекціяхъ. Сверхъ того при Университетѣ находятся особыя Библіотеки: 1) Библіотека казенныхъ воспитанниковъ состоитъ изъ 2,026 сочиненій; 2. Библіотека для курса Русскаго слога — изъ 576 томовъ и 3. Библіотека для Юридическаго Факультета изъ 143 томовъ.

Въ Университетскихъ Клиникахъ находилось больныхъ: 1) въ Терапевтической 94, изъ коихъ выздоровѣло 77, получило облегченіе 5, умерло 12, приходило за совѣтами 1,360. 2) Въ Хирургической Клиникѣ 68, изъ коихъ выздоровѣло 50, получило облегченіе 7, выбыло въ другія больницы по случаю закрытія Клиники 2, выбыло по собственному желанію 1, умерло 8, приходило за совѣтами 637; операцій, за исключеніемъ относящихся къ Малой Хирургіи, сдѣлано 56. 3. Въ Акушерскомъ Институтѣ рожениць 130, изъ нихъ умерло 5. 4. Въ Студентской Больницѣ находилось больныхъ 253, изъ нихъ выздоровѣло 234, умерло 3, осталось на излеченіи 16, приходило за совѣтами 376. Студенты 5 курса участвовали въ леченіи больныхъ и при производствѣ операцій подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Профессоровъ и Адъюнктовъ Клиникъ; больные бѣднаго состоянія принимались безъ платы, а приходящіе изъ нихъ получали безденежно лекарства въ Университетской Аптекѣ. Въ Клиникахъ состоитъ разныхъ инструментовъ и снарядовъ 1,053. Для Акушерской Клиники куплено, на пожертвованные отставнымъ гвардіи

Капитаномъ *Горихвастовымъ* 20,000 руб. асс., у доктора *Озена* изобрѣтенная имъ машина представляющая женщину родильницу. За показыванiе сей машины и принадлежащихъ къ ней препаратовъ Медицинскимъ студентамъ, въ продолженiи двухъ лѣтъ, назначено производить Г. Озенъ по 3,000 руб. ас. ежегодно, на каковой предметъ пожертвовано также Г. Горихвастовымъ 4000 руб. асс. — Въ Аптекѣ Университета, кромѣ приготовленiя лекарствъ въ Клиники и въ вольную продажу, дѣланы особо въ присутствiи Студентовъ разные препараты лицами, которыя подвергались въ Университетѣ испытанiю на фармацевтическiя званiя.

Въ Университетской Типографiи отпечатано книгъ и дисертацiй на ученыя степени 75 званiй. Собрано за Московскiя Вѣдомости, объявленiя и книги 102,054 руб. 91$\frac{6}{7}$ коп., употреблено въ расходъ 70,337 руб. 74$\frac{4}{7}$ коп. серебромъ. Вообще въ Типографiи отпечатано до 6,550,000 листовъ.

Состоящiя при Университетѣ Ученыя Общества продолжали свои занятiя: 1) *Императорское Общество Испытателей Природы* имѣло 8 засѣданiй, въ коихъ читано 40 сочиненiй, по части Зоологiи, Ботаники, Минералогiи, Палеонтологiи, Геологiи и Химiи. Общество издало въ семъ году четыре книжки повременныхъ записокъ своихъ (Bulletin de la Societés des Naturalistes de Moscou), заключающихъ въ себѣ 54 листа и 11 рисунковъ. Всѣ помѣщенныя статьи суть оригинальныя и касаются почти исключительно Россiи. Сверхъ того Общество окончило печатанiе на свой щетъ сочиненiя Императорской С.-Петербургской Медико-Хирургической Академiи Профессора и Д. Ч. *Эйхвальда* подъ заглавiемъ Fauna Caspica Caucasica, долженствующее составить VI томъ записокъ (Memoires) Общества, и поддерживало значительныхъ издержекъ стоющее путешествiе Г. Карелина по Сибири, для изслѣдованiя Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, въ Естественномъ ихъ отношенiи. Число собранныхъ Г. Карелинымъ естественныхъ предметовъ весьма значительно. 2) *ИМПЕРАТОРСКОЕ Общество Исторiи и Древностей Россiйскихъ* имѣло 6 засѣданiй, въ коихъ читаны разныя Историческiя разсужденiя и изслѣдованiя. Общество продолжаетъ печатать: *Дипломатическiя сношенiя Царя Iоанна Васильевича Грознаго съ Королями Польскими Сигизмундомъ и Стефаномъ Баторiемъ; III томъ Повѣствованiя о Россiи Г. Арцыбышева; изслѣдованiя о древнемъ перiодѣ Русской Исторiи Г. Погодина; IV и V книгу Русскаго Сборника; II часть Русскихъ достопамятностей,* изданiе коихъ поручено Г. *Дубенскому.* Содѣйствiемъ Оберъ-Прокурора Графа Н. А. *Протасова,* Общество получило дозволенiе, для ученыхъ своихъ изданiй, пользоваться пособiями Московской Синодальной и Типографской Библiотекъ. 3) *Физико-Медицинское Общество* имѣло 7 засѣданiй, въ которыхъ читаны были Медицинскiя статьи на разныхъ языкахъ. Кромѣ того происходили въ каждомъ засѣданiи словесныя разсужденiя о предметахъ касающихся до Врачебныхъ Наукъ и читаны ученыя письма присылаемыя на имя Общества.

По окончанiи Академическаго года Студенты и Слушатели Университета, окончившiе опредѣленный Уставомъ курсъ ученiя, подвергались испытанiю въ Факультетахъ и отдѣленiяхъ на ученыя степени и званiя. По общемъ соображенiи познанiй, прилежанiя и поведенiя означенныхъ Студентовъ, Университетскимъ Совѣтомъ, согласно заключенiю Факультетовъ, удостоены:

I. Степени Кандидата

1 го Отдѣленiя Философскаго Факультета:

1. Сергѣй Ивановъ.
2. Сергѣй Соловьевъ.

3. Игнатій Родзевичъ (казенный Студентъ).
4. Августъ Шмурло (воспит. Учебн. Зав. Царства Польскаго).
5. Александръ Ивановъ (воспит. Александ. Сирот. Института).
6. Михаилъ Клечановскій.
7. Дѣйствительный Студентъ Ѳедоръ Голицынскій (воспит. Московск. Воспитат. Дома).

2го Отдѣленія Философскаго Факультета:

a) По Отдѣленію Математическихъ Наукъ:

1. Александръ Мильгаузенъ.
2. Дмитрій Потуловъ.
3. Николай Соколовъ (казенный Студентъ).
4. Михаилъ Соколовъ.
5. Николай Горлицынъ.
6. Феліціанъ Мейснеръ.
7. Василій Ладыгинъ.

b). По Отдѣленію Естественныхъ Наукъ.

1. Петръ Рокошъ.
2. Александръ Толмачевъ.

Юридическаго Факультета:

1. Аполлонъ Григорьевъ.
2. Иванъ Карповъ.
3. Александръ Новосильцевъ.
4. Александръ Малинковскій.
5. Филиппъ Гайдуковъ.
6. Андрей Гамбургеръ.
7. Петръ Карповъ.
8. Николай Полозовъ.
9. Людоміръ Пржибора.
10. Сергѣй Чистяковъ.
11. Станиславъ Стржешевскій (воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
12. Кн. Григорій Бебутовъ
13. Николай Салтыковъ.

II. Званія Дѣйствительнаго Студента

1-го Отдѣленія Философскаго Факультета:

1. Андрей Голицынскій (воспит. Москов. Воспит. Дома).
2. Александръ Голицынскій (воспит. Моск. Воспит. Дома).
3. Павелъ Чесноковъ.
4. Николай Орловъ.
5. Семенъ Кржечковскій (воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
6. Александръ Студитскій.
7. Иванъ Безсоновъ (казенный Студентъ).

8. Владиміръ Шоръ.
9. Өедоръ Пѣснопѣвцевъ
10. Николай Поповъ.
11. Владиславъ Сыртовтъ.

2-го Отдѣленія Философскаго Факультета.

а) По Отдѣленію Математическихъ Наукъ:

1. Александръ Кандиба.

b.) По Отдѣленію Естественныхъ Наукъ:

1. Іосифъ Понинскій (воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
2. Павелъ Петровъ.
3. Іосифъ Вашкевичъ.
4. Василій Петровъ.
5. Евстафій Стааль.
6. Алексѣй Загряжскій.
7. Иванъ Умновъ.
8. Василій Должиковъ.
9. Станиславъ Каташевичъ.
10. Титъ Михайловскій.
11. Захаръ Барсиговъ.
12. Владиміръ Даксергофъ.
13. Иванъ Кологривовъ.

Юридическаго Факультета:

1. Иванъ Мартенсъ.
2. Тигріанъ Тергуказовъ.
3. Петръ Безобразовъ.
4. Николай Глѣбовъ.
5. Иванъ Винокуровъ.
6. Флоріанъ Кучальскій.
7. Иванъ Карцевъ. (воспит. Москов. Воспит. Дома).
8. Андрей Анничевъ.
9. Александръ Поплавскій (воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
10. Александръ Невинскій.
11. Степанъ Текотскій.
12. Иванъ Зубатовъ.
13. Петръ Грибоѣдовъ.
14. Николай Поповъ.
15. Станиславъ Тхоржевскій (воспит. Учебн. Завед. Царства Польскаго).
16. Николай Кашкадамовъ (воспит. Москов. Воспит. Дома).
17. Вячеславъ Покровскій.
18. Николай Брызгаловъ.
19. Иванъ Аскархановъ.
20. Петръ Ключаревъ.

III. Званія Лекаря.

1-го Отдѣленія.

1. Алексѣй Полунинъ (воспит. Александр. Сирот. Института).
2. Николай Николаевъ (казенный Студентъ).
3. Николай Мазыринъ.
4. Михаилъ Шереметевскій (воспит. Москов. Воспит. Дома).
5. Василій Гортынскій (казенный Студентъ).
6. Константинъ Ромодановскій.
7. Валеріанъ Хлѣбниковъ } казенные
8. Николай Евреиновъ } Студенты.
9. Евграфъ Киндяковъ.
10. Михаилъ Колоколовъ.
11. Александръ Семеновъ.

(1–11: съ отличіемъ)

12. Игнатій Свидерскій (казенный Студентъ).
13. Александръ Манувиръ (воспит. Александр. Сирот. Института).
14. Яковъ Филевскій.
15. Алексѣй Лавровъ.
16. Викторъ Зедергольмъ.
17. Петръ Голицынскій (воспит. Москов. Воспит. Дома).
18. Фердинандъ Годлевскій.
19. Михаилъ Болховитиновъ.
20. Иванъ Мутрубъ-Шавердовъ.
21. Алексѣй Рѣшиковъ.
22. Иванъ Каржинскій } казенные Студенты.
23. Александръ Богородскій }
24. Михаилъ Дехановъ.
25. Гавріилъ Николинъ.
26. Робертъ Генцельтъ.
27. Андрей Страшоновичь (казенный Студентъ).
28. Андрей Зельтманъ (воспит. Александр. Сирот. Института).
29. Алексѣй Тихомировъ.
30. Александръ Рожновъ.
31. Петръ Парфентьевъ } (воспитанники Моск. Воспит. Дома).
32. Василій Собакинскій }
33. Дмитрій Евдокимовъ.
34. Петръ Вишняковъ } казенные Студенты.
35. Александръ Цвѣтковъ }

2 го Отдѣленія.

1. Карлъ Юнкеръ.
2. Яковъ Коржинскій.
3. Владиміръ Габріельсъ (воспит. Александрин. Института).
4. Петръ Романовскій.
5. Иванъ Владиміровъ (воспит. Московск. Восп. Дома).
6. Александръ Шульгинъ (казенный Студентъ).

7. Яссонъ Красницкій.
8. Семенъ Шереметевскій (воспит. Москов. Воспит. Дома).
9. Александръ Милохоровъ.
10. Николай Нечаевъ.
11. Давыдъ Ростомовъ.
12. Людовикъ Манкевичъ.
13. Павелъ Фелицынъ (*).

На основаніи 103 ст. Устава, за лучшія сочиненія на заданныя темы (**), награждаются медалями: *золотыми:* въ 1 отдѣленіи Философскаго Факультета: Воспитанникъ Учебныхъ Заведеній Царства Польскаго Студентъ 3-го курса Юліанъ *Скупѣвскій*, во 2 отдѣленіи того же Факультета Кандидатъ Александръ *Мильгаузенъ*; *серебряною* въ 1-мъ Отдѣленіи Философскаго Факультета Казенный Студентъ 2-го курса Василій *Брюшковъ*.

Въ настоящее время въ Московскомъ Университетѣ находится: 1) *по части ученой и учебной:* Почетныхъ Членовъ 29, Профессоровъ, Адъюнктовъ, Лекторовъ и другихъ преподавателей 54, Чиновниковъ при учебныхъ заведеніяхъ 14, 2) *по части Хозяйственной и Полицейской:* Инспекторъ Студентовъ, Помощниковъ его 6, штатныхъ Чиновниковъ и Канцелярскихъ служителей 31, при Типографіи Чиновниковъ и Канцелярскихъ служителей 27; 3) *учащихся*: Кандидатовъ 29, Дѣйствительныхъ Студентовъ 45, Лекарей 48, продолжающихъ ученіе Студентовъ и Слушателей 724.

(*) Имена и фамиліи Кандидатовъ, Дѣйствительныхъ Студентовъ и Лекарей означены здѣсь въ томъ порядкѣ, въ которомъ они слѣдуютъ по степени познаній, оказанныхъ на испытаніи.

(**) На полученіе медалей заданы были для сочиненія темы: въ 1 отдѣленіи Философскаго Факультета: Quae apud Livium ac Dionysium de Civitatis Romanae statu, per Servium regem, mutato narrantur discrepantia, quo modo illustrari et inter se conciliari possint; во 2 отдѣленіи Философскаго Факультета: объ опредѣленіи Орбитъ планетныхъ помощію наблюденій. —

НЕКРОЛОГІЯ.

»Ergo Quintilium perpetuus sopor
Urget? cui pudor et justitiae soror,
Incorrupta fides, nudaque veritas
Quando ullum inveniet parem?

Hor. L. I, carm. 24.

Горькій опытъ свидѣтельствуетъ намъ, замѣчаютъ мудрые, что во всѣхъ странахъ и во всѣ времена люди бываютъ несправедливы къ тѣмъ изъ собратьевъ своихъ, которые выходятъ изъ рядовъ посредственности; мы неравнодушно смотримъ на тѣхъ, которые помрачаютъ насъ собою; сильнѣйшіе насъ обременяютъ нашу слабость. Лишь гробница полагаетъ безпредѣльное пространство между человѣкомъ, произносящимъ судъ, и тѣмъ, надъ кѣмъ судъ произносится. Тутъ только исчезаютъ мелочные разсчеты, тихнутъ страсти, самая зависть съ клеветою умолкаетъ — и появляется истина.

Къ этимъ грустнымъ размышленіямъ о человѣчествѣ привела насъ недавняя утрата, понесенная Императорскимъ Московскимъ Университетомъ въ покойномъ Ректорѣ, Ординарномъ Академикѣ, Заслуженомъ Профессорѣ, Членѣ разныхъ Ученыхъ Обществъ, Дѣйствительномъ Статскомъ Совѣтникѣ и Кавалерѣ Михаилѣ Трофимовичѣ Каченовскомъ. И этотъ мужъ совѣта и науки, превосходившій многихъ изъ своихъ сверстниковъ, провелъ всю жизнь въ борьбѣ со всѣмъ, его окружавшимъ; и онъ не былъ по достоинству оцѣненъ современниками; и его заслуги мы видимъ яснѣе теперь, когда перестали ими пользоваться.

Покойный Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, происходившій отъ незнатной и недостаточной Греческой фамиліи Качони, родился въ Харьковѣ, 1775 года 1 го Ноября. Онъ былъ единственный сынъ у своихъ родителей. Отца лишился онъ на тринадцатомъ году возраста своего, а попеченіями матери имѣлъ счастіе утѣшаться до зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. Къ сожалѣнію, ничего неизвѣстно о подробностяхъ его ученія; между тѣмъ какъ любопытно было бы знать, какимъ образомъ преодолѣвалъ онъ всѣ трудности ученыхъ занятій, при ограниченныхъ

средствахъ и недостаточныхъ способахъ домашнихъ. Система ученія Коллегіума была одинакова съ системою ученія Духовныхъ Семинарій и Академій того времени: поэтому тамъ обучался онъ Греческому и Латинскому языкамъ; основательное же знаніе новѣйшихъ языковъ: Нѣмецкаго, Французскаго, Англійскаго, Италіянскаго и Польскаго пріобрѣлъ по выходѣ изъ Коллегіума. По особенной склонности къ языкамъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, учился онъ Шведскому языку, намѣреваясь познакомиться и съ другими Скандинавскими нарѣчіями. Этотъ богатый запасъ филологическихъ свѣдѣній способствовалъ ему къ изученію Исторіи, Статистики, Археологіи, Эстетики.

По неисповѣдимымъ предначертаніямъ Промысла, будущій Академикъ и Профессоръ изъ Коллегіума, еще отрокомъ (1788), по кончинѣ отца, вступилъ въ военную службу, въ Екатеринославское казачье ополченье, полковымъ Урядникомъ. Потомъ переведенъ въ бывшій Харьковскій губернскій Магистратъ, съ переименованіемъ въ Канцеляристы (1793). Тутъ произведенъ въ Провинціальные и Губернскіе Регистраторы. Снова вышелъ на военное поприще и опредѣленъ въ Таврическій Гренадерскій полкъ Сержантомъ (1795), перемѣщенъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ, гдѣ произведенъ въ полковые Квартирмейстеры.

Казалось, этотъ Квартирмейстеръ, бросивъ книги, станетъ добиваться воинскихъ почестей, пойдетъ пожинать лавры побѣдъ, или заглохнетъ въ толпѣ сослуживцевъ; но въ немъ теплился свѣтъ науки, еще согрѣвалась любовь къ знаніямъ, и, даже въ тучѣ бѣдъ, на нѣсколько времени, какъ бы для нравственнаго очищенія, омрачившихъ жизнь юноши, свѣтила ему на трудномъ пути испытаній звѣзда другой славы — славы ученаго. Находясь подъ слѣдствіемъ по дѣлу, въ которомъ послѣ былъ оправданъ и найденъ безвиннымъ, и сидя подъ карауломъ на гауптвахтѣ, въ Москвѣ, онъ продолжалъ заниматься науками, для которыхъ пособія доставлялъ ему Капитанъ его, С. Глинка, извѣстный нашъ писатель, также замѣчательный по удивительной борьбѣ идеальной своей жизни съ жизнью дѣйствительною. Съ восшествіемъ на Престолъ Александра Благословеннаго начинается духовное перерожденіе несчастнаго Квартирмейстера. Оправданный по суду, онъ вышелъ въ отставку и поступилъ Библіотекаремъ, а потомъ Правителемъ Канцеляріи къ Графу А. К. Разумовскому, бывшему вскорѣ послѣ того Попечителемъ Московскаго Университета. И вотъ онъ уже въ своей сферѣ, преданный любимымъ занятіямъ Огромная библіотека просвѣщеннаго вельможи открыла ему богатые источники для его любознательности. Онъ преподаетъ Риторику въ Академической Гимназіи, находившейся при Университетѣ; онъ и Магистръ Философіи въ 1805 году, и Докторъ Философіи и Изящныхъ наукъ въ 1806 году, и Адъюнктъ въ Университетѣ, въ 1808 году, и Экстраординарный Профессоръ въ 1810 году и наконецъ, въ 1811

году, Ординарный Профессоръ Теоріи Изящныхъ искусствъ и Археологіи. Въ 1821 году перемѣщенъ на каѳедру Исторіи, Статистики и Географіи Россійскаго Государства; въ 1830 и 1831 годахъ, временно поручено было ему преподаваніе Русской Словесности, а въ 1835 году недолго читалъ лекціи Всеобщей Исторіи. Въ этомъ же году, при введеніи въ дѣйствіе новаго Устава, утвержденъ въ званіи Заслуженаго Профессора и продолжалъ службу въ Университетѣ, преподавая Исторію и Литтературу Славянскихъ нарѣчій.

Въ званіи Профессора проходилъ онъ всѣ Университетскія должности: Визитатора училищъ и Члена Училищнаго Комитета, Ученаго Секретаря Совѣта, Директора Педагогическаго Института, Декана Отдѣленія, Проректора, Ректора. Сверхъ того онъ завѣдывалъ Университетскою Типографіею, былъ Членомъ Правленія Университетскаго Благороднаго Пансіона, Членомъ временнаго холернаго Комитета при Университетѣ, Членомъ Комитета для испытанія Гражданскихъ Чиновниковъ, Корреспондентомъ при Императорской Академіи Наукъ, Членомъ Комитета при мастерской Оружейной Палатѣ, Цензоромъ, Членомъ ученыхъ Обществъ: Исторіи и Древностей Россійскихъ, Любителей Россійской Словесности, Россійской Академіи, по преобразованіи которой Высочайше утвержденъ Ординарнымъ Академикомъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности въ Императорской Академіи Наукъ, и Почетнымъ Членомъ Университета Св. Владиміра. Проходя столь разнообразное ученое поприще, получалъ чины: Коллежскаго Совѣтника (1819), Статскаго Совѣтника (1824) и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника (1840). За ревностную и всегда усердную службу ему неоднократно изъявляемо было Высочайшее благоволеніе; перваго награжденія Орденомъ Св. Владиміра 4 й степени удостоенъ въ 1817 году; Орденомъ Св. Анны 2 го класса награжденъ въ 1831 году; потомъ Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны 2 й степени, украшеннаго Императорскою Короною (1834), и Ордена Св. Владиміра 3 й степени (1838). Знакъ отличія безпорочной службы имѣлъ за XXXV лѣтъ.

Столь многоразличныя занятія покойнаго свидѣтельствуютъ о его разнообразныхъ способностяхъ, высокомъ вниманіи къ нему и полной довѣренности начальства. Но жизнь ученаго преимущественно сосредоточивается въ кабинетѣ; и потому обозримъ заслуги его *литтературныя и профессорскія.*

Не смотря на непрерывное служеніе, которому въ жертву принесена вся его жизнь, никогда не удалялся онъ отъ занятій литтературныхъ, составлявшихъ потребность души его и усладу въ уединенной жизни. Проникнутый любовью къ мышленію кабинетному, тишинѣ и спокойствію созерцательной ученой жизни, и довольство посредственностью предпочитая наружному блеску, не рѣдко соединенному съ тревогами душевными, и роскоши, никогда и

ничѣмъ ненасытимой, онъ отказался отъ предложенной ему гражданской службы Графомъ Разумовскимъ при Министерствѣ Просвѣщенія, когда оно Графу было Высочайше ввѣрено. Таково свойство тѣхъ, которымъ назначено Провидѣніемъ творить судьбу свою собственною дѣятельностью изъ себя самихъ, независимо отъ обольщеній и прихотей счастія, въ тиши кабинета, въ укромномъ кругу семейства.

Для справедливаго изслѣдованія литературныхъ заслугъ его, должно вспомнить состояніе нашей словесности въ началѣ текущаго столѣтія. Тогда разлился благодатный свѣтъ науки, по учрежденіи многихъ новыхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, явился и новый классъ людей образованныхъ. Этому классу нужны были новый языкъ и новая словесность. Карамзинъ первый отозвался на требованія, не высказывавшія себя ясно, но сочувствовавшія всему народному. Продолженіе безотчетнаго подражанія иностранцамъ, съ одной стороны, и изученіе памятниковъ Русской древности, переработка отечественнаго языка, на основаніи языка Библейскаго и языка Русскихъ лѣтописей, съ другой: вотъ характеръ переходнаго періода нашей словесности, къ которому принадлежитъ и М. Т. Каченовскій. Иные писатели этого періода продолжаютъ направленіе протекшаго вѣка, подражая Французамъ; другіе представляются предвѣстниками новой эпохи, развивая народность; въ нѣкоторыхъ эти направленія соединяются. Державинъ уже пропѣлъ свой славный гимнъ царствованію Екатерины Великой; но прежнее направленіе отразилось въ современныхъ Карамзину писателяхъ — Дмитріевѣ, Озеровѣ и Батюшковѣ. Новымъ требованіямъ поэтическимъ отвѣчали Жуковскій и Крыловъ. Мерзляковъ, также незабвенный для Московскаго Университета, слѣдовалъ различнымъ направленіямъ. Въ одахъ и критикѣ онъ подражалъ поэтамъ предъидущаго вѣка и критикамъ Французской школы, а въ пѣсняхъ онъ народенъ и самобытенъ. Въ этомъ періодѣ началось повсюду изученіе внутренней жизни духа и развитія человѣчества, съ критическимъ изслѣдованіемъ преданій историческихъ. Въ искусствѣ также обнаружилось стремленіе къ раскрытію творческой силы духа, всемірной и всечеловѣческой, но облекающейся въ покровы современной народности. Ученые стали излагать науки на отечественномъ языкѣ. Скоро увидѣли мы и блистательнѣйшее явленіе въ литературѣ нашей, *Исторію Государства Россійскаго*, въ которой заключается самопознаніе народа; а съ народнаго самопознанія начинается самобытная отечественная словесность.

Въ этомъ переходномъ періодѣ словесности нашей М. Т. Каченовскій представляется писателемъ замѣчательнымъ. Съ 1805 по 1830й годъ занимался онъ изданіемъ Вѣстника Европы, начатаго Карамзинымъ. Въ 1809 и 1810 годахъ въ этомъ журналѣ участвовалъ Жуковскій, издававшій его одинъ

въ 1807 и 1808 годахъ; а въ 1814 году, по случаю тяжкой болѣзни покойнаго, Вѣстникъ предоставленъ былъ В. Измайлову. Этимъ продолжительнымъ изданіемъ постоянно любопытнаго журнала пріобрѣлъ покойный литературную извѣстность: сначала слабая и непрочная, она возрасла и окрѣпла среди ученыхъ преній, подобно деревьямъ, раждающимся среди бурь, укрѣпляющимся отъ потрясеній и утверждающимся временемъ. Въ литературныхъ вѣрованіяхъ онъ оставался на сторонѣ классицизма, не бывъ впрочемъ безотвѣтнымъ чьимъ-либо послѣдователемъ. Глубоко сочувствовалъ онъ потребности изученія отечественной исторіи и древности: и, знакомый съ Нибуромъ, онъ обратился къ критическому изученію изслѣдователей исторіи нашей — *Байера*, *Миллера*, въ особенности *Шлецера, Эверса*. Плоды этихъ занятій, давно знакомые слушавшимъ его историческія лекціи, письменно изложены въ послѣднихъ годахъ Вѣстника Европы.

Кромѣ розысканій по части отечественной исторіи, въ Вѣстникѣ Европы мы читали изящные его переводы изъ древнихъ и новыхъ писателей, основательные разборы важнѣйшихъ современныхъ сочиненій иностранныхъ и Русскихъ. Къ начальнымъ его литературнымъ опытамъ принадлежатъ: переводы *Терезы* и *Фальдони* (4 Ч. in 12, 1804) и *Аѳинскихъ писемъ* (4 Ч. 1804 и 1805). Въ первомъ опытѣ переводчикъ всегда раскаявался, какъ въ напрасной потерѣ времени; а второй трудъ принадлежитъ къ лучшимъ переводнымъ трудамъ. Внутреннее достоинство Аѳинскихъ писемъ признаетъ сочинитель Анахарсиса: даже если бы зналъ онъ ихъ, прежде собственнаго предпріятія; то вѣроятно не рѣшился бы еще писать о древности. Повѣсти, напечатанныя въ Вѣстникѣ, изданы особо, подъ заглавіемъ *Библіотеки повѣстей*. Слогъ покойнаго, хотя лишенный прелестей воображенія и болѣе логическій, можно признать образцовымъ слогомъ яснаго и свѣтлаго ума; это слогъ Аристотелевъ. Языкъ его правильный, точный, опредѣленный. Иногда въ слогѣ и языкѣ своемъ возвышается онъ до ораторской настроенности: таковъ въ переводахъ изъ Мосгейма. Въ отношеніи къ слогу, велъ онъ жаркую битву съ двумя крайностями, равно ложными и вредными распространенію истиннаго знанія и изящнаго вкуса — съ *сентиментальными* послѣдователями Карамзина, непонимавшими *учителя* своего, и съ поборниками славянизма, тогда превознесеннаго Шишковымъ. Подъ руководствомъ издателя, въ Вѣстникѣ Европы впервые явились юные таланты по различнымъ отраслямъ словесности, нынѣ извѣстные писатели: Полевой, Снегиревъ, Надеждинъ. Часто этотъ журналъ украшался сочиненіями въ стихахъ и прозѣ Жуковскаго, Мерзлякова и другихъ Членовъ Университета: отъ того и занималъ онъ первое мѣсто между Русскими журналами. И теперь помнимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали, чрезъ каждыя двѣ недѣли, розовой книжки Вѣстника,

гдѣ, кромѣ новостей политическихъ, всегда находили поучительныя статьи, относившіяся къ современному состоянію наукъ и искусствъ, пріятные отрывки литературные, занимательную и благонамѣренную критику, растворенную аттическою солью и юморомъ самого издателя, и прекрасный. образцовый для того времени, Русскій языкъ.

Но не однимъ Вѣстникомъ Европы занимался покойный: мы встрѣчаемъ его витіею въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности. Разсужденія его о древнемъ Русскомъ витійствѣ и о похвальныхъ словахъ Ломоносова показываютъ вѣрный взглядъ на предметъ, обширную начитанность, силу критицизма, и могутъ служить примѣромъ ораторскаго слога. Онъ первый обратилъ вниманіе на Ѳеофана Прокоповича, съ объясненіемъ его великихъ ораторскихъ достоинствъ, и на слова другихъ духовныхъ витій. Въ разсмотрѣніи похвальныхъ словъ Ломоносова опредѣлилъ безсмертныя заслуги его отечественному слову, показалъ мѣсто его въ ряду нашихъ писателей, какъ оратора и законодателя языка, и исчислилъ всѣ заимствованія его изъ Цицерона и Плинія. Столь же возвышеннымъ, видимъ его въ рѣчи, произнесенной имъ на Университетскомъ актѣ 1819 года: *О художественныхъ произведеніяхъ, какъ памятникахъ древнихъ народовъ, которые болѣе или менѣе извѣстны потомству, по мѣрѣ успѣховъ ихъ въ Изящныхъ искусствахъ.*

Отъ литературныхъ трудовъ покойнаго обращаемся къ занятіямъ его профессорскимъ. Обнять область науки во всей обширности и въ современномъ ея состояніи, послѣдовательно и ясно изложить ее слушателямъ: вотъ собственное назначеніе профессорскихъ чтеній. Еще большаго уваженія заслуживаютъ лекціи напечатанныя, особенно когда онѣ содержатъ въ себѣ или новыя рѣшенія какихъ-либо вопросовъ науки, или новыя основныя мысли, расширяющія ея предѣлы и проливающія на нее новый свѣтъ. Этихъ условій не могъ выполнить покойный Профессоръ, не выслушавшій ни одной изъ преподаванныхъ имъ наукъ у кого-либо изъ ученыхъ, въ извѣстной системѣ и съ надлежащимъ методомъ; а всѣ предметы, которымъ училъ другихъ, изучалъ самъ изъ книгъ: отъ того происходила нѣкоторая неполнота въ его лекціяхъ; но проницательность ума, вѣрность сужденія, основательная критика отличали его изложеніе наукъ и составляютъ характеристику всѣхъ его сочиненій. Кому изъ ученыхъ не извѣстно, съ какою легкостью пріобрѣтаются свѣдѣнія въ наукахъ живымъ преподаваніемъ, изъ устъ особенно краснорѣчиваго Профессора? Какъ облегчается самое изученіе писателей по той или другой наукѣ, когда открыты всѣ источники и указаны критически всѣ пособія! Покойный нашъ товарищъ не имѣлъ этѣхъ выгодъ систематическаго и методическаго ученія. Только съ помощью рѣдкихъ дарованій, лишенный способовъ къ правильному разви-

тію и обогащенію себя разнообразными знаніями, преодолѣлъ онъ трудности самообразованія. Теорію Изящныхъ искусствъ и Археологію преподавалъ онъ по Зибенкезу, Исторію Всеобщую по Беку, Исторію Русскую по руководству Эверса, снабженный критикою Шлецера, Россійскую Статистику и Географію по Гейму, Исторію и Литературу Славянскихъ нарѣчій по Шафарику.

Духъ и направленіе ученія его въ отечественной исторіи показаны имъ самимъ въ отрывкахъ и изслѣдованіяхъ о *Русской Правдѣ*, помѣщенной въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета (1835 г.). Тутъ же находится изслѣдованіе его *о кожаныхъ деньгахъ* и статьи его слушателей: *О баснословномъ времени въ Русской Исторіи; о пользѣ ученія Русской Исторіи въ связи со Всеобщею; о времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія Славянъ на берега Волхова.* Названіе Руси, по его соображеніямъ и доводамъ, идетъ не съ Сѣвера, куда пришли Варяги, а напротивъ съ Юга. Въ достовѣрности древней Русской Исторіи онъ сомнѣвался; не принималъ также и начала Русскихъ лѣтописей съ XI столѣтія; Несторова лѣтопись, по его мнѣнію, дошла до насъ не въ томъ видѣ, какой данъ ей былъ въ самомъ началѣ. Онъ поколебалъ вѣрованіе въ древность и Слова о полку Игоревѣ. Къ любопытнымъ историческимъ статьямъ принадлежитъ изслѣдованіе его *старинной Черниговской золотой медали,* подавшее поводъ Пр. Моргенштерну къ обширнѣйшему разсужденію.

Съ такимъ же критическимъ взглядомъ встрѣтилъ онъ и Исторію Государства Россійскаго. Въ Вѣстникѣ Европы помѣщено разсмотрѣніе его введенія въ это великое твореніе, доселѣ и первое, и единственное. Впрочемъ отъ него всѣ ожидали полнаго и подробнаго разбора Исторіи Карамзина, какой началъ былъ Лелевелемъ, въ Сѣверномъ Архивѣ. Разсмотрѣніе же покойнаго болѣе касалось изложенія — неточности переносныхъ выраженій и другихъ погрѣшностей противъ языка. Дѣйствительно, введеніе Карамзина въ Исторію не походитъ по слогу на самую Исторію: не говоря о воззрѣніи Исторіографа на свой предметъ, по указаніямъ Критика, удивляешься несвязности этого введенія, противорѣчіямъ, неправильности языка. Кажется, Исторіографъ тутъ, въ предисловіи своемъ, снимаетъ съ себя всѣ пелены, въ которыя до того былъ окутанъ, и, уже свободный отъ подражанія формамъ иностранныхъ языковъ, и напитанный языкомъ родныхъ Лѣтописей, входитъ въ храмъ отечественной Исторіи.

Скептическое направленіе М. Т. Каченовскаго въ критикѣ Русской Исторіи нашло послѣдователей между его слушателями, и, какъ всякое противодѣйствіе, оказалось полезнымъ для науки: оно заставило Пр. Погодина и любителя Русскихъ древностей, Буткова, вполнѣ изложить оборонительные свои доводы за Нестора и вообще за достовѣрность древнихъ памятниковъ Русской письменности. Эта ученая борьба породила многихъ противниковъ покойному, которые,

не отдѣляя мнѣній отъ личности ученаго, питали къ нему непримиримое недоброжелательство.

Надѣемся, что въ оставшихся послѣ него портфеляхъ найдутся новыя, доселѣ неизвѣстныя изслѣдованія его по этой же части, особенно имъ любимой. Не сомнѣваемся также, что откроются многіе матеріалы и для отечественной Статистики. Для исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій, вѣроятно, онъ не успѣлъ приготовить многаго, занимавшись этимъ предметомъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Въ отношеніи же къ теоріи Изящныхъ искусствъ и Археологіи, покойный, направленіе къ классицизму предпочитавшій новымъ измѣненіямъ, пребылъ вѣрнымъ старой школѣ; современное ученіе философіи искусства, начатое Шеллингомъ, развитое Шлегелями и оконченное Гегелемъ, ему было не извѣстно. Извлеченіе изъ лекцій его составлено и издано однимъ изъ его слушателей, И. Войцеховичемъ, подъ заглавіемъ: *Начертаніе теоріи Изящныхъ искусствъ.* Въ этомъ сочиненіи все ученіе объ искусствѣ основано на подражаніи природѣ, согласно съ ученіемъ Французской школы.

Пользуясь досугомъ, какой оставался покойному отъ различныхъ должностей и литературныхъ занятій, онъ издалъ *Греческую Христоматію Якобса*, съ замѣчаніями и словаремъ на Русскомъ языкѣ. Эта книга очень долго почиталась въ училищахъ лучшимъ руководствомъ.

Какъ преподаватель, покойный не имѣлъ навыка свободно выражаться предъ многочисленными слушателями. Не смотря на это, лекціи его Русской Исторіи, всегда оживленныя остроумной критикою и намеками, если и не вполнѣ убѣдительными, по крайней мѣрѣ поразительными новостью, были поучительны и въ первые годы привлекали многихъ слушателей.

Итакъ появленіе покойнаго нашего товарища на литературномъ и историческомъ поприщѣ, въ первой четверти текущаго столѣтія, было явленіемъ необходимымъ; онъ, какъ литераторъ и профессоръ, останется незабвеннымъ для Московскаго Университета, и всегда будетъ занимать почетное мѣсто между Русскими писателями; его не забудетъ литераторъ — историкъ; безъ него не полна исторія отечественной словесности. Никогда не употребляя дара своего въ угожденіе или изъ лести знатнымъ и сильнымъ меценатамъ, не обинуясь высказывалъ онъ свое мнѣніе, въ которомъ бывалъ убѣжденъ по собственному сознанію, даже иногда вопреки вѣрованіямъ, утвержденнымъ временемъ и народностью. Вся жизнь его была борьба съ нуждами, препятствіями, мнѣніями. Такова участь людей, чувствующихъ въ себѣ призваніе къ самобытной дѣятельности по какой либо отрасли науки или искусства. Преслѣдованія, клевета, бѣдность въ неизвѣстности ихъ ожидаютъ. Но откажутся ли они поэтому проливать свѣтъ знаній, дарованный имъ Промысломъ? Нѣтъ, безъ сомнѣнія;

они сами не могутъ противиться внутренней своей потребности, сами не могутъ остановить стремленія своего, утолить жажды знаній. Мыслящій призывается къ намъ для распространенія мыслей своихъ, какъ солнце поставлено надъ главами нашими для проліянія своего свѣта. Да и что значитъ толпа завистниковъ передъ истиною? Истина вѣчна, все прочее преходитъ. Въ то самое время, когда недоброжелатели преслѣдуютъ того, кто выше ихъ, благородныя души ему сочувствуютъ за него и вмѣстѣ съ нимъ страждутъ; и въ вѣкахъ грядущихъ найдутся люди, которые будутъ мыслить его мыслями. Высшіе умы живутъ для всѣхъ странъ и для всѣхъ временъ. Счастливъ тотъ, кто, подобно усопшему, принесъ на алтарь науки и отечественнаго просвѣщенія лучшую часть своего бытія — свои мысли, свои знанія, свое слово!

Наконецъ почтимъ покойнаго наставника нашего и товарища воспоминаніемъ, какъ *человѣка и гражданина*, какимъ мы видали его въ дружескихъ бесѣдахъ и въ кругу его семейства.

Долго, долго будутъ взоры наши тщетно искать въ собраніяхъ нашихъ старца средняго роста, довольно дороднаго, покрытаго сѣдинами, съ огненными и въ старости глазами, съ строгимъ, но и часто улыбкою мудреца умѣрявшимся видомъ, съ небрежною походкою, съ голосомъ нѣсколько жесткимъ. Вѣрный святому долгу гражданина предъ Богомъ и Государемъ, всегда дѣйствовалъ этотъ старецъ по чистой совѣсти и по крайнему разумѣнію. Ничто не въ состояніи было отклонить его отъ пути истины и правосудія, когда онъ бывалъ въ нихъ убѣжденъ. Но тотъ же грозный и неумолимый судія порока и злоупотребленія, вспыльчивый при первыхъ впечатлѣніяхъ, какъ бывалъ снисходителенъ къ слабостямъ и заблужденіямъ человѣческимъ! Съ какою охотою подавалъ онъ руку помощи слабымъ, не рѣдко угнетеннымъ силою и могуществомъ! Какъ радушно дѣлился онъ опытомъ и знаніями своими со всѣми, прибѣгавшими къ нему за добрымъ совѣтомъ! Какъ веселъ бывалъ онъ въ дружескихъ бесѣдахъ, всегда острый и исполненный юмора!

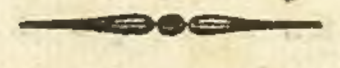
Въ кругу семейства, состоящаго изъ супруги, дочери и двоихъ сыновей, проводилъ онъ досуги отъ должности и ученыхъ занятій. Здѣсь отдыхалъ онъ, не жалуясь на людей и на ихъ несправедливость. Проникнутый истинами Православной Вѣры, онъ ежегодно, съ подобающимъ мудрецу благочестіемъ, исполнялъ обязанности Христіанскія, въ примѣръ и назиданіе дѣтямъ. Кротокъ, ласковъ бывалъ онъ среди кровныхъ, близкихъ его сердцу, и съ посторонними привѣтливъ. Чуждый корыстолюбія и любостяжанія, онъ, завѣщавъ семейству своему почтенное имя ученаго и честнаго мужа, оставилъ ему въ наслѣдство лишь только заслуженную имъ пенсію и небольшой ветхій домъ.

Покойный большею частію наслаждался здоровьемъ и веселостью духа. Лишь только съ прошедшей осени, отъ поврежденія ноги, принужденъ онъ былъ пролежать осень и зиму. Эта страдальческая неподвижность изнурила силы его и имѣла гибельное вліяніе на душевныя способности: къ веснѣ хотя онъ началъ выздоравливать, даже приходилъ въ аудиторію и въ засѣданія на костыляхъ; но уже мы видѣли его блѣднымъ, ослабѣвшимъ, съ погасшими глазами. Грустно было смотрѣть на него; а онъ еще болѣе грустилъ въ семействѣ своемъ, чувствуя упадокъ силъ. Мы съ нимъ видѣлись въ послѣдній разъ на Страстной недѣлѣ и разстались со взаимнымъ пожеланіемъ, радостно встрѣтить Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова. И онъ дѣйствительно радостно встрѣтилъ праздникъ на 67-мъ году отъ рожденія: въ Воскресеніе Христово, 19-го Апрѣля, въ 5 часовъ пополудни, сидя за книгою, заснулъ сномъ праведника — сномъ непробуднымъ на вѣки. . . .

Въ день отпѣванія, въ храмѣ Пимена Новаго, Божественную Литургію совершалъ Архимандритъ Новоспасскаго монастыря, Аполлосъ, вмѣстѣ съ Архимандритомъ Донскаго монастыря, Ѳеофаномъ, а трогательное надгробное Слово произнесъ Профессоръ Университета и Докторъ Богословія, Протоіерей Терновскій. Начальство и всѣ Члены Университета и Студенты, равно и постороннія особы, знавшія и уважавшія покойнаго, слушали обѣдню и присутствовали при отпѣваніи тѣла. Казалось, мы лишь въ это время сознали достоинства и заслуги того, кого среди насъ не стало. Студенты, исполненные благородной признательности къ своему Профессору и Ректору, несли на себѣ гробъ до Міюскаго кладбища, гдѣ похоронены бренные его останки.

Миръ праху твоему, досточтимый наставникъ и товарищъ! Взывай насъ и семейство твое отъ печали къ созерцанію твоихъ добродѣтелей; а мы почтимъ тебя болѣе соревнованіемъ твоимъ подвигамъ, чѣмъ преходящими похвалами. Тѣло человѣческое, говоритъ жизнеописатель Агриколы, и изображенія его тлѣнны и смертны; лишь только образъ души вѣченъ и безсмертенъ: сохранимъ же мы его въ воспоминаніи безсмертнаго духа.

Пр. И. Д.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

